

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Э.Н. МЕРКУЛОВА

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫХ
ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ
(АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Монография

Нижний Новгород
2013

ББК 81.2

М52

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор А.В. Иванов

доктор филологических наук, профессор С.В. Постникова

Э.Н.Меркулова

М52 Прагматический аспект субколлоквиальных оценочных номинаций (американский вариант английского языка): Монография. – Нижний Новгород: 2013. - 145с.

ISBN 978-5-502-00368-1

Монография представляет собой опыт систематического описания специфического пласта американской разговорной лексики - субколлоквиальных оценочных номинаций.

В исследовании рассматриваются системные и функциональные особенности субколлоквиальных оценочных номинаций, включая словарный пласт, находящийся в самом низу шкалы этических значимостей лексики.

Книга адресована широкому кругу специалистов - научным работникам, преподавателям, студентам и аспирантам филологических специальностей, занимающихся исследованиями в области стилистики, лексикологии, семасиологии, инвектологии, гендерной лингвистики, лингвистической прагматики, лингвокультурологии, а также всем тем, кто интересуется вопросами, связанными с пониманием закономерностей функционирования языка в сфере неофициального общения.

Библиография: 414 назв.

УДК 802.0

ББК 81.2

ISBN 978-5-502-00368-1

© Меркулова Э.Н., 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I	
СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ОСОБЫЙ ПЛАСТ АМЕРИКАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ, ОБЛАДАЮЩИЙ ВЫСОКИМИ РЕГУЛЯТИВНЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ.....	9
1. <i>Определение лингвистического статуса субколлоквиальных лексических единиц</i>	9
2. <i>Субколлоквиальная лексика, обладающая максимальной глубиной этической сниженности</i>	14
ГЛАВА II	
СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ	28
1. <i>О двух подходах к интерпретации прагматического содержания языкового знака</i>	29
2. <i>Коннотация VS прагматический аспект</i>	32
3. <i>Системные параметры прагматического аспекта</i>	34
4. <i>Характер взаимодействия прагматического аспекта и денотативно-сигнификационного компонента в структуре СОН</i>	48
5. <i>Основные способы образования табуизмов и табуированных значений в американском варианте английского языка</i>	53
ГЛАВА III	
СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ.....	61
1. <i>Тематическая классификация СОН</i>	61
2. <i>Основные виды актуализации денотативных сем</i>	69
3. <i>Средства контекстуальной объективации системного прагматического аспекта СОН</i>	70
4. <i>Контекстуальная модификация прагматического аспекта значения СОН</i>	76
5. <i>Основные синтаксические функции СОН в предложении</i>	79

ГЛАВА IV	
РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫХ СОН С МАКСИМАЛЬНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭТИЧЕСКОЙ СНИЖЕННОСТИ.....	85
1. <i>Язык как средства силового воздействия.....</i>	86
2. <i>Социальный маркер.....</i>	95
3. <i>К проблеме речевого общения социально стратифицированного американского общества.....</i>	97
4. <i>Прагматические конвенции и ролевые экспектации как фактор, определяющий стратегию коммуникации.....</i>	108
5. <i>Теория речевой аккомодации (ТРА).....</i>	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	116
БИБЛИОГРАФИЯ.....	121
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ.....	143
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ПРИМЕРОВ.....	143

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой опыт систематического описания специфического пласта американской разговорной лексики - субколлоквиальных оценочных номинаций (далее - СОН). Выделенный в качестве объекта исследования лексический пласт, являясь сложным многогранным явлением, давно вышел за пределы исследовательского интереса только со стороны лингвистики или ее направления - коллоквиалистики. Отдельные аспекты субстандартной лексики анализируются и описываются в рамках различных исследовательских школ, с применением имеющихся в их репертуаре терминологических и понятийных аппаратов. Наряду с традиционными для этого круга вопросов семантикой и стилистикой, проблемы значения субколлоквиального слова активно изучаются с позиций аксиологии и этиологии. Тот факт, что этически сниженная лексика, и особенно ее табуированная часть, являются неотъемлемой составляющей языка агрессии, привело к возникновению двух новых направлений в лингвистике – маледиктологии [Frank, 2001] и, в отечественном языкознании – инвектологии [Жельвис, 2001; Жельвис, 2011; Стернин, 2001; Позолотин, 2005]. Необходимость лингвистического обоснования факта оскорбления привела к формированию теоретических основ юрислингвистики. Проблемы функционирования этически сниженной лексики в речи рассматриваются также с точки зрения социолингвистики, психолингвистики, прагмалингвистики, этнолингвистики, лингвакультурологии, гендерологии и т. п. С целью максимально исчерпывающего описания выделенного лексического пласта настоящее исследование опирается на достижения указанных наук и формирует релевантный для целей настоящего исследования понятийный аппарат.

Для обозначения объекта исследования используется термин Ю.М. Скребнева «субколлоквиальные оценочные единицы», который понимается в работе несколько шире, чем это предусматривалось автором термина. Субколлоквиальная лексика (субколлоквиализмы) включает в себя все единицы, лежащие на шкале этических значимостей лексики [Скребнев, 1974:101] ниже коллоквиальных слов, включая единицы, обладающие максимальной глубиной этической сниженности [Хомяков 1985]. Представляется, что в таком понимании термин «субколлоквиальный» наиболее адекватно отражает сущность описываемого слоя лексики и выделяется на основании признака престижности слова, который существует не сам по себе, а как «производное социальной оценки минимум трех факторов: объекта речи, характера речевой сферы и участников коммуникативного акта»

[Скребнев, 1975:100]. Ведущим признаком объединения названных единиц в одну группу явилась их субъязыковая отнесенность, заключающаяся в функциональной закреплённости субколлоквиальных оценочных единиц за неофициальной сферой общения.

Актуальность данного исследования состоит в том, что оно лежит в русле исследования языка в его реальном функционировании в обществе, что свойственно современному взгляду на язык, и также определяется необходимостью систематизации и комплексного изучения прагматических возможностей выделяемого пласта субколлоквиальной лексики, что позволяет расширить наше представления о составе и закономерностях функционирования традиционных средств регулятивной системы языка в сфере неофициального общения.

Актуальность выбора в качестве объекта исследования субколлоквиальных оценочных единиц, обладающих разной глубиной этической сниженности, определяется тем, что несмотря на появившиеся за последнее десятилетие работы, исследующие разные аспекты стилистически сниженной лексики на материале разных языков [Бельчиков, 2002; Жельвис, 2001; Королева, 2002; Кусов, 2004; Позолотин, 2005; Battisella, 2005] до настоящего времени СОН не подвергались фронтальному лингвистическому анализу.

Научная новизна работы заключается в комплексном анализе СОН, вскрывающем их специфические черты как особого пласта субколлоквиальной лексики, в рассмотрении прагматического аспекта слова как узואльно присущего семантике лексической единицы компонента, а также в вытекающей из этого прагматической детерминированности функциональной специфики СОН. Субколлоквиальные оценочные номинации не являлись предметом специального рассмотрения ни в зарубежной, ни в отечественной лингвистике, в связи с чем проводимое исследование представляется теоретически и практически целесообразным.

Целью исследования является выявление субколлоквиальное оценочного состава лексики как сложного и многоаспектного явления, характеризующегося уже в системе языка широкими регулятивными потенциями, и описание основных семантических и функциональных особенностей исследуемых единиц.

В соответствии с целью исследования были поставлены и решены следующие задачи:

- выделение СОН из корпуса словаря;
- анализ структуры семантики СОН и выделение прагматического аспекта в изучаемом слое лексики на основе разработанной для этих целей

методики;

- определение аксиологической направленности СОН;
- рассмотрение тематической организации и семантических особенностей СОН;
- исследование особенностей речевой реализации их системного потенциала;
- социолингвистический анализ функционирования СОН в условиях межличностного и межгруппового общения.

Материал исследования составили 967 субколлоквиальных номинаций. Из них 595 субколлоквиальных слов и 262 лексико семантических варианта, выделенных в результате сплошной выборки из Словаря Американского сленга под редакцией Р.А. Спирса (САС) и Англо-русского словаря-справочника табуированной лексики и эфемизмов под редакцией А.Ю. Кудрявцева и Г.Д. Куропаткина. Сопоставительный анализ проводился с использованием Словаря американского сленга под редакцией Г. Вентворта и С.Б. Флекснера, Вебстерского, Феминистского и других словарей.

Этнографическая лимитация материала обусловлена многочисленными различиями, имеющимися в системе американского и британского сленга - в силу специфичности сниженной лексики, несущей на себе отпечаток жизни народа в совокупности всех его идиосинкратических особенностей, не представляется логичным проводить исследование недифференцированно.

Изучение СОН в соответствии с поставленными задачами проводилось на основе применения следующих методов:

- дефиниционного анализа при исследовании тематической специфики СОН и выявлении их прагматического потенциала;
- компонентного анализа - с целью выявления структурных компонентов значения СОН;
- элементов трансформационного анализа и лексического развертывания с целью выявления имплицитно узуального прагматического аспекта;
- количественного анализа - для учета численного соотношения различных тематических групп СОН и в ходе анализа их аксиологической классификации;
- сопоставительного анализа - с целью уточнения полученных данных по наиболее авторитетным в этой области американским лексикографическим источникам;
- элементов семного анализа - при определении положения прагматического аспекта в структуре семантики СОН.

Монография состоит из введения, четырех глав и заключения.

Во введении обосновывается актуальность выбранного направления

исследования, определяются цели, задачи, материал и методы исследования.

В первой главе обосновывается правомерность включения субколлоквиальных оценочных номинаций, в регулятивную систему языка, выделяются критерии, позволяющие относить табуированные вульгаризмы и близкие к ним по эвокативной отнесенности лексемы к исследуемому корпусу субколлоквиальных лексических единиц. На основе выборки, проведенной из словаря американского сленга под редакцией Вентворта и Флекснера, дается детальное описание табуированного пласта американского вокабуляра, который рассматривается в работе как сложное многогранное явление, имеющее три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический.

Во второй главе дается определение прагматического аспекта как части семантики слова, рассматриваются его составляющие, вырабатываются критерии отбора ведущего компонента прагматического аспекта, производится отграничение прагматического аспекта от собственно коннотации, отграничиваются употребляемые в лингвистике как синонимы понятия «эмоциональность» и «эмотивность», разрабатываются критерии отбора СОН с учетом существующей в сфере сниженной лексики «антиморали» (*reverse morality*), определяется характер взаимодействия прагматического аспекта и денотативно-сигнификативного макрокомпонента в структуре разных групп СОН.

В третьей главе анализируется круг референции американских СОН, выявляются группы, которые составляют структуру тематического пространства, анализируются факторы, способствующие интенсификации, деинтенсификации и модификации их системного прагматического аспекта. Также рассматриваются возможные варианты речевой реализации отдельных сем денотативно-сигнификативного макрокомпонента; исследуются синтаксические возможности СОН в зависимости от характера семантики денотативного макрокомпонента.

В четвертой главе подвергается анализу социальная стратификация американского общества с целью выявления возможности включения СОН в систему социальных маркеров. Рассматривается отношение субколлоквиальных оценочных номинаций к репертуару языковых средств, которые характеризуют высказывание в целом как «сильное», исследуется их роль в выборе стратегии коммуникации, анализируются прагматически детерминированные функциональные возможности СОН.

В заключении дается суммарное изложение полученных результатов исследования.

ГЛАВА I

СУБКОЛЛОКВИАЛЬНАЯ ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БАЗА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ОБЩЕНИЯ

Не подлежит сомнению тот факт, что слова не в одинаковой степени способны осуществлять регулятивную функцию. Хотя теоретически каждое слово при известных обстоятельствах может стать носителем эмоционального заряда и средством выражения отношения говорящего к сообщаемому или адресату, очевидно, что возможности слов неодинаковы с точки зрения их «собственно языковой значимости» [Шмелев, 1973:245]. Смысловая направленность некоторых групп слов такова, что они чаще всего употребляются в контекстах, которые, как правило, не вызывают эмоционально-оценочных реакций со стороны участников речевого общения, в то время как другие слова по самому своему семантическому содержанию тяготеют к эмоционально-насыщенным контекстам.

Многочисленные наблюдения показывают, что стилистически маркированная лексика, как правило, обладает ярко выраженными оценочными и эмотивными характеристиками, и, следовательно, несет особую нагрузку в осуществлении регулятивной функции языка.

1. Определение лингвистического статуса субколлоквиальных лексических единиц

В отличие от нейтральной, стилистически окрашенная лексика может обладать либо большей, либо меньшей эстетической ценностью. Таким образом, налицо трехчленная структура, в центре которой располагаются нейтральные слова, а стилистически окрашенные слова находятся выше и ниже нейтральных [Азнаурова, 1973:178; Ахманова, 1957:243-244; Гак, 1977:88; Швейцер, 1983:161; Partridge, 1980: 114].

В рамках такой классификации корпус сниженной лексики является весьма обширным. Ю.М. Скребнев подразделяет субнейтральную область на три степени сниженности. Такая шкала эстетической значимости лексики позволяет свести к небольшому числу типов разнообразные стилистические оттенки слова [Скребнев, 1975:101].

Эти три пласта сниженных слов являются лексическими маркерами

субъязыков¹, обслуживающих разные ситуации общения в разговорной речи: «в любом ярусе языковой системы и в семантике существуют необщепотребительные, «специфические» единицы, вызывающие ассоциацию с той речевой сферой, для которой они характерны и вне которой неуместны» [Скребнев, 1991:163].

При выделении речевых сфер (субъязыков) лингвисты руководствуются критерием прагматической целесообразности: гипостазируемые ими сферы обладают как социальной, так и собственно лингвистической ценностью [Скребнев, 1975:36].

В зависимости от тех или иных параметров прагматической ситуации отправитель речи выбирает из имеющихся в наличии экспрессивных единиц ту, которая наиболее адекватна данной ситуации общения: в официальной обстановке он будет использовать иные средства создания экспрессивности, нежели в условиях непринужденного общения. Иначе говоря, отправитель речи может осуществлять свое коммуникативное намерение, лишь оценив все параметры данной прагматической ситуации.

В качестве поля исследования выделяем такую речевую сферу, как разговорная речь, т.к. специфику именно этого субъекта составляют единицы, характеризующиеся разной степенью этической сниженности. Речевая сфера, порождающая разговорные тексты, обычно определяется через описание экстралингвистических признаков, которые ей присущи. В частности, называют такие, как «неподготовленность речевого акта, непринужденность речевого акта, непосредственное участие говорящих в речевом акте» [Швейцер, 1983:24], «устный характер речевого продуцирования, бытовая тематика, стереотипность речевых актов, диалогическая форма общения, зависимость от внеречевой деятельности участников, эмоциональная насыщенность (эффективность)» [Скребнев, 1985:40], «отражение психологии среднего носителя языка и ситуаций повседневной жизни, спонтанный характер выражения, эмоциональность, конкретность, образность, фамильярность» [Беляева, Хомяков, 1985:19].

Все эти экстралингвистические факторы и прежде всего неофициальность речевого общения, способствуют снятию запретов на снижение стилистической тональности речи. Причем «о минимальном снижении лингвист говорит, лишь создавая конструкт, идеальную модель коллоквиального субъекта. В подлинной речевой деятельности коммуниканты не удерживаются в рамках минимума: тенденция порождает эксцессы» [Скребнев, 1989:128].

Особая эмоциональность, экспрессивность разговорной речи связана с

¹ Субъязык - «часть языка, обслуживающая выделенную исследователями речевую сферу» [Скребнев, 1991:164].

самой природой непринужденной, раскованной речи. Здесь говорящий может свободно выразить свое отношение к миру, обстоятельствам, событиям, лицам. Разговорная речь стремится языковыми или невербальными средствами интенсифицировать оценку, включить в высказывание семантическое значение повышения / понижения степени, и в этом тенденции, действующие в устном высказывании, оказываются противопоставленными тенденциям, действующим в области кодифицированного языка, особенно строгих его областей. В оценочных высказываниях разговорной речи почти всегда на первый план выступает компонент с субъективно-эмоциональной окраской, который может быть выражен как вербальными, так и невербальными средствами.

Однако зыбкость границ между разговорным и смежными объектами, а также расширенное толкование последнего заставило некоторых составителей словарей вообще отказаться от пометы «разг.» (например, последние издания словаря Вебстера вообще не употребляют помету «colloquial», мотивируя это тем, что о разговорности слова вообще нельзя судить). Указанные трудности разграничения связаны и с тем, что за последние десятилетия значительно изменились взгляды на языковую норму.

Наряду с нормами чисто грамматического порядка выделяют нормы, регламентирующие выражение различными языковыми средствами смысловых и эмотивно-оценочных оттенков. О таких нормах Л.В. Щерба, называя их стилистическими, говорил, что без них «литературный язык становится шарманкой, не способной выражать какие-либо оттенки мысли» [Щерба, 1969:76].

Норма существует для любого выделенного исследователем субъязыка. «Выделяя английское лексическое просторечие¹ как словарную базу для разновидностей разговорной речи, мы рассматриваем его как одну из форм существования разговорного языка. В этом отношении просторечие ничем не отличается от других компонентов языка как лексико-семантических систем. Более того, с точки зрения современной социолингвистики, nonstandard English, также логичен и избирателен, как standard English и является нормой» [Беляева, Хомяков, 1985:16].

Если на первом этапе исследования мы противопоставим речевую сферу литературного стандарта речевой сфере разговорной речи, то это дает нам право, вслед за В.А. Хомяковым, выделить норму первого и второго уровней, взяв за основу аксиологический аспект нормы. Если считать, что норма первого уровня, т. е. литературная норма - «некоторая совокупность коллективных реализаций языковой системы, принятых обществом на определенном этапе его

¹ В.А. Хомяков называет просторечием этически сниженную нестандартную лексику английского языка.

развития за правильные и образцовые», то норма второго уровня - это «некоторая совокупность изменений в традиционных способах отбора, своеобразное социально-стилистическое варьирование языковых явлений, не принятых обществом на определенном этапе своего развития за правильные и образцовые с потенциальными возможностями стать таковыми или исчезнуть из употребления» [Беляева, Хомяков, 1985:20]. Однако, как отмечалось ранее, разговорная речевая сфера включает в себя исключительно разнородный круг явлений, поэтому целесообразно и необходимо выделение нескольких субъязыков внутри разговорной речевой сферы.

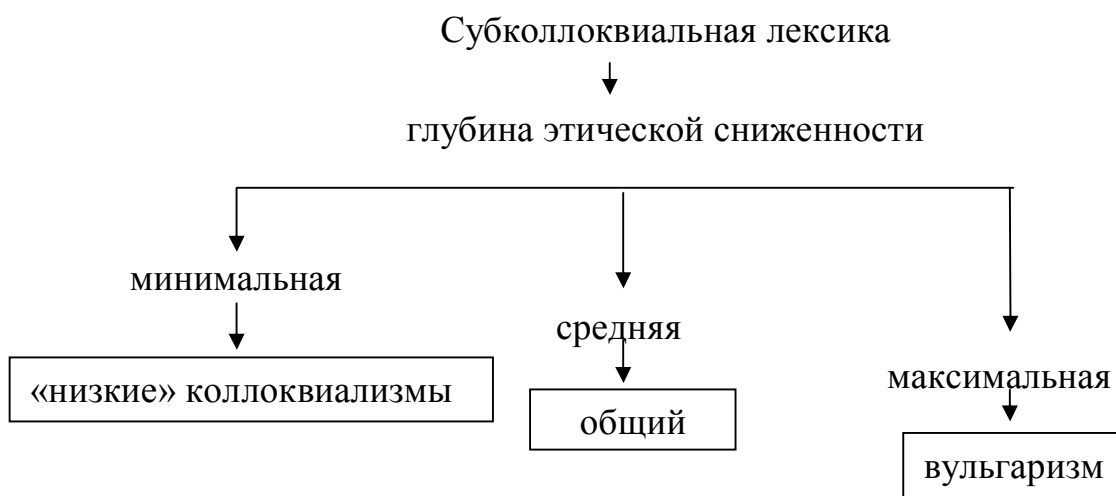
В.А. Хомяков выделяет три функционально-стилистические разновидности разговорной речи в зависимости от соотношения в данном субъязыке нормы первого и второго уровня. Это соотношение / варьирование может быть следующим:

- а) преобладание нормы первого уровня над нормой второго уровня;
- б) сосуществование обеих норм на паритетных началах;
- в) преобладание нормы второго уровня над нормой первого уровня.

В зависимости от данных видов варьирования различают следующие разновидности разговорной речи:

- а) литературно-разговорная речь в сферах официального и бытового общения;
- б) обиходно-разговорная речь;
- в) фамильярно-разговорная речь в сфере бытового общения.

Специфику названных субъязыков соответственно составляют «низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы и вульгаризмы, которые отличаются друг от друга глубиной этической сниженности.



Представленная градация субколлоквиальной лексики в силу размытости границ («зоны толерантности» (Скребнев), «серые зоны» (Швейцер) между отдельными группами слов) имеет достаточно условный характер. Отметим

также, что такая классификация имеет относительный характер, поскольку лексическая единица не остается раз и навсегда «приписанной» к какой-то рубрике. «Динамичность» слова, прежде всего, определяется экстралингвистическими факторами. «С изменениями социальных условий существования общества и в наши дни национальные языки продолжают «дробиться»; соотношения между различными сферами его употребления постоянно меняются. Вместе с тем, чем более усиливаются дифференцирующие тенденции, тем очевиднее им противостоят тенденции интегральные. Рост уровня грамотности, проникновение газет, книг, журналов в самые разные слои общества, возрастающая роль радио, кино, телевидения - все это не может не поддерживать известную целостность национального языка» [Азнаурова, 1973:175].

Неоднократно отмечалось, что интегрирующие тенденции в языке в последние десятилетия имеют направление «снизу вверх»¹. В сфере неофициальной лексики они проявляются в том, что вульгаризмы теряют непристойную экспрессию, становятся общими сленгизмами, а в дальнейшем и «низкими» коллоквиализмами, хотя возможен и обратный процесс - общие сленгизмы легко переходят в вульгаризмы при замене пейоративной экспрессии вульгарной.

Субколлоквиальные лексические пласты («низкие» коллоквиализмы, общие сленгизмы, вульгаризмы) наряду с существенными различиями имеют общность эмотивной функции [Хомяков, 1974:4], проявляющуюся в способности этих единиц оказывать определенное прагматическое воздействие на реципиента стилистически сниженной речи.

В качестве маркера субколлоквиального в работе рассматривается эмфаза (эмоциональная, оценочная, аффективная), которая, как правило, употребляется преимущественно в устной речи для создания определенного стилистического эффекта [Хомяков, 1974:58].

Стилистическая отнесенность субколлоквиальных лексических единиц, таким образом, очевидна - это слой лексики, располагающийся на шкале стилистической ценности ниже нейтральных лексических единиц и характеризующийся наличием эмфазы.

Поскольку выборка материала исследования проводилась из словаря американского сленга, естественно, что большинство лексических единиц не имеют в словарях индикаторов субнейтральности, так как сам факт отнесения лексем к общему сленгу одновременно характеризует и сферу его применения

¹ См. например «Наиболее очевидная тенденция в этом веке имеет направление в сторону неофициального и разговорного» [Warner, 1961:158. Перевод наш - Э.М]. См. также поэтому поводу В. Foster, 1969:10.

- неофициальная разговорная речь. В подобных словарях индикаторы субнейтральности содержат только наиболее аффективные элементы текста - вульгаризмы, имеющие в Словаре Вентворта и Флекснера помету «taboo» и «rude and provocative» а также « * » в словаре Спирса.

2. Субколлоквиальная лексика, обладающая максимальной глубиной этической сниженности

Достаточно обширные в последние десятилетия исследования в области субколлоквиальной лексики на протяжении длительного времени игнорировали специфический слой словаря, обладающий максимальной глубиной этической сниженности. Эти слова определяются как этически сниженная лексика (Славина), вульгаризмы (Хомяков, Шанский и др.), инвективная лексика (Жельвис), вульгарные дисфемизмы (Кацев), гробианизмы (Девкин), infernal лексика, demotic English (Davis), expletives, bad language (Anderson, Trudgill, Battistella), bad-mouth (Adams), taboo (Flexner) abusive language (Shibles), profanity (Chaika) и т.д.

На определенном этапе лексические единицы выделенной группы не рассматривались по этическим соображениям даже специалистами по стилистически сниженной лексике. Например, А.А. Миллер в своем докторском исследовании, посвященном стилистически сниженной лексике, критикует американских лексикографов за то, что они включают в специальные словари сленга «абсолютно все известные вульгаризмы, независимо от степени грубости или непристойности», добавляя при этом, что «при чтении этих «перлов» становится как-то не по себе» [Миллер, 1972:233]. Это высказывание наглядно демонстрирует характерное для отечественной англистики прошлого века отождествление социального и лингвистического восприятия этически резко сниженной лексики, результатом чего явилось практическое отсутствие работ, трактующих проблему вульгаризмов¹. Сложность проблемы могла усугубляться тем, что отечественные исследователи сниженной разговорной лексики не учитывали факт несовпадения ситуаций общения по параметру «официальность / неофициальность» в родном языке и английском, распространяя сферу функционирования кодифицированного литературного английского языка на обслуживаемые русским языком ситуации.

Для иллюстрации этого факта приведем данные ряда исследований, посвященных распределению стилистически окрашенной лексики по сферам общения, которые показывают, что ситуативная прикрепленность этой лексики в различных языках различна. В.Г. Гак и Ю.С. Степанов, проводившие

¹ Под вульгаризмами в работе понимаются нецензурные слова и выражения, оскорбительные (бранные) слова, стоящие вне этических норм общества.

независимо друг от друга сравнительные исследования в области распределения нейтральной лексики по отдельным субъязыкам, доказали, что основные демаркационные линии в русском и французском языке проходят по-разному: «французский нейтральный стиль оказывается сдвинутым в сторону книжной речи, а русский нейтральный стиль отодвинут от нее в сторону фамильярной речи» [Гак, 1977:235].

Аналогичное исследование распределения стилистически окрашенной лексики по сферам общения в русском и английском языках осуществлено М.О. Фаеновой. Как видно из приводимой ею таблицы, диапазон кодифицированного русского речевого поведения шире, чем для английского, в котором разговорная речь обслуживает и весьма официальные с точки зрения носителя русского языка ситуации.

Характерные особенности применения КЛЯ и РР		Ситуация
Для носителей англ. языка	Для носителей русск. языка	Prozen ¹
КЛЯ (кодифицированный литературный язык)	КЛЯ	Consultative
РР (разговорная речь)		Formal
		Casual
		Intimate

Проведенное В.В. Сдобниковым [1992:45-47] сравнение систем стилистически сниженной лексики английского и русского языков также показывает, что они не изоморфны: автором отмечаются следующие расхождения между рядами субстандартной лексики.



Последние полтора десятилетия были чрезвычайно плодотворными для исследования лексики, находящейся в самом низу шкалы этических значимостей. В сфере русского языка разные аспекты этой темы подробно разрабатываются В.И. Жельвисом [Жельвис, 1990; Жельвис, 1999; Жельвис, 2000; Жельвис, 2002] и И.А. Стерниным [Стернин, 1999; Стернин, 2000]. О.П. Королева в своем диссертационном исследовании «Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме» описывает прагматические категории инвективного речевого акта и выявляет взаимосвязь

¹ Приведенные здесь английские термины заимствованы М.О. Фаеновой из работы М. Джуса, где они используются для обозначения пяти выделяемых им стилей. Данные наименования перенесены на сами ситуации, в которых они функционируют.

оскорбительности с рядом факторов экстралингвистического характера [Королева, 2002]. Ю.А. Позолотин использует в своей диссертационной работе лингвокультурологический подход для описания немецких инвектив как целостного системного языкового образования. [Позолотин, 2005]. Ряд исследователей занимается проблемой соотношения значения и экспрессии выделенного языкового пласта при переводе [Шелепова, 2012].

В зарубежном языкознании этически резко сниженная лексика под разными названиями, отражающими фокус исследовательского интереса, достаточно активно изучается на протяжении более полувека. Наряду со ставшими классикой социолингвистическими исследованиями сниженной лексики Р. Адамса, В. Лабова, Л. Андерсона и П. Траджила, Р. Блакара и других, среди исследований недавнего времени обращает на себя внимание книга Эдвина Баттистеллы “Bad Language: Are Some Words Better than Others?” [Battistella, 2005]. Автор книги, пытаясь определить объем понятия “bad language” на всех языковых уровнях, освещает практически все проблемы, когда-либо затрагиваемые в связи с описанием выделенного лексического слоя, которые в книге терминологически обозначаются как “cursing”, “four-letter words”, “offensive language”. Практически повсеместная распространенность этически сниженной лексики, которая транслируется на иностранцев, изучающих английский язык через интернет, телевидение, произведения художественной литературы и фильмы, привела к появлению ряда книг, которые объясняют и дают некоторые пояснения по употреблению этого слоя лексики. [Burke, 1993; Munier, 2010; Reid, 2006]

То, насколько изменилась «...эволюционирующая природа социальных приличий» [Battistella 2005:66]¹ можно подтвердить еще рядом фактов. Этически сниженная лексика стала предметом изучения на уроке английского языка, причем, как в виртуальной классной комнате, так и в реальной. Учебный сайт “Uncensored English”, имеющий подразделы slang, swearing, idioms, political incorrectness, euphemisms, controversial topics так определяет свои задачи: «Помогать взрослым изучать английский и американский сленг, нецензурные выражения, идиомы и пр. Зачем? Потому что не приукрашенная сторона английского языка не изучается в классе, потому что у учителей не хватает смелости. ... Вам необходим «Английский без цензуры», потому что в реальном мире английский не всегда приятен»².

¹ “Attitudes towards cursing also demonstrate the evolving social nature of propriety”.

² “Uncensored English helps adults learn American and British English slang, swear words, idioms and more. Why? Because the grittier side of English is usually neglected in English language classrooms because most teachers don't have the **courage balls** to teach it. We have balls up the wazoo, and we're not afraid to use 'em! If you're wondering what *balls* have to do with courage or

Однако не все авторы учебников «не имеют достаточно храбрости» для включения в программу изучения стилистически сниженной лексики. Достаточно показательным примером может служить включение рассматриваемых лексических единиц в популярные учебники английского языка. Приведем лишь некоторые комментарии авторов учебника “Innovations: A course of natural English (Advanced)”: “Saying someone is a bitch is very rude. However, if you say someone is a bit bitchy or that they make bitchy comments, it’s not rude. It just means they say unkind or unpleasant things about people. The meaning has nothing to do with sex! We can also bitch about or have a bitch about people or things when we complain about them.” Встречающееся на этой же странице предложение “She is a right pain in the arse” никак не комментируется авторами, хотя в словарях эта единица имеет пометы – груб., offensive, vulgar, vulgar slang.”

Для настоящего исследования лингвистическая интерпретация вульгаризмов является вполне оправданной и необходимой в силу ряда причин:

- наибольшей глубиной сниженной экспрессии обладают единицы, относящиеся по этическим соображениям к табуированным областям жизни, и только эти единицы обладают абсолютной экспрессией (то есть несут прагматическую нагрузку в любом контексте), представляя, таким образом, наибольший интерес для нашего исследования;

- субколлоквиальные единицы табуированного характера и другая близкая к ним по глубине сниженной экспрессии лексика представляют собой наиболее подвижный пласт вокабуляра, имеющий временную прикрепленность: “The genteelism of one generation becoming the vulgarity of another, or the good old straightforward words of a past age coming back into favour until they lose their force again...” [Turner, 1973:19]. Учитывая общую интегрирующую тенденцию в языке, ее направление, а также подвижный характер рассматриваемого вокабуляра, можно предположить, что эти единицы будут проникать в лексические слои, обладающие большей эстетической и этической ценностью¹;

- аргументом в пользу рассмотрения этого слоя лексики является его универсальность - табуированные субколлоквиализмы присутствуют во всех

what the heck a *wazoo* is, then you've come to the right place! You need Uncensored English: because in the real world, English ain't always pretty...”

¹ Следующие примеры подтверждают, что даже специфическое предметно-логическое значение и непристойная экспрессия вульгаризмов не вполне ограничивают их функционирование в речи. Они не только входят в литературный кодифицированный язык, приобретая другое «приличное» значение (*jazz*, *bitchkitty*, *bitch lamp*, *bitch box*), но и в качестве полуаффиксов участвуют в образовании новых слов, причем последние не имеют пометы «табу»: слова *candy assed*, *dump-ass*, *bad-ass* снабжены примечанием: «The suffix *-ass* is used as an intensive».

культурах европейского типа (в некодифицированной части культуры), а «постижение особенности кодифицированной части культуры невозможно без изучения культуры некодифицированной в той же мере, в какой невозможно, например, изучение света отдельно от тени» [Жельвис, 1990:8];

Вульгарная оценочная лексика способна осуществлять ряд характерных функций, поскольку обладает некоторыми свойствами, присущими только этому лексическому пласту. В.И. Жельвис выделяет всего 28 функций, присущих инвективным лексическим единицам [Жельвис, 2001:105-133]. Наиболее существенными для выделенного лексического слоя являются следующие:

- 1) он особенно успешно передает в речи эмоции говорящего;
- 2) взламывая табу, сам говорящий погружается в инвективную атмосферу (как при карнавале оба участника живут в атмосфере попранной гармонии). Устрашение, которое говорящий стремится передать своему адресату, не минует его самого. Самоустрашение - один из наиболее характерных аспектов инвективного общения;
- 3) инвективный язык способен выполнять объединяющую, интегративную функцию, характеризуя своих и отделяя их от «чужих»;
- 4) при карнавальном характере этого слоя профанируются сакральные понятия. Инвективное глумление не только не свидетельствует о том, что для говорящего нет ничего святого, но как раз об обратном: о неосознаваемом им самим глубоком преклонении перед поносимым сакральным понятием [Жельвис, 1990:22].

Некоторые исследователи указывают на суггестивную роль инвектив. Последнее положение, однако, нуждается в подтверждении: “whether it is a therapy or sickness remains a bit ambiguous” [Adams, 1977:72].

Табуированную лексику можно рассматривать как сложное многогранное явление, имеющее три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический.

Социальный аспект табуированной лексики состоит в том, что мораль, вкусы, ценности, жизненные ориентиры индивидов и общая тональность общения не остаются неизменными во времени. Например, хорошо известно, что XVIII век знаменателен возвышенной тональностью общения и чрезмерной манерностью, что в полной мере отражают художественные произведения того времени. Избирательность употребления лексических единиц привела к тому, что слова, по каким-либо причинам (содержащие аллюзии на «неприличный» референт, имеющие звуковое сходство с «низким словом» и так далее), считающиеся принадлежностью «низкого вокабуляра», вовсе исключались из сферы общения.

Последние десятилетия наглядно демонстрируют другую тенденцию, а именно - дисфемизацию речевых сфер общения. В настоящее время оказались разрушенными все языковые ограничения, что открыло дорогу в язык художественной литературы всем без исключения слоям нестандартной лексики.

Субколлоквиальная лексика табуированного характера связана с теми сферами жизни, которые на протяжении веков считались неприличными в силу их «материалистичности» и «греховности» в представлении христианской церкви. Общность религии определила одинаковую тематическую отнесенность табу во всех современных культурах европейского типа, причем в эмоциональной основе запретов значительное место принадлежит стыду. Чувство стыда непосредственно вызывает табу на наименование некоторых физиологических актов, предметов туалета, всего, что связано с сексуальными отношениями, и так далее¹.

Исходя из сказанного ранее, под социальным аспектом табуированной лексики можно понимать лежащие в основе процесса табуирования социальные, а именно моральные, религиозные, этические, эстетические и т. д. мотивы. Под их воздействием наименование некоторых предметов, процессов и явлений вызывает отрицательную оценку и становятся запретными.

Психический аспект табуированной лексики рассматривается как стремление к нарушению табу, обусловленное отраженным в человеческой психике единством сакрального и профанного. Как отмечалось ранее, табуированные единицы в основном группируются вокруг идеи человеческого «верха» - сакральное (они ассоциируются с духовностью и не рассматриваются в работе) и человеческого низа - профанное (материальное, земное начало)².

По своей лингвистической значимости табуизмы делятся на две группы. Первая включает в себя те табуизмы, которые называют табуированные явления (часто очень дифференцированно), являясь своего рода «народными терминами», синонимами медицинских, часто выигрывая в экономичности, обозначая какое-то сложное явление или процесс одним словом. Они не имеют оскорбительных коннотаций, их функция чисто назывная, а их «сниженность» обусловлена исключительно социальными причинами - эти темы считаются закрытыми для обсуждения в обществе¹.

Во вторую группу входят слова, являющиеся результатом вторичной

¹ В настоящей работе не рассматриваются табу религиозного характера, запрет на употребление которых содержится непосредственно в тексте Библии: «Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произнесет его напрасно» (Исход 20:7). См. также Левит 24:16.

² См. подробнее Жельвис, 1990.

номинации. Их главное назначение - воздействовать на получателя речи, интенсифицировать все высказывание.

На основе выборки, проведенной из Словаря американского сленга под редакцией Вентворта и Флекснера, можно сделать вывод о том, какие темы считаются табуированными в современном американском обществе. Из общего количества слов, отмеченных в данном словаре «табу» (всего 381 единица), 77 обозначают различные физиологические акты и явления и 301 единица обозначают предметы, процессы, явления, так или иначе связанные с сексуальными отношениями. Внутри последней большой группы слов можно выделить: а) слова, называющие части тела - 152; б) слова, называющие сексуальные действия - 131; в) слова, характеризующие людей - 15; г) болезни - 6.

Определение лексико-семантической группы табуированной лексики, обладающей наибольшей глубиной этической сниженности, представляется затруднительным, поскольку разными авторами высказывались противоположные точки зрения: “Taboo about swearing, sex and nudity have all weakened, but the bathroom functions still disgust us” (Elain Chaika), а Р. Грейвз считает, что “The only taboo strong enough to be worth breaking is the sexual one” (R. Graves). Дж. Тернер, подчеркивая исторический характер табуированных тем, настаивает на том, что самыми сильными табу в настоящее время являются дерогаторные наименования лиц по их национальной и расовой принадлежности: “Even the topics to which taboo words attach are apt to change; once it was sex and now it's race. We shall probably live to see expurgated editions of Othello where the word M...r is avoided” [Turner, p. 115].

Приложение к словарю американского сленга под редакцией Вентворта и Флекснера, появившееся почти на четверть века позднее основного издания, позволяет проследить динамику развития табуированного пласта словаря. Лексические поступления в разряд «некоторые физиологические акты» составляют 45% от общего числа табуированных единиц, а разряд «сексуальные отношения» пополнился на 55%. Приведенные данные также не позволяют судить о большей или меньшей степени табуированности той или иной сферы жизни. Однако активность пополнения субколлоквиальное лексического пласта за счет новых единиц свидетельствует о высокой степени его динамичности, а также о том, что старые слова и выражения быстро становятся недостаточно «сильными» вследствие ослабления табу, в результате чего возникает необходимость создания нового звукового образа, который может усилить «поблекший» ассоциат.

Приведенные высказывания в очередной раз подчеркивают субъективный

¹ Подобные лексические единицы имеют в САС помету «Caution with topic».

характер восприятия этически резко сниженной лексики носителями языка, а также свидетельствует о том, что истинная глубина этической сниженности может быть определена только в результате анализа и сопоставления всех параметров прагматической ситуации, так как она различна даже у единиц, обладающих абсолютной экспрессией.

В настоящей работе в разряд субколлоквиализмов, наряду со сленгизмами, включаются также и единицы, находящиеся в самом низу шкалы этической значимости лексики - слова с непристойно-грубыми коннотациями, такие, как *bastard*, *bitch*, *son-of-a-bitch* и близкие к ним по эвокативной отнесенности, поскольку многие из них в результате интенсивной дисфемизации сфер общения все более приобретают свойства периферийных элементов, о чем может свидетельствовать анализ словарных помет в разных словарях одного из наиболее часто встречаемых вульгаризмов “*bastard*”:

БАРС - «груб.»;

САС - (Crude and provocative. Caution with *bastard* *);

LASD - (Longman Active Study Dictionary) - «*infml*»;

OED - a vulgar term of abuse.

WSD (Webster's School Dictionary) - помета отсутствует.

WNWD (Webster's New World Dictionary) - a vulgar usage.

По поводу таких периферийных элементов внутри субколлоквиальной лексики В.А. Хомяков пишет следующее: «В трактовке вульгаризмов как просторечного лексико-фразеологического пласта можно выделить слова и словосочетания, в отношении которых нельзя решить без применения объективных критериев, разработка которых - дело будущего, какой потенцией они обладают: вульгарной или пейоративной; иными словами, следует ли их рассматривать как вульгаризмы или как сленгизмы общего сленга» [Хомяков, 1974:94].

Небезынтересно, что проблема отграничения вульгарной нецензурной лексики от другой, близкой к ней по эвокативной отнесенности, представляет не только чисто теоретический интерес для лингвистики, но и часто требует своего практического разрешения, поскольку употребление в речи вульгарных оценочных номинаций не только противоречит принятым в обществе нормам общения, но и, в соответствии с законодательством многих стран, может повлечь за собой судебное преследование.

Далее приводятся достаточно часто цитируемые примеры того, как американское законодательство, в котором также содержатся ограничения на некоторые типы речи, решает проблему публичного инвективного общения. Гарантирующая свободу слова в США Первая поправка к Конституции: “no law abridging the freedom of speech or of the press” [Hasse, 1990:425] долгое время

служила препятствием для возбуждения судебного преследования против лиц, нарушающих общественное спокойствие в результате употребления нецензурных слов и выражений, однако в 1942 году Верховный Суд США принял решение о том, какого рода речь может быть запрещена без нарушения основного права американцев: “the lewd and obscene, the profane, the libelous, and the insulting or “fighting words”... which by their very utterance inflict injury or tend to an immediate breach of the peace” [Bosmajian, 1974: 134].

Позже было дано разъяснение о том, что основной смысл Первой поправки заключается в том, чтобы защитить от преследования граждан «за критику правительства и общественных деятелей» [Hasse, 1990-246]. Поэтому, когда в 1968 году молодой человек по фамилии Коуэн (Cohen) появился в Калифорнийском суде в куртке, на которой было написано «Fuck the Draft» и против него было возбуждено судебное преследование, в результате нескольких слушаний было доказано, что это высказывание не может преследоваться по закону, поскольку это была «политическая речь», отражающая его отношение к войне во Вьетнаме, а само спорное слово не может быть отнесено к “fighting words” на том основании, что никто в здании суда не «воспринял его как сильное оскорбление, не было резких реакций, не было замечено намерения провоцировать насилие... и, хотя упомянутое слово остается одним из самых неприличных в английском языке, правда и то, что вульгарность одного человека - поэзия другого (“one man’s vulgarity is another’s lyrics”), а правительственным чиновникам не дано судить о том, где проходит эта граница, потому что «Конституция вопросы вкуса и стиля оставляет в распоряжение самого индивида» [Ibid. Перевод наш - Э.М.]. Заслуживает внимания факт, что семью годами позже, в 1975 году при слушании аналогичного дела, суд пришел к противоположному заключению. Отец и сын, фигурирующие как ФКК (FCC), предъявили обвинение сатирику Карлину (Carlin) и радиостанции, на которой он выступал, в том, что их передача о «грязных» словах глубоко оскорбила чувства слушающих. Хотя упомянутая радиопередача предварялась сообщением о том, что в ней будут слова «you can't say over the airways» и желающим предлагалось переключиться на другую волну, истцы прослушали двенадцатиминутную передачу до конца и впоследствии выиграли дело. Главным аргументом судьи был тот, что «существует очень мало идей (если таковые вообще имеются), которые нельзя было бы выразить, используя более приличный язык». Что касается радиостанции, то она не «могла бы запретить эту передачу, если бы последняя касалась какого-либо политического содержания, или даже подвергала критике современное отношение к «четырёхбуквенным» словам, но в данном случае передача не имеет права на выход в эфир и, соответственно, не может

рассчитывать на защиту Первой поправки» [Hasse, 1990:430].

Место подобных слов в ряду ценностей общества судья Мерфи (Murphy) определил так: «такие высказывания не являются важной частью любого выражения идей, и имеют столь малую социальную ценность как шаг к правде, что любая выгода, полученная от их использования, явно перевешивается общественным интересом в порядке и моральности» [Ibid. Перевод наш - Э.М.].

Франклин Нейман в исследовании 1993 года “Speech Acts and the First Amendment” [Haiman, 1993] указывает на чрезвычайную сложность поставленной проблемы, но взвесив урон, наносимый речью, которая может быть охарактеризована как “hate speech”, приходит к аналогичному выводу: “In weighing those harms against the relatively minimal intrusions into the First Amendment arena that a carefully drafted enhanced penalty law may entail, I come hesitantly to the conclusion that such laws are constitutionally acceptable. As to whether they are wise as a matter of public policy, I am quite unsure and thus leave that question for others to answer” [Haiman, 1993:48].

Приведенные выше примеры включены в текст на том основании, что они носят прецедентный характер, однако, случаи судебного разбирательства подобных дел довольно редки и, как правило, не приносят видимых результатов в искоренении такого рода слов. Небезынтересно, однако, что при рассмотрении проблемы вульгаризмов, как в теоретических изысканиях, так и при вынесении решения суда по поводу публичного употребления этически сниженной лексики, в качестве критерия для отнесения лексемы к вульгарному / нецензурному вокабуляру рассматривается эффект, который оказывает субколлоквиальная оценочная номинация на получателя речи [Hasse, 1990]. В частности, В.А. Хомяков, анализируя оскорбительные слова, которыми обмениваются Фальстаф и принц, относит их к сленгизмам на том основании, что при всей их грубости они не вызывают психологического аффекта - протеста против их употребления на подмостках театра: зритель и читатель ощущают прежде всего комическое напряжение всей сцены [Хомяков, 1974:91]¹.

Амбивалентный характер стилистически сниженной оценочной лексики [Жельвис, 1990] позволяет в качестве другого критерия отнесенности единицы к группе вульгаризмов считать интенции говорящего. Это положение подтверждается, например, пояснением, которое дается в словаре Вентворта и Флекснера выражению “go to hell”-критерием отнесения выражения к разряду табуированных является не его предметное значение, а коммуникативное намерение говорящего, сама ситуация общения:

¹ См. по этому поводу также М.Н. Славина, 1987

GO TO HELL - an expression of incredulity, anger, contempt, or rejection. Taboo when said in anger or with emotion, but often jocular and not taboo when incredulity is implied.

Джулия Вуд, отмечая размытость и неоднозначность языковых единиц, на примере выражения GET LOST, которое может обозначать как оскорбление, так и дружеское подтрунивание, отмечает необходимость их интерпретации, в соответствии с правилами коммуникации, разделяемыми всеми членами данной группы [Wood, 2011:74-76].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что одна и та же субколлоквиальная форма может использоваться как специфический элемент аффективно-грубого субъязыка (abusive language / language of aggression), или же, частично теряя вульгарную экспрессию, составлять специфику фамильярно-разговорного субъязыка. Отнесенность таких лексических единиц к тому или иному субъязыку целиком определяется параметрами прагматической ситуации, коммуникативным намерением и коммуникативной компетенцией отправителя речи. Поэтому проблема разграничения вульгаризмов не может быть решена исключительно в рамках лингвистических наук - необходимо привлечение данных наук социального и психологического циклов.

Тот факт, что инвективный словарь продолжает существовать в речевом обиходе общества и в последние десятилетия все более расширяет сферу своего функционирования (нормальное явление в книгах, кинофильмах, даже семейных газетах: Haley Davis, 1989), находит свое психологическое и социальное объяснение. В качестве психологического обоснования называют потребность некоторых людей «скрыть свою тревогу и озабоченность некоторыми табуированными темами» [Farb, 1973:86], это также возможность для некоторых индивидов «получить психологическую разрядку, употребляя язык, который унижает других. Пустые жизни многих людей требуют поддержки чувством превосходства, которое не может быть достигнуто собственными достижениями, и тогда они прибегают к вербальному унижению других» [Vosmajian, 1974:142. Перевод наш - Э.М.].

Употребление неприличных форм также позволяет выделиться из толпы, стать заметным, популярным в некоторых сообществах (ego-raising through speech activities); это эффективный риторический прием в вербальной агрессии, легкий способ спровоцировать конфронтацию, способ выразить негативное отношение к поддерживаемым обществом стандартам (anti - middle - class feeling) [Chaika, 1990:164]. Инвективная лексика - это и важная составная часть некоторых языковых игр (sounding, ritual insults) [Labov, 1972]. В таких ситуациях вульгаризмы выполняют свойственную им функцию, которую

можно назвать контролем отрицательных эмоций. При таком использовании инвективной лексики «Members with great verbal «presence of mind» are able to use sounds at critical moments to channel the direction of personal interaction in a direction that favors them» [Labov, 1972].

В других работах эта функция получила название катарсис – «очищение, освобождение от чувства тревоги и отчаяния. «Действовать по юмористической модели нередко эквивалентно своеобразному сдвигу во внутренней ориентации индивида, который, высмеивая опасную ситуацию и себя в ней, как бы смотрит свысока, видит себя могучим и неуязвимым, хозяином положения... «Карнавализация жизни»- это и обращение к инвективной, то есть сниженной, бранной лексике» [Жельвис, 1990:13]¹.

Обзор литературы по данному вопросу показывает два возможных подхода общества к явлению:

1) уничтожить «корни зла» - три “I”: «Intolerance, Ignorance, Ignobility»: «To bigotry give no sanction»;

2) рассматривая грубые и неприличные слова как «нездоровое состояние языка», предлагается избавиться от табу, широко используя эти слова [Farb, 1973:142].

Подобное мнение по поводу слов, «сексуально уничижающих женщин», разделяется современными феминистками, которые считают «a female use of words abusive to females defuses them... Наше использование этих слов лишает их разрушительной силы. Они перестают быть средством унижения. И какое это удовольствие, после всех долгих лет послушного следования рестриктивному языковому коду, расшвыривать эти слова и слышать не только их эхо, но и ощущать шоковые волны, исходящие от мужчин» [Feminist Dictionary, p. 124. Перевод наш - Э.М.]. Феминистки считают, что такое использование инвективных слов лишает их не только неприличной коннотации, но и пейоративной оценочности. Поэтому, например, дерогативная оценочная номинация “broad” определяется как “a woman who is liberal, tolerant, unconfident, and not narrow or limited in scope” [F.D. p. 81], а по поводу “bitch”

¹ См. также В.А. Хомяков, 1974:94 и далее: «Вульгаризмы имеют определенную социопсихологическую «ценность»: использование их в речи в наиболее напряженных моментах как бы снимает это напряжение, именно здесь применима латинская пословица: *dixi et animam levavi*. В других случаях может быть запланированное шокирование, подчеркивание важности ситуации, самореклама и т.п., возникающие под влиянием различных экстралингвистических факторов. «Отмечая привлекательный характер СОН для многих носителей языка, Р. Якобсон пишет по этому поводу: “Everyday language uses a number of euphemisms, including polite formulas, circumlocutions, allusions and stock phrases. However when we want our speech to be candid, natural and expressive, we discard the usual polite etiquette and call things by their real names. They have a fresh ring, and we feel that they are the “right words” [Jakobson, 1987:21].

сказано “should not be regarded as a derogatory word, but a complimentary one” [F.D. p. 72].

Относительно общественной реакции на вербальное оскорбление женщин, то это не влечет за собой судебного преследования в том случае, если объект оскорбления не состоит в отношении подчинения или другой зависимости от того, кто использует слова, уничижающие женщину. “As long as the targets of occasional exist comments are free to tell the offenders to wise up or get lost and are themselves free to leave the scene if they so choose, the remedy should be, in Justice Brandeis’ phrase, “more speech, not enforced silence.” It is to the “process of education”, as he suggested, that we should look for the amelioration of sexually intensive or demeaning interpersonal communication, not to disciplinary committees or law enforcement officials” [Haiman, 1993:52].

Трудно предположить дальнейшее развитие инвективной лексики, так как наряду с интегрирующей тенденцией в языке всегда присутствует тенденция дифференцирующая. В России в 20-х годах наблюдалась подобная настоящей активизация субстандартной лексики и ее проникновение в язык художественной литературы, но, как писал по этому поводу Д.Н. Шмелев, «стремление некоторых литераторов противопоставить литературно-нормированному языку необработанный «язык масс», как известно, не встретило поддержки и в общем не поколебало установившуюся литературно-языковую традицию. Наплыв в письменную речь 20-х годов диалектных и просторечных, даже вульгарных слов оказался поверхностным и временным, хотя и имел определенные последствия для дальнейшего развития литературного языка. Некоторые из этих слов, относящиеся преимущественно к бытовым явлениям, в силу своей «грубости», подчеркнута внелитературной окраски вызвали в дальнейшем как бы обратную реакцию со стороны говорящих -своеобразную «гиперкоррекцию вежливости» [Шмелев, 1977:99]. Современная ситуация в России во многом напоминает ситуацию конца 20-х годов: конец прошлого века ознаменовался не только сменой общественно-экономической формации, но и вместе с этим, отменой старых ценностей, что позволило ряду писателей и сценаристов вводить в свои произведения нецензурную лексику. Согласимся с мнением Ю. Фоменко, который утверждает, что «мат можно и нужно изучать, но его нельзя допускать, разрешать, расширять сферу его применения, универсализировать, легализировать и тем более пропагандировать» [Фоменко, 2010. С.185]. Возможно, что тенденция снижения тональности общения изменит в будущем свое направление, но мы не располагаем достоверными данными, что это может произойти в ближайшее время. Факты свидетельствуют о том, что интегрирующие тенденции в американском варианте английского языка имеют

направление «снизу вверх». Осуществляется успешное освоение многих вульгаризмов разговорной речью, их естественная эволюция и превращение в экспрессивную базу общего сленга, которое вряд ли было бы возможным, если бы между этими пластами не было промежуточной «серой зоны», где «однозначная оценка той или иной языковой единицы представляется затруднительной» [Швейцер, 1973:177].

ВЫВОДЫ

Субколлоквиальная лексика, вследствие присущих ей ярко выраженных эмотивных и оценочных характеристик, занимает ведущее место в регулятивной системе языка.

Отбор субколлоквиальные лексических единиц осуществляется в исследовании на основании факта включения слова в словарь американского сленга. О максимальной глубине этической сниженности субколлоквиальной лексемы свидетельствуют словарные пометы или специальные слова индикаторы в дефиниции.

В исследуемый корпус субколлоквиальных лексических единиц, наряду со словами общего сленга, включаются также «низкие» коллоквиализмы и вульгаризмы. Принадлежность выделенных групп слов к субколлоквиальной лексике определяется их пониженной по сравнению с нейтральной и супернейтральной лексикой этической ценностью, а также общностью эмотивной функции, которая проявляется в способности этих единиц оказывать определенное прагматическое воздействие на реципиента стилистически сниженной речи.

Табуированные вульгаризмы рассматриваются в работе как сложное многогранное явление, имеющее три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический. Основным принципом отграничения табуированных вульгаризмов от других групп лексики является культурно-этический принцип.

Определение лексико-семантической группы табуированных вульгаризмов, обладающей наибольшей глубиной этической сниженности, не представляется возможным, поскольку последняя выявляется только в процессе актуализации лексической единицы в результате анализа и сопоставления всех параметров прагматической ситуации.

Табуированные вульгаризмы амбивалентны: один и тот же вокабуляр оказывается в состоянии выразить пейоративное (отрицательное, осуждающее) и мелиоративное (положительное, одобрительное) отношение к явлению.

ГЛАВА II

СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫЕ ОЦЕНОЧНЫЕ НОМИНАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ

В многочисленных исследованиях по прагматике сам термин «прагматика» трактуется довольно широко. С одной стороны, его используют при описании значения слова, словосочетания и отдельного высказывания, а с другой - прагматика ассоциируется с прагматическими составляющими коммуникативного акта, среди которых имеют место категории «говорящий», «слушающий», «параметры прагматической ситуации», «коммуникативное намерение», «прагматический эффект высказывания» и т. д. Другими словами, термин «прагматический» аналогичен понятиям «прикладной», «практический», «производящий эффект», «усиливающий коммуникативное воздействие». Причем во втором своем значении термин «прагматика» имеет значительно большую распространенность в силу того, что в настоящее время разработка этой проблемы находится в сфере внимания смежных с лингвистикой наук: психолингвистики, социоллингвистики, прагмалингвистики, этнолингвистики.

До настоящего времени остается открытым вопрос о том, присутствует ли прагматический аспект в семантической структуре слова. Неясно, есть ли прагматическая зона в толковании языковых сущностей, имеются ли прагматически маркированные значения, что входит в эту собственно прагматическую связь; или же прагматический аспект возникает только в конкретной ситуации общения. В силу того, что до настоящего времени отсутствует общепринятое определение статуса, объема понятия и содержания прагматического компонента слова, к нему относят самый широкий круг явлений: «элементы значения» (Ч. Стивенсон), «ассоциативные признаки», «семантические ассоциации» (Апресян), «модальные компоненты значения» (Вежбицкая), «пресуппозиции» (Ч. Филмор), «экспрессивность» (Сакиева) и другие компоненты. Все эти явления обладают тем общим свойством, что они характеризуют отношение говорящего или адресата сообщения к описываемой знаком действительности.

Можно полагать, что прагматическая информация присутствует в семантической структуре слова, так же, как, например, эмотивный и оценочный компоненты, а критерием для квалификации этой информации является наличие в словарных дефиниционных текстах вербальных указаний на соотнесенность маркированного знака с теми или иными параметрами

коммуникативно-прагматической ситуации.

Несомненно также, что прагматическая информация может присутствовать в слове потенциально, актуализируется же она только в контексте - это величина функциональная.

Представляется необходимым подробно рассмотреть обе точки зрения и попытаться определить место прагматического аспекта в структуре субколлоквиальных лексических единиц. В качестве теоретической базы для выявления и описания прагматического аспекта в семантической структуре субколлоквиального слова берутся основные положения, разрабатываемые в рамках структурной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Ф. Вежбицкая, Г.В. Колшанский и другие представители этого направления лингвистики); а также основные постулаты, выработанные в рамках когнитивной лингвистики (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик и др.).

1. О двух подходах к интерпретации прагматического содержания языкового знака

Сторонники точки зрения, согласно которой прагматический аспект ингерентно присутствует в семантической структуре слова в качестве одного из его составляющих, то есть узуально, исходят из того, что в дефиниционных текстах толковых словарей имеются вербальные указания на соотношенность маркированного знака с теми или иными параметрами коммуникативно-прагматической ситуации. При этом под коммуникативно-прагматической ситуацией понимается «комплекс внешних условий общения, присутствующий в сознании говорящего в момент осуществления речевого акта: кто-кому-о чем-где-когда-почему-зачем. Другим составляющим этого комплекса является результативность прагматического эффекта, выражающаяся в реакции адресата, его вербально-невербальном поведении» [Азнаурова, 1984:120].

В качестве параметров прагматической ситуации, с которыми могут быть соотношены отдельные аспекты прагматического содержания слова, выделяют обстановку и место коммуникативного акта, предмет и цель коммуникации, социальные отношения коммуникантов, их индивидуально-психологические характеристики и т. д.

Такой подход позволил Л.С. Аганханянц выделить вербальные репрезентации следующих содержательно-прагматических аспектов слова: а) социальные характеристики потенциальных коммуникантов; б) индивидуально-психологические характеристики потенциальных коммуникантов; в) конкретно-типизированная обстановка коммуникации [Аганханянц, 1989:31].

Теоретической базой для выделения прагматического аспекта содержания

слова в работе Л.С. Аганханянц послужила концепция значения, разработанная М.В. Никитиным (1983), в частности, ее положение о связи и зависимости имплицитных признаков от интенциональных, а также контекстуальная обусловленность импликационала. Развивая уже высказанную мысль о том, что лексическое значение представляет разновидность знания о мире, в том числе об условиях и участниках коммуникации [Азнаурова, 1988], Л.С. Аганханянц предлагает заменить традиционный семантический треугольник на четырехугольник, включив фактор субъекта речи, подчеркнув тем самым значимость прагматической информации о знаке, содержащуюся в сознании коммуниканта. Можно согласиться с этой мыслью, если принять во внимание характер исследуемого автором материала - прагматически маркированные наименования лица - fellow, boy¹. Представляется, что такой подход несколько сужает объем понятия прагматического аспекта слова, так как при этом не учитываются имеющиеся в семантике слова элементы, определяющие его воздействующие и регулятивные потенции.

В некоторых других исследованиях [Сакиева, 1991; Телия, 1991 и др.] под прагматическим аспектом понимается экспрессивность в широком смысле слова, и критерием наличия в языковой единице прагматического аспекта называется экспрессивный / прагматический эффект, который понимается как реализация некоторой иллокутивной силы, нацеленной на эмоциональное воздействие². Поскольку экспрессивность (она же прагматический аспект) - это результат функционирования языкового средства, то есть отбора и употребления, она не может являться значением. Сторонники этой точки зрения считают, что такая знаковая информация, как знания о мире, о личности коммуникантов, о характере взаимоотношений между коммуникантами «не лексикализуется и поэтому не лексикографируется - она принадлежит не прагматике знака, а прагматике речи как деятельности в целом» [Телия, 1991:30].

Последователи этой теории (рассматривающие прагматический аспект как экспрессивность) обычно исходят в своих исследованиях прагматического аспекта языковых единиц из их воздействующих или регулятивных потенций, а поскольку зачастую нет другой возможности выявления этих потенций, кроме включения исследуемой единицы в контекст, то не всегда проводится разграничение между узуальным и окказиональным прагматическим аспектом,

¹ См. также по этому поводу Азнаурова, 1983:88.

² «Экспрессивность языковых произведений - текстов и любых их отрывков (вплоть до слов) - это результат такого прагматического употребления языка, основная цель которого - выражение эмоционально воздействующего (положительно или отрицательно окрашенного) отношения субъекта речи к обозначаемому и «заражение» этим отношением адресата» [Телия, 1991:35].

что делает эту концепцию достаточно уязвимой.

Например, Э.С. Азнаурова относит к прагматическим свойствам языковой единицы оценочные характеристики значения, но при этом только оценку социальную, оценку событий, суждений и теорий, с позиции определенных классовых или партийных интересов¹ [Клаус, 1967:103-103]. Такая оценка, которая, по своей сути, является «общественно-политической оценкой» [Стерлигов, 1988:136], составляет часть «культурного пакета» и наследуются последующими поколениями вместе с самим языком [Jackson, 1988:59].

Две вышеописанные точки зрения на трактовку прагматического аспекта слова при ближайшем рассмотрении не оказываются взаимоисключающими, если мы будем рассматривать прагматический аспект как часть семантики слова, которая позволяет языковой единице осуществлять воздействующую функцию: «Наряду с познавательной функцией и функцией слова как орудия общения у слова есть и прагматическая и регулирующая функция; слово не только орудие отражения действительности, но и средство регуляции поведения»² [Лурия, 1979:119. Разрядка наша - Э.М.].

Таким образом, под прагматическим аспектом понимается закрепленное в языковой единице отношение говорящего: а) к действительности; б) к содержанию сообщения; в) к адресату³. В прагматический аспект могут входить эмотивно-оценочный и стилистический компоненты, то есть то, что позволяет «выбирать языковые средства из наличного репертуара для наилучшего выражения своей мысли или своего чувства, выражения наиболее точного, или наиболее красивого, или наиболее соответствующего обстоятельствам, или, наконец, для наилучшего воздействия на слушающего - с целью убедить его, или взволновать и растрогать, или насмешить, или ввести в заблуждение и т. д., и т. п.» [Степанов, 1981:325].

Однако неоднозначное понимание в лингвистике термина «коннотация»,

¹ В книге “Words and Their Meaning” “emotive meaning” понимается как прагматический аспект в теории Клауса: “In any culture at any time there are words which are used by sloganisers, political or otherwise, to stand, some for positive and some for negative values, judged as such by that culture. Sometimes these “emotive” overtones have been more important in a word’s use than the denotation of the word” [Jackson, 1988: 59].

² Сравним с точкой зрения Ю.Д. Апресян: «Под лексическим значением слова понимается семантика знака (описание наивного понятия) и та часть его прагматики, которая включается в модальную рамку толкования» [1974:325], при этом в модальную рамку толкования включаются те элементы знака, которые отражают оценку описываемой ситуации говорящим или слушающим. М.С. Ретунская [1989:99] также считает, что «лингвистическое выражение оценки в речи неразрывно связано с реализацией прагматических функций языка, т. е. выражением положительного или отрицательного отношения говорящего к предмету высказывания».

³ См. по этому поводу Апресян 1974(а), 1974(б), 1979; также Никитин, 1988; Стернин, 1979.

аморфность границ этого понятия вызывают необходимость разграничения между прагматическим аспектом и различного рода коннотациями.

2. Коннотация VS прагматический аспект

Поскольку человеческий язык представляет собой сложное образование, содержащее объективные и субъективные элементы, сама природа языка, таким образом, дает основание для выделения в любой языковой единице двух типов информации - объективной и субъективной, которые в лингвистической литературе называются по-разному: предметно-понятийной и стилистической информацией (Винокур, Степанов, Азнаурова); основной и дополнительной (Пиотровский), предметно-логической и добавочной (Арнольд), семиотической и эстетической (Звегинцев); собственно лингвистической и прагматической (Киселева).

Несмотря на достаточно долгую историю проблемы, до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о количестве компонентов, составляющих семантическую структуру слова, и характере взаимодействия между ними.

В зависимости от целей, задач и исследовательского подхода к проблеме выделяют различные модели исследования, отличающиеся друг от друга не только терминологически, но и концептуально¹.

При описании семантики слова мы исходим из актуального для целей нашего исследования положения о том, что лексическое значение - это система, состоящая из элементов различной степени сложности, которые выступают в неразрывном единстве и распределяются по типам лишь условно, в целях анализа². Обычно выделяют три макрокомпонента в семантической структуре слова: денотативно-сигнификативный, категориально-грамматический и коннотативный; при этом каждый макрокомпонент семантики слова имеет свою направленность: денотативный ориентирован на объективный мир обозначаемых предметов и явлений, категориально-грамматический указывает на «значимость» слова в грамматической системе языка, а коннотативный передает прагматическую информацию, связанную с ситуацией и участниками общения, характером общения и т. п.

Важными методологическими посылками отечественного языкознания

¹ См. следующие работы: Апресян, 1974; Арутюнова; 1973, 1976 (а, б), 1980; Звегинцев, 1957; Кацнельсон, 1965; Левковская, 1959; Степанов, 1977; Телия, 1991; Уфимцева, 1971; Шипицина, 1993 и др.

² Идея о делении значения отдельного слова на более мелкие компоненты, которые впоследствии были названы семами, была высказана Л. Ельмслевым (Ельмслев Л., 1960, 1962) и в настоящее время плодотворно развивается многими лингвистами (см. напр. Апресян, 1974; Арнольд, 1973; Гак, 1971, 1972; Головин, 1976; Леонтьев, 1965 и др.).

являются обязательное наличие в семантике слова денотативного и категориально-грамматического макрокомпонентов и их неразрывное единство [Виноградов, 1972, Аспекты, 1980]; при этом коннотация рассматривается как информация субъективно-модального характера [Степанов, 1965; Кацнельсон, 1972; Арнольд, 1973; Шмелев, 1973 и другие], которая базируется на постоянных ассоциативных связях, вызываемых вещественным значением слова: то есть в коннотацию включают все то, что не относится к денотативно-сигнификативному и категориально-грамматическому макрокомпонентам¹.

В настоящее время большинством лингвистов коннотативный макрокомпонент признается частью системного значения слова².

В данном исследовании мы исходим из положения о единстве и равенстве предметно-логического момента (денотативный макрокомпонент) и эмоционально-чувственного момента (коннотативный макрокомпонент) в процессе отражения человеческим сознанием окружающего мира, поскольку «мы понимаем и чувствуем одновременно, так как оцениваем и переживаем одновременно с называнием объекта оценки» [Шаховский, 1983(6):17]³.

Последующие исследования различных аспектов коннотации позволили вскрыть новые факты ее онтологии.

В зависимости от принятого определения термина «коннотация», ее статуса, объема понятия, его содержания, отдельные лингвисты выделяют те или иные признаки коннотативного макрокомпонента значения слова:

- коннотация входит в объем значения, то есть является составной частью значения;
- коннотация имеет материальную форму воплощения и носит семный характер;
- коннотация является субъективно-объективной и в зависимости от парадигматико-синтагматических свойств знака может быть ингерентной или адгерентной;

¹ “Connotation relates to the associations that a word has over and above its denotation” [Jackson, 1988:58].

² Сравним с точкой зрения В.А. Звегинцева, который в своей книге «Семасиология» признает рядом лингвистов эмоциональных моментов компонентами значения слов объясняет отсутствием у этих ученых объективного критерия в подходе к значению слова, смешением, у них объективного и субъективного моментов [Звегинцев, 1957:167 и далее], а также с точкой зрения Н.Г. Комлева, который рассматривает коннотацию как явление психического порядка, считая, что коннотация слова «имеет определенную нейрофизиологическую базу в мозгу человека, и в этом смысле существует в его сознании, в сознании коллектива» [Комлев, 1966:12].

³ Ряд исследователей семантической структуры слова отводят коннотации роль второстепенного компонента: Арнольд, 1959; Ахманова, 1966; Денисов, 1980; Кузнецова, 1982; Медникова, 1971 и др.

- коннотация полиструктурна (в нее входят эмоциональная, экспрессивная, стилевая отнесенность, оценочность);

- коннотация является терминологическим синонимом прагматического, стилистического значения языковой единицы¹.

Наряду с выделяемыми нами семами (эмотивная, стилистическая, оценочная и характеризующая их степень интенсивная), некоторые исследователи отмечают в структуре коннотации и другие: например, идеологический компонент [Комлев, 1969], национальный компонент [Сапожникова, 1985], образный компонент [Азнаурова, 1973]².

Отмеченные здесь два взгляда на понимание коннотации - широкое и узкое, приводят нас к необходимости разграничения этих понятий. Вся лексикализируемая и, соответственно, лексикографируемая информация, отражающая субъективное и объективное *отношение* говорящего к субъекту и объекту высказывания, будет в дальнейшем определяться в работе как прагматический аспект семантики слова³.

Введение термина «прагматический аспект» позволяет отграничить его от собственно коннотации, понимаемой многими как «дополнительное содержание слова, которое не находит отражения в его семантической структуре и формируется на основе постоянных ассоциативных связей, возникающих у носителей данного языкового коллектива. [Азнаурова, 1983:89].

Прагматические коннотации выражают сопутствующие обозначаемому понятию факторы, обусловленные мирозерцанием и социальной природой человека, к которым, например, относятся знание коммуникантами существующих в обществе норм общения, вытекающая отсюда способность удовлетворять предъявляемым речевым экспектациям в зависимости от роли, статуса, пола, возраста и т. п. коммуникантов и еще целый ряд разного рода сведений, способствующих эффективности коммуникации.

3. Системные параметры прагматического аспекта

Прагматический аспект - это лингвистическое понятие, которое соотносится с компонентами семантической структуры слова. Он имеет

¹ Алексеев, 1988:51.

² В.И. Говердовский указывает на имеющее место расширение понятия коннотации: «В настоящее время сфера коннотации в собственно лингвистике сильно расширилась: выйдя далеко за пределы экспрессивно-оценочно-стилистических рамок, в которых она начинала свое существование, коннотация захватила уже социально-политические, морально-этические, этнографические и культурологические понятия, так или иначе отражающиеся в языке». [Говердовский, 1985:71].

³ Эта точка зрения на прагматический аспект слова существует, например, в работах С.Г. Стерлигова [1988:135] и Д.И. Фефилова [1990:10].

сложный и неоднородный характер, что объясняется значительной разноплановостью факторов, формирующих прагматическую информацию. Поэтому комплексный характер прагматического аспекта может считаться его онтологическим свойством. В качестве системных параметров прагматического аспекта нами выделяются эмотивность, оценочность, интенсивность и эвокативная отнесенность (стилистичность), при этом ведущим в семантике прагматического аспекта признается эмотивно-оценочный компонент.

Общеизвестно, что в лингвистических исследованиях проблема взаимоотношений эмотивности и оценочности носит весьма дискуссионный характер. Распространенной является точка зрения, согласно которой эмотивность сводится к эмоциональному отношению (оценке): «В сложном взаимодействии субъекта оценки и ее объекта можно выделить компонент, который подразумевает отношение (хорошее/плохое) субъекта к объекту, рассматриваемое независимо от того, какими свойствами обладает объект. Этот компонент можно назвать «оценочностью» или «эмотивностью» [Вольф, 1985:37]. Другие [Кошель, 1980; Шаховский, 1987] рассматривают эмотивность и оценочность как два самостоятельных компонента семантики слова, признавая примат эмотивности в этой интеграции: «эмотивный компонент значения всегда ...оценочный ...если слово оценочно... то оно обязательно при этом должно быть эмотивным.» [Шаховский, 1987:61]. Третьи считают, что оценочность играет ведущую роль в структуре коннотации, а все остальные компоненты представляются явлениями вторичного порядка по отношению к данной категории: «Коннотация как экспрессивный компонент семантики является продуктом оценочного восприятия и отображения действительности в процессе номинации» [Телия, 1986:2].

Дискуссионный характер проблемы обусловил тот факт, что в состав эмоциональной лексики включаются самые разнообразные типы слов. В контексте рассматриваемых в настоящей диссертации проблем представляется целесообразным дифференцировать язык, который описывает эмоции, и язык, который их выражает [Балли, 1961, Hall, 1961] и выделять соответственно два лексических пласта:

- а) лексику эмоций;
- б) эмотивную лексику.

Лексика эмоций ориентирована на объективизацию эмоций в языке, выполняет номинативную функцию и включает слова, предметно-логические значения которых составляют понятие об эмоциях. Это «метаязыковое описание эмоционально окрашенной речи» [Телия, 1991:6]. Такая лексика обладает лишь «ореолом эмоциональной оценочности» [Петрищева, 1981:143].

Также представляется необходимым разграничить часто употребляемые

недифференцированно понятия «эмоциональность» и «эмотивность», которые являются элементами понятийных систем разных наук: психологии и лингвистики.

Собственно эмотивные слова содержат закрепленную в значении информацию об эмоциональном отношении к обозначаемому предмету или явлению. Эмоциональность является объектом исследования психологии и представляет собой «одну из характеристик того, что стоит за внешним словом в индивидуальном сознании носителя языка» [Мягкова, 1988:77]. Эмотивность - языковое отображение эмоции, выражение эмоций средствами языка разных уровней, в том числе лексического. На лексическом уровне эмотивность рассматривается как один из параметров значения слова, характеристика лексико-семантической системы языка, «характеристика языковых средств, специально предназначенных для усиления эмоционального содержания» [Маслова, 1991:175].

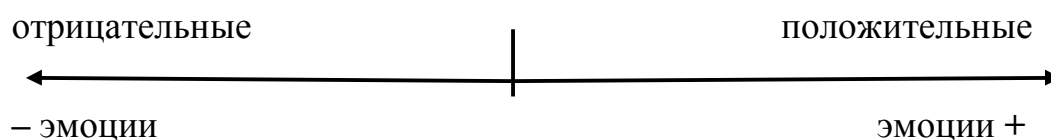
Иногда наряду с эмотивностью в лингвистике выделяют эмоциогенность - это «способность элемента текста возбуждать эмоции у получателя речи» [Жельвис, 1990:8], «это такое значение, при котором реакцией (с точки зрения слушающего) или стимулом (с точки зрения говорящего) является определенная гамма эмоций» [Стивенсон, 1985:141].

Такое разграничение вполне оправданное и легко осуществимое теоретически, не имеет большого практического значения, поскольку обычно эти два свойства объединены в одном языковом средстве: *выражая* определенного рода эмоции, языковый знак одновременно *вызывает* аналогичные или другие в зависимости от прагматических интенций отправителя речи.

Поэтому под эмотивностью в работе понимаются такие характеристики семантики слова, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения отправителя речи и направлены на создание у слушателя эмоционального резонанса¹.

Учет знаковой характеристики эмоциональных факторов в языке позволяет представить несколько упрощенно эмоциональный спектр в виде непрерывной линии, символизирующей плавный переход от эмоций положительных к эмоциям отрицательным [Жельвис, 1990:10]:

¹ Аналогичное понимание эмотивности мы находим в работе Я. Рейковского: «Под эмоциональной нагрузкой понимаются те свойства слов, благодаря которым они выражают и вызывают эмоции. Эти слова могут быть высказаны как под влиянием переживаемых эмоций, так и с целью вызвать эмоции у других или у себя» [Рейковский, 1979:159].



Это, в свою очередь, предполагает существование некоторой центральной зоны на данной линии. Располагаемые в этой зоне эмоции (и репрезентирующие их лексические единицы соответственно) очень сложно дифференцировать по знаку « + » или « - », оставаясь на уровне языковой системы, то есть внеконтекстуально (например, удивление, любопытство). Такие эмоции и соотносимые с ними лексические разряды получили название амбивалентных [Шаховский, 1987].

О присутствии в слове семы эмотивности говорят: а) собственно эмотивные пометы - шутливые, пренебрежительные, презрительные, неодобрительные, *degor*, *jocular*, *ironic* и другие, а также: б) присутствие в словарных дефинициях особых индикаторов эмотивности – слов, называющих основные эмоциональные состояния человека: *feeling*, *emotion*, *spirits* и так далее. Например:

- 1) *bitch* n. a degoratory term for a woman;
- 2) *bazoom(s)* n. the breasts (jocular or euphemistic);
- 3) *battle-ax* n. a belligerent (old) woman (degoratory);
- 4) *baby*, and *babes* n. a term of endearment.

Неоднократно отмечаемый в лингвистической литературе факт отсутствия маркера эмотивности в словарной статье¹ заставляет нас прибегнуть к выявлению эмотивных сем путем объяснительных трансформаций дефиниций слов:

beast (is) not a kind of ugly person, but a (humorous or contemptuous) way of talking about an ugly person;

blabbermouth (is) not a kind of person who tells secrets, but a (humorous or contemptuous) way of talking about a person who tells secrets;

ankle (is) not a kind of an attractive woman but a (humorous) way of talking of an attractive woman.

Во всех приведенных примерах сема эмотивности присутствует в структуре субколлоквиальных оценочных номинаций ингерентно.

Ингерентная эмотивность ощущается всеми говорящими на данном языке. Ее объективация достигается благодаря всеобщности и обязательности

¹ «Мировая лексикографическая практика не знает универсального словаря, который объединял бы в своем составе все параметры, всю информацию о данной языковой структуре и ее функционировании» [Караулов, 1981:66]. О лексикографических проблемах см. также Апресян, 1979; Ахманова, 1957; Ретунская, 1987, 1988. и др.

связанных с данным звуковым комплексом чувств, переживаний, реакций.

При переходе из словарного состояния в ситуативное любое слово в тексте может оказаться эмоционально заряженным, «проявив в соответствующих контекстуальных условиях свой эмоциональный потенциал или «зарядившись» эмотивным смыслом от окружающего контекста, приобретая, таким образом, адгерентную эмотивность.

Наряду с ингерентной и адгерентной выделяют произвольную эмотивность, определяемую особенностями восприятия объективной действительности отдельным индивидом, теми контекстами, в которых слово встречалось говорящему, ролью обозначаемых словом, предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми сближениями и т. д. В результате действия всех этих факторов «любое содержание текста является потенциально эмоциогенным» [Жельвис, 1990:7], ибо «всегда найдется реципиент, для которого это содержание окажется лично значимым» [Маслова, 1991:175]. В определенных условиях эмоциональное восприятие слова может стать общим для целой группы говорящих [Шмелев, 1973:247]. Из всех перечисленных типов эмотивности в качестве компонента прагматического аспекта семантики слова в работе рассматриваются только ингерентные семы эмотивности. Именно реализация в речи ингерентных эмотивных сем позволяет в максимальной степени обеспечить целенаправленное воздействие субъекта речи на адресата. В сфере СОН эмотивные семы реализуются в двух разновидностях: в виде а ф ф е к т и в о в [1] (в этически резко сниженной лексике) и к о н н о т а т и в о в [2].

1) *birdturd* n – an obnoxious person;

bastard n – a wretched and repellent male;

a son of a bitch n – a despicable person, usually a male

Здесь аффективные эмотивные семы возникают на базе предметно-логического макрокомпонента значения, и, раз возникнув, характеризуются тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модернизировать.

В *коннотативах* эмотивная доля значения сопутствует понятийно-предметному компоненту значения¹:

2) *blinkers* n – the eyes

bow-wow n – an ugly woman; a dog

foul mouth n – a person who uses obscene language habitually

zero n – an insignificant person, a nobody

Лингвистическая оценка рассматривается как «один из видов

¹ Подробней о видах эмотивов см. Мягкова 1988:71.

модальностей, накладывающихся на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф, 1985:11]. Как и эмотивность, оценочность возникает на базе предметно-логического макрокомпонента семантической структуры слова и так же характеризуется тенденцией вытеснять его: ср. Child - brat. Отмечая это явление, Э.С. Азнаурова пишет: «семантическая структура слова обладает своего рода предикацией - когда узуально закрепленная или логическая оценка денотата становится неотъемлемой, а иногда и ведущей составляющей семантической структуры слова как дискретной единицы языковой системы» [Азнаурова, 1973:117].

Среди основных признаков, обычно отмечаемых при характеристике *оценочного компонента*, можно выделить следующие:

1. Оценочный компонент является составной частью коннотации слова, имеет тесную связь с эмотивным компонентом и понятийным ядром слова, реализует оценочные отношения языкового коллектива к соотносительному со словом понятию или предмету по типу хорошо/плохо в диапазоне от «очень хорошо» до «очень плохо».

2. Оценка имеет непосредственное отношение к понятию «нормы» [Арутюнова, 1987], поскольку обычно основывается на системе разнообразных норм и критериев (нравственных, этических, эстетических). Указанные нормы и критерии представляют собой в каждом конкретном акте оценки отражение сложного взаимодействия общечеловеческой системы ценностей, ценностной системы автора оценки и ценностных систем тех социальных групп (региональных, возрастных, профессиональных, религиозных и прочих), с которыми автор оценки так или иначе связан. Тем самым аксиологические предикаты «хороший/плохой» являются по своей сути реляционными, сообщая только о том, что данное свойство имеет аналог в идеализированной модели микро- и макромира [Арутюнова, 1988:59]. Таким образом, оценке изначально присущ объективно-субъективный характер.

3. Оценочные компоненты различают по виду и типу. По виду оценочные семы могут быть нейтральными/нулевыми, положительными и отрицательными; по типу - а) интеллектуально-логическими; б) эмотивными и в) эмотивно-интеллектуальными.

А. Семы интеллектуально-логической оценки основываются на логических суждениях об объективно присущих референту свойствах. Интеллектуальная оценка является частью денотации, она входит в предмет обозначения (thief, traitor). Присутствие оценочных слов в словарных дефинициях свидетельствует о денотативном характере оценочности. Наличие оценочной коннотации в слове подтверждается развертыванием словарной дефиниции в условную фразу «это хорошо / плохо» [Вольф, 1979:276].

По мнению С.С. Хидекель и Г.Г. Кошель [1983:15], «интеллектуально-логическая оценка связана с понятийным ядром и входит, таким образом, в денотативный аспект значения. Эмоционально-интеллектуальная оценка пронизывает оба аспекта значения и неотделима ни от одного из них».

Б. Сопутствие оценки эмотивному аспекту значения называется эмотивной оценкой. Например, слово «pig-headed» содержит резко отрицательную оценку, усиленную присутствием в семантической структуре слова эмотивного аспекта (ср. с прилагательными, взятыми из шуточного спряжения Б. Чарльстона:

I am firm.

Thou art obstinate.

He is pig-headed.

Все три прилагательных имеют одно и то же денотативное значение, эквивалентное нейтральному «not easily influenced by other people's opinion, но «firm» предполагает похвальную твердость, «obstinate» содержит мягкое неодобрение, а «pig-headed» - резко отрицательную эмотивную оценку). Семы эмотивной оценки основываются на эмоциях, связанных с приписываемыми свойствами, объективно не присущими данному референту.

Соотнесение обозначаемого предмета со шкалой «хорошо / плохо» в этом случае основывается не на общелогических критериях, а на тех эмоциях, которые вызывает обозначаемый предмет, процесс или явление: например, слово «bastard» имеет ярко выраженную пейоративную оценку, которая, однако, не связана с его предметно-логическим значением «незаконнорожденный». Словом «bastard» может быть названо любое лицо, вызывающее негативные эмоции и отрицательную оценку у отправителя речи.

Эмотивно-оценочный компонент в данном случае вытесняет предметно-логический макрокомпонент, хотя последний способствовал его формированию. Словарь дает следующее объяснение возникновению пейоративной оценки в семантической структуре лексической единицы: «мужчины похвалялись тем, что они были незаконнорожденными. Была какая-то таинственная притягательность в том, что неизвестный отец мог оказаться героем. Однако Англо-Саксонский Синод 786-го года принял решение о том, что «сыну распутного союза будет отказано в законном наследовании», и постепенно быть незаконнорожденным стало считаться позором [Feminist Dictionary. Перевод наш - Э.М].

В. Семы эмотивно-интеллектуальной оценки основываются на органическом единстве эмоций и рационально-оценочных суждений (Е.М. Вольф считает, что в естественном языке не может быть чистой эмоциональной оценки, «так как язык как таковой всегда предполагает

рациональный аспект» [Вольф, 1985:40]). Например, в слове «*bimbo - a giddy woman; a sexually loose woman*» содержатся семы интеллектуальной оценки, вследствие того, что как в кодифицированной, так и в некодифицированной части американской культуры (*vernacular English*) половая распущенность женщин рассматривается как качество резко отрицательное и постыдное, что зафиксировано в сознании большинства членов американского общества.

Глупость также рассматривается как серьезный порок в любой субкультуре, поэтому субколлоквиальные единицы типа *pinhead, roorhead, marble dome, mouth breather* содержат в своей семантике семы интеллектуальной оценки, а также эмотивные семы, в данном случае интенсифицированные метафорическим переносом.

В работе не рассматриваются субколлоквиальные оценочные номинации, определение аксиологического знака которых представляется затруднительным как в силу их амбивалентного характера, так и в результате существующей в сфере неофициального общения «антиморали» (*reverse morality*). Некоторые явления (пьянство, наркомания, агрессивность, половая распущенность) получили в доминирующей культуре отрицательную оценку, но рассматриваются как положительные и заслуживающие одобрения в некоторых субкультурах. Поскольку сленг в большой степени пополняется за счет субъязыков разного рода периферийных групп (жаргоны бродяг, наркоманов, студентов, военных), то неизбежно несет в значении многих единиц отраженную мораль этих групп людей. По этой причине не рассматриваются, например, слова, относящиеся к семантическому полю «*alcohol or drug intoxicated*», которые не имеют практически в составе поля единиц с пейоративной критической оценкой, зато широко представлены эвфемизмами - сленгизмами типа: *blessed, has a glow on, one of the faithful, a bender*.

Существующий в обществе двойной стандарт по отношению к поведению мужчин и женщин наглядно проявляется в функционировании слов *big ass man, John, wolf* и т. п., в которых не только отсутствует пейоративная оценка, но и, по замечанию автора словаря американского сленга, «эти слова часто употребляются как комплимент, с восхищением или завистью» [S.V. Flexner, Preface, p. 6. Перевод наш - Э.М.]¹.

По способу представления оценочной семы в семантической структуре слова выделяют э в а л ю а т и в ы и и м п л и к а т и в ы . Под эвалюативом понимается лексическая единица, которая обладает оценочным (аксиологическим) значением, узуально закрепленным в ее семантической структуре в виде эксплицитной семы оценочности и объективированным

¹ Сравним с социальной оценкой, которая рассматривается рядом исследователей как категория прагматическая.

(зафиксированным) в ее словарной статье посредством соответствующих лексикографических индикаторов оценочности [Новиков, 1992:51].

Основным критерием выделения субколлоквиальной оценочной лексики из словарного корпуса служит наличие соответствующей пометы в словаре американского сленга: *derog*, *pejorative*, *endearment*, *used as a term of admiration* и т. п.

bra-burner n – a nickname for a woman, who supported the women's liberation movement in the 1960-s 1970-s (Derogatory).

butcher n – a surgeon; a physician (Usu. derogatory).

При выделении СОН исходим также из положения о том, что оценочность является элементом лексического значения и может найти отражение в лексикографическом толковании слова [Хидекель, Кошель, 1983]:

bod – a body; especially a nice body;

bum – a good-for-nothing;

good joe – a good fellow;

ham – an actor; a bad actor;

goop / goup – a slop; gunk; bad food;

hogwash – bad food or drink;

hoser – a good guy or buddy;

queer-beer – bad beer; beer of low alcohol content.

Все приведенные примеры - субколлоквиальные эвалюативы.

Импликатив - это общее название для лексических единиц, репрезентирующих различные виды имплицитной оценки¹: имплицитная системно-языковая оценка, узуальная квазиоценка,okkaзиональная оценка. Как в эвалюативах, так и в импликативах системно-языковой оценки сема оценочности закреплена узуально.

Осуществляя отбор субколлоквиальных оценочных номинаций импликативов системно-языковой оценки исключительно с опорой на сложившуюся в лексикографии практику составления словарных статей, мы учитываем тот факт, что последние в известной мере субъективны, поскольку сказывается различие индивидуального языкового опыта составителей словарей. Поэтому вслед за Н.А. Лукьяновой учитываем такой способ лексического представления оценки, как описательный прием репрезентации лингвистической оценки, «закрепляющейся» в описании, «развертывании» ситуации, в которой употребляется данное слово или фразеологическая единица» [Лукьянова, 1991:165].

¹ Импликативная оценка - это оценочные смыслы, несущие формально не выраженную в семантике языкового знака оценочную информацию [Новиков, 1992:21].

zarf – an ugly and repellent male
 WNWD: 2) bad, vile

stinker – a person regarded with disgust
 WNWD: a sickening distaste or dislike
a feeling of not liking; feeling | against

stone fox – an attractive woman
 WNWD: pleasing, charming, pretty
 affording pleasure
feeling of being happy or satisfied

Выявление базисных слов feeling / emotion (если при этом аксиологический знак эмоции достаточно четко дифференцируется, т. е. как названная эмоция, так и соотносимое с ней слово не являются амбивалентными) позволяет ограничиться этим этапом семантического развертывания, поскольку мы исходим из того, что: «Наличие оценочности в значении слова еще не сигнализирует об эмоциональности, но всякое эмоциональное значение предполагает оценку говорящим субъекта, предмета, явления, ситуации» [Сакиева, 1991:9].

В процессе исследования была установлена неоднократная повторяемость одних и тех же эмотивно-оценочных слов в дефинициях рассматриваемых СОН, которые можно использовать как маркеры эмотивной оценочности. Слова-индикаторы, совмещающие семы «эмоция» и «оценка», устанавливают отнесенность субколлоквиальных лексических единиц к группе эмотивно-оценочной лексики, значительно облегчая работу исследователя:

МАРКЕРЫ	мелиоративности	agreeable, attractive, bright, cute, energetic, good-looking, honest, important, impressive, intellectual, law-abiding, pleasant, pretty, soft...
	пейоративности	absent-minded, annoying, cheap, crazy, devious, detestable, despised, disoriented, difficult, dull, disgusting, despicable, eccentric, giddy, grouchy, hateful, inept, inferior, insignificant, low, mean, nasty, nosy, old-fashioned, obnoxious, promiscuous, repellent, rotten, sneaky, strange, stubborn, silly, sleazy, stingy, stupid, socially unacceptable, troublesome, ugly, undesirable, unresponsive, weird, worthless, yucky...

Нетрудно заметить, что слова с узуально закрепленной оценкой гораздо шире представлены единицами, дающими отрицательную оценку объектам действительности. Пометы пейоративной оценки вообще гораздо более многочисленны и дифференцированы. В.Н. Телия считает, что это связано с тем, что «мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, нежели «возносить на небеса». Не исключено, что именно библейская культура способствовала такому положению вещей, ибо сказано: «Не сотвори себе кумира» [Телия, 1991:60]¹.

Оценочный компонент, в большинстве случаев сопровождаемый эмотивностью, рассматривается здесь как основной элемент прагматического аспекта семантики слова, поскольку в нем содержится коммуникативно-релевантная информация о том, какого рода эмотивно-оценочное отношение субъекта речи (говорящего или интерпретатора) к обозначаемому (предмету или адресату речи) способно выражать данное слово при его употреблении в высказывании в соответствующей ситуации общения. Эмотивно-оценочный компонент семантики слова тесно связан с участниками коммуникации и со всей ситуацией общения в целом.

Некоторые исследователи наряду с эмотивным и оценочным выделяют экспрессивно-образный аспект, «соотносящийся с квалификативной сферой чувственно-образного восприятия. В его основе лежит закрепленная языковой практикой в данном конкретном слове соотнесенность с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак (*cookerel* cf. *bully*; *puppy* cf. *unfledged youth*) [Азнаурова, 1974:15].

В качестве дефиниционных маркеров образности называются пометы «figurative», «metaphorical» и указание на фразеологичность (идиоматичность) рассматриваемого словосочетания.

Действительно, значительное количество субколлоквиальных оценочных номинаций (и субколлоквиальной лексики вообще, в особенности той ее части, которая относится к табуированным областям²) образовано в результате метафорических и метонимических переносов, в результате чего последние приобретают интенсифицированные эмотивные и оценочные семы³. Однако последний факт не дает основания для выделения категориального значения образности в семантической структуре слова наряду с эмотивным и оценочным компонентами. Образность скорее следует рассматривать как «психическое

¹ См. также Лукьянова, 1991:159.

² См. по этому поводу Э.Н. Меркулова «Основные способы образования табуизмов и табуированных значений в американском варианте английского языка».

³ Образ - это частный случай эмоциональной мотивации, наряду с морфологическими, звуковыми, интонационными средствами [Телия, 1991:27].

явление, как величину психического порядка»¹ [Скребнев, 1975:117].

В настоящем исследовании образность лексической единицы выступает в качестве дополнительного критерия выделения СОН из массива субколлоквиальной лексики: «переносные ЛСВ, особенно метафорические, являются универсальным и наиболее мобильным средством выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи» [Лукьянова, 1980:3]

grade-grubber – an earnest hard-working student. (In the way a pig roots or grubs around for food.

grave-dancer – someone who profits over someone else's misfortune.

Под стилистическим компонентом коннотации в исследованиях семантической структуры слова понимаются различные явления. В частности, широко распространено мнение о том, что «стилистическое содержание слова может быть реализовано значениями, которые правомерно квалифицировать как значения эмоциональной, оценочной и экспрессивно-образной направленности» [Азнаурова, 1973:109]. Таким образом, стилистический компонент рассматривается как немонолитное образование, состоящее из неделимых далее аспектов коннотации: эмотивности, оценочности, экспрессивной образности.

Иногда функционально-стилистический компонент получает другое название, например, прагматический компонент значения, который также входит в семантическую структуру слова как самостоятельный компонент и указывает на тот регистр, в котором данное слово преимущественно используется.

Другое понимание стилистического компонента сводит его к информации в структуре слова о принадлежности говорящего к определенному социуму - территориальному, профессиональному, классовому, возрастному и так далее, которая соотносима с условиями коммуникации, включая отношения между ее участниками и канал общения. При этом считается, что характеристики первого типа составляют специфику конкретного идиолекта и не зависят от намерения говорящего, а информация второго типа связана с целенаправленным выбором слова в зависимости от ситуации общения, степени ее регламентированности и канала общения, то есть сведения первого типа связаны с интерперсональной, а второго - с интраперсональной вариативностью².

Небезынтересно, что Д.Н. Шмелев возражает против включения в

¹ В диссертационном исследовании Т.В. Земсковой подробно рассматривается отношение образности к составляющим семантической структуры слова и роль образности в создании интенсифицированных эмоционально-оценочных сем на примере коллоквиальных наименований лица [Земскова, 1991:17-19].

² См. подробнее Графова, 1987:26.

семантическую структуру слова тех элементов, которые «характеризуют стиль или назначение речи или говорящих», однако указывает на то, что при этом «не нужно забывать об известной «взаимопроницаемости» этих компонентов внутреннего содержания слова и возможном перераспределении их функций в определенных контекстах» [Шмелев, 1973:252]. Е.Ю. Мягкова и Л.М. Васильев [1990:19; 1990:91] также выносят стилистические характеристики слова за пределы его значения на том основании, что они относятся к сфере употребления. Это мнение разделяет И.А. Стернин, который исключает функционально-стилистический компонент из состава коннотации на том основании, что «он не характеризует предмет, а несет информацию о ситуации, в которой протекает речевой акт» [Стернин, 1985:73].

Однако многие исследователи семантики слова подчеркивают, что стилистическая окраска не создается каждый раз непосредственно в процессе употребления, не привносится каждый раз индивидом. Слова имеют определенную стилистическую характеристику как элементы системы языка постоянно [Арнольд, 1959:55; Бондарко, 1978:106; Графова, 1987:19-21; Денисов, 1980:158; Кацнельсон, 1965:14; Кузнецова, 1982:27; Медникова, 1974:135; Телия, 1980:312; и многие другие]. Известно, что «стилистическая окраска отдельного слова, фразеологизма, синтаксического оборота почти не ощущается до тех пор, пока слово находится в обычном для него стилистическом окружении, но становится резко выраженной, когда языковой элемент попадает в непривычный для него контекст» [Пиотровский, 1960:22]. Следовательно, в этом случае стилистический компонент может выступать особенно ярко. Основу для реализации данного типа коннотации обеспечивает «разность стилистического потенциала» [Лотман, 1964] стилистически нейтральной и стилистически маркированной лексики.

В работе принимается определение стилистических коннотаций Ю.М. Скребнева, которые понимаются как семантические компоненты, выражающие отнесенность лексической единицы к специфичной области определенного субъязыка [Скребнев, 1975:38].

Стилистические семы (эмотемы) включаются в прагматический аспект языковой единицы, поскольку, наряду с указанием на субъязыковую отнесенность, они участвуют в формировании иллокутивных потенциалов слова, характеризуют не только ситуацию общения, но и выражают отношения отправителя и реципиента речи друг к другу и предмету коммуникации.

Безусловный интерес для настоящего исследования представляет выявленный в результате опроса носителей американского варианта английского языка факт влияния глубины этической сниженности на интенсивность содержащейся в лексической единице оценочности: чем

предельней глубина этической сниженности, тем интенсивней представленная в слове оценка [Хомяков, 1985]. Не случайно семантическое поле «презренный, отвратительный человек» (*obnoxious / despicable person*), предполагающее высокую степень интенсивности пейоративной оценки, представленной субколлоквиальными оценочными номинациями табуированного характера или близкими к ним по эвокативной отнесенности:

- * asshole (2)
- * birdturd
- * fart
- nodad / nodaddy
- * shit
- shithead; shitsky (2)
- sleaze / sleez
- slime bag/slime
- bucket
- * shot
- * son of a bitch
- yazzihamper
- yo-yo / yooyo

Иначе обстоит дело с мелиоративными СОН: этически сниженная лексика мелиоративной аксиологической направленности типа «*bait, bitch*», имеющие значения «красивая женщина», не получили у носителей языка оценки выше «удовлетворительно» (степень представленности в слове положительной / отрицательной оценки отмечалась по 5-ти бальной системе). Оценку «отлично» в этой семантической группе получили слова типа: *angel, angel-face, Beautiful*.

Отношения, существующие между компонентами прагматического аспекта и интенсивностью, могут быть характеризованы как инклюзивные, при этом интенсивность определяется как «количественная мера оценки, мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность» [Туранский, 1991:19]¹. Интенсивность указывает на усиление признаков, составляющих основу вещественного и коннотативного содержания слова:

- Jerk = a nobody + интенсивность;
- Ass kisser = *sycophant* + интенсивность.

Таким образом, в качестве системных параметров прагматического

¹ Подробней о соотношении понятий «экспрессивность» и «интенсивность» см. И.И. Туранский 1987; 1990.

аспекта в работе выделяются эмотивно-оценочный компонент и интенсифицирующая / деинтенсифицирующая его эмотема. В контексте решаемых проблем в настоящем исследовании задач также представляется целесообразным определить статус прагматического аспекта в семантической структуре слова.

4. Характер взаимодействия прагматического аспекта и денотативно-сигнификативного макрокомпонента в структуре СОН

Принадлежность объективированных в языке эмотивного и оценочного компонентов к семантике лексической единицы не вызывает настоящего время разногласий у зарубежных и отечественных лингвистов. Дискуссионным остается вопрос об их статусе в семантической структуре слова.

Исходя из положения о том, что смысловое своеобразие СОН определяется наличием прагматического аспекта, ведущее место в котором занимает эмотивно-оценочный компонент, представляется целесообразным определить его статус в структуре десигната.

Важнейшей особенностью слова как коммуникативной единицы языка является наличие в его значении ядра и периферии, при этом «ядерные семы выполняют дифференциальные функции в языке» [Стернин, 1988:105]. Различие между ядерными и периферийными семам, таким образом, заключается в характере их взаимодействия в структуре значения - одни определяются как доминирующие, а вторые как зависимые.

Для определения статуса прагматического компонента в структуре слова необходимо подробнее остановиться на дихотомии ядерные vs периферийные признаки.

Большинство лингвистов рассматривают интенсивность, эмотивность, оценочность и эвокативную отнесенность как добавочные значения, или «созначения» языковой единицы, которые накладываются на ее основное денотативное значение и составляют коннотативный план значения слова¹ (Э.С. Азнаурова, О.С. Ахманова, И.В. Арнольд Н.Д. Арутюнова, Е.Г. Беляевская, С.Б. Берлизон, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Е.М. Галкина-Федорук, С.Д. Кацнельсон, К.А. Левковская, Э.М. Медникова, Е.Ф. Петрищева, Н.М. Разинкина, А.А. Уфимцева и другие).

Существует также концепция, согласно которой компоненты значения слова, реализующие прагматическую информацию, включаются в его денотативное значение: «Помимо констатирующих сем, выражающих сугубо

¹ Коннотации (как семантические так и стилистические) соотносимы с дополнительными, нерелевантными признаками денотата, которые выявляются в контексте [Азнаурова, 1973:85].

предметную информацию, денотативное значение коллоквиализма включает семантические компоненты, реализующие различные оттенки эмоционально-оценочного характера» [Рябова, 1979:41].

Существование в лингвистике на паритетных началах двух крайних точек зрения на положение предметной и прагматической информации в семантической структуре лексических единиц обусловлено объективной сложностью строгого разграничения двух типов информации в структуре десигната. Эта объективная сложность породила компромиссное решение. В диссертационном исследовании Н.Н. Казаевой (1982) эмотивно-оценочные элементы трактуются как периферийные компоненты денотативного значения, которое понимается автором шире, чем просто предметно-логическое. В то же время Н.Н. Казаева считает, что, занимая периферийное положение в структуре денотата, эмотивно-оценочные семы могут быть отнесены и к области коннотации. «Находясь на периферии семной структуры слова, эмотивно-оценочные семы, с одной стороны, являются частью денотативного значения, а с другой, могут рассматриваться как семы коннотативные, относящие слово к определенному субъязыку. Таким образом, предметно-логическая и коннотативная части значения не являются изолированными одна от другой, а выступают как диалектически связанные между собой.» [Казаева, 1982:69-70]. Представляется, что концепция Н.Н. Казаевой, получившая поддержку в работах Е.С. Гриценко (1986) и Т.В. Земсковой (1991), наиболее полно отражает реальное соотношение предметной и прагматической информации в структуре коллоквиальных единиц, поэтому целесообразно использовать ее основные положения при определении статуса эмотивно-оценочного компонента в семантической структуре СОН.

Критерием определения лингвистического статуса прагматического аспекта оценочных сем в структуре значения СОН является неоднократно высказываемая мысль о том, что ядерные семы выполняют дифференциальные функции в языке, а периферийные выражают дополнительную (но актуальную для говорящего) информацию. Поэтому логично предположить, что исключение периферийных сем не приведет к разрушению или значительному опустошению значения, поскольку будут сохраняться основные, существенные признаки, позволяющие идентифицировать объект. (Осуществляя прием исключения ядерных и периферийных сем из структуры значения, мы исходим из того, что оптимальные лексикографические дефиниции слов максимально приближаются к адекватному отражению полноценного состава значения). Специфика исследуемого материала такова (наличие узуальной оценки было ведущим принципом отбора субколлоквиальных номинаций), что в корпусе анализируемых субколлоквиализмов практически нет таких эмотивно-

оценочных сем, которые могли бы быть извлечены из структуры слова без нарушения целостности значения последнего.

Небольшой в количественном отношении разряд СОН составляют единицы, семантическим ядром в которых являются семы, выражающие предметно-логическое содержание, а эмотивно-оценочные семы, выражая дополнительную информацию, относятся к периферийным элементам смысловой структуры. Небезынтересно, что за небольшим исключением эмотивно-оценочной компонент в этом случае выражен мелиоративными оценочными семами: *goodie*, *baddy / ie*, *buddy chum*, *pal*. В отличие от их нейтральных синонимов, содержащих семы интеллектуально-логической оценки, в этих словах имеет место эмотивно-интеллектуальная оценка, вызываемая предметно-логическим содержанием. Увеличение степени интенсивности эмотивно-интеллектуальной оценки обусловлено необычным звуковым образом слова, за счет добавления словообразовательных суффиксов, а также за счет наличия в семантике языковой единицы эмотемы, относящей лексему к субъязыку непринужденного общения:

palsy-walsy – a good friend, pal, buddy.

pal – a close friend, a buddy.

- 1) *pal* – friend + интенсивность;
- 2) прагматический аспект = мелиоративная оценочность + положительная доброжелательная эмотивность;
- 3) полное сохранение и доминирующее положение в семантической структуре всех денотативно-сигнификативных сем.

Дальнейший анализ практического материала показывает, что, хотя прагматический аспект может входить в денотат, СОН неоднородны в семантическом плане - имеется в виду, что статус эмотивно-оценочных сем в структуре денотативного макрокомпонента значения различен.

На фоне основного массива СОН выделяются лексические единицы, в которых интенсифицированные эмотивно-оценочные семы заняли позиции ядерных, а предметно-логические, соответственно, отнесены к периферии денотанта и даже далее. Это относится к той части лексики, которая характеризуется значительной глубиной этической сниженности, и в особенности к тем единицам, которые имеют табуированный референт. Интеллектуальный компонент в таких словах настолько беден и функционально угнетен, что с трудом удерживает слова от расползания из своих референционных рамок. По замечанию М.В. Никитина, в подобных словах «прагматическая инфляция приводит слово к когнитивному параличу» [Никитин, 1988:59]. Например:

bastard n – a wretched and repellent male; a son of a bitch. (Crude and

provocative. Caution with bastard).

1) bastard = wretched, repellent + интенсивность;

2) прагматический аспект = пейоративная оценочность + уничижительная, презрительная эмотивность;

3) связь с референтом заключается в знании коммуникантом определенного набора параметров прагматической ситуации, которые позволяют включать в речь эту языковую единицу.

Аналогичное место занимают эмотивно-оценочные семы в семантической структуре слов, близких по эвокативной отнесенности к bastard: ass, asshole, birdturd, bitch, bullshit, candy-ass, crap, crock of shit, dork, dike, fart, horse's ass, piece, poo, shit, shithead, shitsky, snot, schmuck, scuzz, scunbag, son of a bitch, turd и т. д.¹

Интенсификация прагматического аспекта этой группы слов достигается за счет семантических транспозиций, необычным звуковым образом слов, а также за счет присутствия эмотемы, относящей слова к субъязыку аффективного общения.

Сходную семантическую структуру имеют СОН с метафорической мотивировкой на базе зоонимов. По глубине этической сниженности эти единицы приближаются к вульгарным дисфемизмам. М.Н. Славина отмечает, что употребленные в качестве обращения, они рождают наиболее бурную реакцию негодования и раздражения практически независимо от социального статуса говорящего и слушающего [Славина, 1987:75].

Другим общим свойством этих двух групп лексики является присущая им опустошенность семантики, которая у СОН-зоонимов выражается в том, что они становятся пейоративными /мелиоративными лишь в контексте, где на первый план выдвигается их негативная/позитивная оценочность². Опустошенность семантики и размытость референционных рамок (cf. rat a wretched-acting person; bitch – a derogatory term for a woman (A verbal weapon); jackal – low and devious person; skunk – a mean and hateful person) приводит к тому, что такие единицы могут обслуживать практически любые ситуации, требующие выражения резко негативной эмоциональной оценки. Отмечая этот

¹ Эта характерная черта семантики этически резко сниженной лексики отмечается В.А. Хомяковым: «вульгаризм-табу - и это особо важно подчеркнуть - обычно теряет предметно-логическое значение и используется прежде всего из-за своей отрицательной коннотации. Непристойная коннотация не исчезает с потерей предметно-логического значения или с употреблением вульгаризма-табу в роли интенсификатора с некоторым его семантическим опустошением, она сохраняется в звучании слова, в его внешней форме» [Хомяков, 1985:24].

² Как отмечает Н.Н. Болдырев, объект не меняет своего онтологического статуса, ему лишь приписывается определенная положительная или отрицательная характеристика, свойственная другой категории объектов [Болдырев, 2002].

факт, Ш.Балли пишет: «Интенсивность эмоции вообще всегда затемняет и отодвигает на задний план оттенки смысла; чем выше интенсивность, тем неопределенней логический смысл. Именно поэтому большинство бранных слов и ругательств могут употребляться в различных ситуациях, нисколько не теряя своей выразительности» [Балли,1961:338].

При всей отмеченной схожести семантических структур вульгарных дисфемизмов и СОН-зоонимов отметим, что предметные семы все же менее аморфны в последних, поскольку отчасти сохраняют свое предметное значение и поэтому, в то время, как эмотивно-оценочные семы занимают позицию семантического ядра, они оттесняются к периферии:

cow - a fat or ugly woman (Cruel)

- 1) *cow* = fat, ugly +интенсивность;
- 2) прагматический аспект = пейоративно оценочность + уничижительная, презрительная эмотивность;
- 3) ощущается связь с референтом, сохраняются такие денотативно-сигнификативные семы, как «большой», «толстый».

В семантической структуре подавляющего большинства СОН эмотивно-оценочные семы существуют в неразрывном единстве с предметно-логическим. Пейоративность / мелиоративность таких наименований обусловлена наличием негативной/позитивной оценки, заложенной в предметном значении слова, что вызывает соответствующие эмоции, и в результате неразрывной связи эмоции и оценки формируется семантика слова: *double-crosser*, *foul mouth*, *glamour puss*, *fleabag*, *hen party*, *garbage*, *rubbish* и т. д. Учитывая роль эмотивно-оценочного компонента в формировании семантики указанных СОН, было бы неправомерно относить его к периферии семантической структуры слова. В данном случае эмотивно-оценочные семы могут быть охарактеризованы как приядерные, конкретизирующие:

garbage – nonsense; gibberish

- 1) *garbage* = nonsense, gibberish + интенсивность;
- 2) прагматический аспект - пейоративная оценочность + пренебрежительная эмотивность;
- 3) актуализируются также такие денотативно-сигнификативные семы, как «worthless», «meaningless», «irrelevant».

В силу разнородности характера семантики исследуемой группы лексики однозначное определение статуса эмотивно-оценочных сем в семантической структуре СОН не представляется возможным. Однако, принимая точку зрения В.В. Денисовой [см. Гриценко, 1986:53] о том, что денотативная часть языкового знака состоит из двух взаимообусловленных частей: денотативно-сигнификативной (предметно-логической) и денотативно-квалификационной,

можно однозначно утверждать, что эмотивно-оценочные семы входят в число денотативно-квалификационных сем, квалифицируя именуемый объект и выражая, соответственно, такое прагматическое значение, которое связано с отношением (в широком смысле слова) к соотнесенному со словом понятию или предмету.

Изучение внутренней структуры табуированной языковой единицы позволяет понять и объяснить природу функционирования этой языковой единицы в реальной ситуации общения. Исследование же их способов образования позволяет ответить на вопрос под воздействием каких языковых тенденций происходит формирование табуированной лексики американского варианта английского языка и отметить имеющиеся различия в способах словообразования табуизмов и СОН, располагающихся выше на шкале этических значимостей лексики.

5. Основные способы образования табуизмов и табуированных значений в американском варианте английского языка

Развиваясь на протяжении веков и являясь компонентом национального языка, табуированная лексика формировалась и формируется под воздействием языковых тенденций, свойственных германским языкам.

Известно, что основным приемом пополнения словарного состава языка субколлоквиальной лексикой является семантическая деривация, в результате которой происходит расширение смыслового объема слов литературного стандарта за счет появления в нем субколлоквиальных лексико-семантических вариантов. Следовательно, одним из источников возникновения этически сниженной лексики может быть лексика литературного стандарта, использование которой в переносных, сниженных значениях характеризует субколлоквиальную лексику в целом. Особенно это справедливо для резко сниженной лексики, в которой слова литературного стандарта в переносных значениях наряду с другими функциями выполняют еще эвфемистическую функцию.

При анализе основных способов формирования табуизмов и табуированных значений, прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в табуированной лексике АФФИКСАЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ составляют небольшой процент, в то время как в американском сленге это самый продуктивный способ словообразования. Это связано с тем, что многие слова и выражения приходят в табуированный слой лексики из сленга, уже имея в своем составе суффиксы.

Например, такие слова, как *kisser, breaker, bluster, rider, hopper, peddler, wracker, grabber, sucker, kicker*, образованные посредством суффиксации, уже

существовали в сленге или стандартном словаре. Они стали табуизмами в результате словосложения. Первый «неприличный» компонент придал вульгарную окраску всему комплексу, который приобрел новое значение, не выводимое из суммы его составляющих.

Немногочисленные суффиксальные слова образованы как при помощи стандартных суффиксов, так и при участии стилистически отмеченных суффиксов, свойственных американскому сленгу.

Из стандартных суффиксов наиболее высокой продуктивностью характеризуются суффиксы -er и -y/iy/eу/. Суффикс -er в табуированной лексике часто обозначает не только агента действия или инструмент, но и объект, на который направлено действие:

ball bluster n 1) A job, task, activity, or goal that is extremely difficult to accomplish;

pisser n 1) A difficult or distasteful task, a back breaker и т. д.

Наряду с суффиксами литературного стандарта в суффиксальном субколлоквиальном словопроизводстве используются суффиксы, структурно маркирующие производное слово как нелитературное. Например, суффикс -o, который выделился из состава слов мексиканского варианта испанского языка. Как отмечалось, «статус его в языке имеет весьма нечеткий характер, а функциональная нагрузка варьируется в весьма широких пределах... Семантически суффикс -o может нести смысловую нагрузку, но может и выступать экспрессивным усилителем, не меняющим денотативного значения мотивирующего слова» [Беляева, 1985:100].

В американском варианте английского языка могут быть выделены следующие табуированные существительные с этим суффиксом: dildo, piccolo, bicho. Другие суффиксы представлены в аффиксальном производстве табуированных существительных единичными случаями: rinctum, honeyfugling. Наиболее продуктивными суффиксами прилагательных являются -ing, -y, -eу и -ed (соответственно 6, 6 и 4 единицы в выборке из словаря американского сленга). Эти дериваты образованы в полном соответствии с общими закономерностями английской языковой системы. Всего в пределах используемой выборки насчитывается 36 табуизмов, образованных посредством аффиксации. Немногочисленность этих примеров объясняется также тем, что авторы словаря включили не все возможные дериваты сниженной лексики. Во введении к словарю американского сленга С.Б. Флекснер писал: "Both standard and slang words are formed by adding suffixes or prefixes to old root word. The past tense is formed from verb roots by adding -ed; nouns of agency are formed by adding -er; -ster or -ess (feminine); separation from, out of, off, away, reversing or undoing are noted by prefixing de-; and so forth, when

standard and familiar affixes are added to slang words, the meaning of the new word is obvious from knowing the meaning of the root word and the usual influence of the affix. Most such words therefore are not listed in this dictionary" [Flexner, 1975:598].

Выборка табуизмов, произведенная из словаря американского сленга, позволяет утверждать, что СЛОВОСЛОЖЕНИЕ является наиболее продуктивным способом словообразования для этой группы слов - 106 единиц. При разграничении сложных слов от свободных словосочетаний принимались во внимание все критерии: графический, фонетический, семантический, морфологический и синтаксический. Экспрессивность и стилистическая сниженность вульгаризмов усиливается за счет осложнения процессов словообразования метафорическими переносами значений слов, участвующих в словосложении. Как отмечает Т.М. Беляева, косвенно-прямая номинация «составляет отличительную черту субстандартного словосложения» [Беляева, 1985:103].

Компонентами сложного табуированного слова могут выступать разные части речи. Наиболее распространенной является модель N+N - 79 единиц. Следующей по продуктивности является модель Adj+N - 23 единицы. Третий тип сложных слов представляет собой обособившиеся синтагмы, сохранившие какие-нибудь соединительные основы служебных слов. Например, *ace of spades*, *around the world* и т. д. Этот структурный тип сложных слов представлен в анализируемом материале девятью единицами. Другие словообразовательные модели репрезентированы отдельными случаями: N+Adj - 3 единицы, No+N - 1 единица (*no shit*), N+Adv (*Ass backwards*) - 1 единица.

Большинство табуированных слов, образованных в результате сложения, характеризует высокая степень идиоматичности - их значение не выводится из суммы составляющих компонентов. Это объясняется тем, что многие составляющие сложных табуизмов возникли в сленге. Вступая во взаимодействие с другими сленговым или стандартным словом, табуизм приобретает еще большую образность и экспрессивность.

В данной работе преимущественно рассматривается табуированная лексика на уровне слова, что не исключает из исследовательского поля табуированные словосочетания фразеологического характера.

Сниженная лексика английского языка активно пополняется устойчивыми выражениями. Указанная выборка насчитывает 76 устойчивых словосочетаний, в которых семантическая связь между элементами стала настолько тесной, что значение последних изменилось и стало фразеологически связанным: *beat the dummy*, *take a squat*, *shit out of luck*, *give (someone) the finger* и т. д. В этом отношении устойчивые сочетания тесно коррелируют с

идиоматическими сложными табуизмами.

Табуированные устойчивые словосочетания представляют все структурные грамматические типы и характеризуются разной степенью мотивированности. Причем среди табуированных фразеологических единиц наиболее многочисленным типом, в отличие от литературных фразеологизмов, являются фразеологические сращения, в которых смысл целого не вытекает из значения компонентов - их лексическое значение поглощается значением всего фразеологизма. Необходимо хорошее знание экстралингвистических реалий, чтобы понять, например, такое фразеологическое сращение, как “Day the eagle shits. Pay day. Orig. and mainly Armed Forces use. Wide W.W. II Army use. The eagle represents the national symbol and thus soldiers' employer and paymaster; reinforced by eagle symbol on USA currency”.

Все фразеологизмы характеризуются образностью, эмоциональной и стилистической окрашенностью. Они имеют часто не только назывную, но и оценочную функцию, выражая отношение говорящего к называемому предмету речи. Например, фразеологическое сращение Day the eagle shits наряду с разговорно-сниженной окраской отражает пренебрежительно-презрительное отношение говорящего к называемому явлению.

В субколлоквиальном словообразовании большое распространение получили усеченные варианты фразеологических единиц (clipped phrases). Такие слова и словосочетания являются своего рода эвфемизмами хорошо известных вульгарных фразеологизмов. Однако их нельзя считать эвфемизмами в полном смысле слова, потому что называемый предмет и сами табуированные фразеологизмы хорошо известны говорящим, и новое высказывание не только не теряет, но иногда и увеличивает силу своего воздействия за счет того, что старый референт приобретает новое, более короткое и динамичное обозначение. В используемом материале из 76 устойчивых фразеологических сочетаний 18 имеют свои усеченные варианты. Причем усекаются могут начало, конец, одновременно начало и конец табуированной фразеологической единицы: bird = give someone the bird; shit creek = up shit creek without a paddle; crock = crock of shit.

Обилие *составных глаголов* отмечалось многими лексикологами в качестве характерной особенности вокабуляра современного английского языка. Это явление - результат развития английского языка от синтеза к анализу. Выборка табуированной лексики американского варианта английского языка включает в себя 21 составной глагол (глаголы с послелогоми), роль и место которых в системе языка определяется общими закономерностями номинационных возможностей, заложенных в системе.

Табуированные глаголы с послелогоми - это односложные

бесприставочные исконно английские глаголы (в основном, этически сниженные, и 4 глагола, входящие в нейтральный вокабуляр - come, put, go, feel), к которым присоединяются послеглагольные элементы: off, down, on, up, around, out, соответствующие отделяемым приставкам в других германских языках.

В стандартном словообразовании послелогои выполняют следующие функции:

- 1) уточнение направления движения, выраженного глаголом;
- 2) изменение видовой характеристики глагола;
- 3) усиление значение глагола и придание ему экспрессивных оттенков;
- 4) изменение значения глагола.

В субколлоквиальном словообразовании основной функцией послелогов является изменение значения глаголов в значительной степени. Составные глаголы характеризуются высокой степенью идиоматичности, что сближает эти образования, с одной стороны, со сложными идиоматическими словами, а с другой, с устойчивыми фразеологическими сочетаниями. Разграничение отдельных промежуточных случаев представляет значительную трудность и заслуживает особого внимания со стороны лингвистов. *Аббревиация* является весьма характерным приемом субколлоквиального словообразования (указанная выборка насчитывает 12 аббревиатур). Наибольшее распространение получил инициальный тип сложносокращенных слов, т. е. сокращения, составленные из начальных букв. Например, А.К., СТ., М.Ф., Р.Т. и т.д. (всего 10 единиц). С.Б. Флекснер писал по поводу инициальных аббревиатур: "Slang phrase abbreviations are short and forceful; many originate in lunch counter, army, and obscene masculine phrases (where they are also partial euphemisms)" [Flexner, 1975:600].

Причиной того, что количество аббревиатур в табуированной лексике относительно невелико (хотя многие вульгарные слова и выражения имеют свои устные и письменные аббревиатуры), вероятно, следует считать тот факт, что аббревиатуры не вызывают отчетливой ассоциации с табуированным элементом, следовательно, значение всего выражения (или слова) «смягчается» - налицо намерение говорящего не называть вещи своими именами, не звучать грубо и вызывающе, что и является основной функцией эвфемизма. Поэтому составной глагол "pissed off" имеет в словаре помету "taboo", а по поводу его аббревиатуры "po'd." сказано: "adj. A written and spoken abbreviation for "pissed off". Prob. more common than "p.o." A euphem. not taboo". Вероятно, по этой же причине целый ряд акронимов не имеет пометы "taboo": fubar, snafu, fubb, fumtu, janfu и т. д. Непосвященному (не носителю языка) весьма трудно семантизировать их без соответствующей лексикографической опоры.

Наряду с инициальными аббревиатурами сокращенная табуированная лексика представлена 1 единицей, образованной посредством усечения конца слова: *siff* = *syph* (апокопа) и 1 единицей, в которой процесс сокращения сопровождается фонетическим искажением фразы: *what bang* (*thank -you/ye/ -ma' -am*).

Редупликация (удвоение) является одним из самых древних способов словообразования. Сфера употребления редупликатов ограничена разговорной речью. Они, как правило, эмфатичны и разговорно окрашены. Т.М. Беляева отмечает по этому поводу: «В силу своей экспрессивности, которая возникает в результате взаимодействия формальных, содержательных и звуковых (точнее фоносемантических) признаков, редупликаты создаются и функционируют в разговорной речи. Их место и роль в системе языка определяется общими закономерностями номинационных возможностей, заложенных в системе» [Беляева, 1985:114].

Выборка из словаря американского сленга насчитывает всего семь табуированных редупликативов. Из них два редупликатива с аблаутом: *jing-jang*, *ying-yang* и пять рифмованных: *bouncy-bouncy*, *jig-jig*, *rom-rom*, *chi-chi*, *muh-muh*.

Во всех случаях для выражения чувства или отношения словотворчество использует эмфатическую и эмоциональную заряженность рифмы и повтора.

Слова-перевертыши и *ложная этимология* представлены в табуированной лексике единичными случаями: *enob* (*bone*) и *poon tang* – “from the Fr. “putain” - prostitute, by way of New Orleans Creoles”.

Данные проведенного обзора могут быть представлены в таблице основных способов создания табуизмов.

Способы создания табуизмов	%	Количество Единиц
Словосложение	38.1	106
Фразеологизмы	27.3	76
Аффиксация	2.9	36
Составные глаголы	7.6	21
Усеченные фразы	6.5	18
Аббревиация	4.4	12
Редупликация	2.5	7
Слова-перевертыши	0.4	1
Ложная этимология	0.4	1
ВСЕГО:	100.0	278

Выборка из словаря американского сленга включает всего 278

табуированных единицы. Из рассмотрения были исключены слова, исконно относящиеся к табуированной лексике (the dirty dozen), а также единицы, образованные посредством метафорического и метонимического переносов от этих слов.

Такие продуктивные способы словообразования, как обратное образование и конверсия, не рассматриваются в этом разделе, так как для проведения объективного исследования необходим надежный лексикографический источник, констатирующий генезис данного слоя лексики.

Анализ способов образования табуизмов показывает, что данный слой лексики развивается и функционирует в полном соответствии с основными языковыми тенденциями, присущими германским языкам, а их продуктивность закономерна с точки зрения номинационных возможностей английского языка.

Отмечаемая многими лингвистами метафоричность нестандартной лексики нашла свое наиболее яркое проявление в этически резко сниженном вокабуляре. Все анализируемые способы словообразования и формирования табуированных значений так или иначе связаны с переносом значения, который в исследуемом пласте лексики осуществляет следующие функции:

1. Придание большей образности и эмоциональности высказыванию, усиление прагматического эффекта высказывания;
2. Осуществление эвфемизации неприличного или неприятного референта.

В последнем случае, однако, референт все еще остается неприемлемым в качестве объекта обсуждения с точки зрения общественной морали - даже новый сигнификат не выводит лексическую единицу из разряда табуированных.

Наряду с метафоричностью табуизмы характеризует высокая степень идиоматичности, присутствующая в табуированных сложных словах, составных глаголах и фразеологизмах.

ВЫВОДЫ

Прагматический аспект может узуально присутствовать в семантической структуре некоторых групп слов. Аргументом в пользу включения прагматического аспекта в семантику слова является заложенная в языковой единице способность осуществлять воздействующую функцию.

Под коннотацией понимается дополнительная (но актуальная для говорящего) информация, которая не находит отражения в семантической структуре слова и формируется на основе постоянных ассоциативных связей, возникающих у членов данного языкового коллектива. Прагматический аспект семантики слова - это вся лексикализируемая и, соответственно,

лексикографируемая информация, отражающая отношение (в широком смысле слова) говорящего к субъекту или объекту высказывания.

Разноплановость факторов, формирующих прагматическую информацию, обуславливает комплексный характер прагматического аспекта слова. Таким образом, многокомпонентность может рассматриваться как его онтологическое свойство. В качестве системных параметров прагматического аспекта выделяются эмотивность, оценочность, интенсивность и эвокативная отнесенность, при этом ведущим в его семантике признается эмотивно-оценочный компонент.

В результате проведенного анализа из корпуса субколлоквиальной лексики были выделены эвалюативы и имплицативы системно-языковой оценки, содержащие семы эмотивной и эмотивно-интеллектуальной оценки (аффективные и коннотативные).

В работе не рассматриваются СОН, определение аксиологического знака, которых представляется затруднительным в силу существующей в сфере неофициального общения «антиморали» (“reverse morality”). В эту группу лексики входят единицы, относящиеся к семантическим полям - несанкционированные сексуальные отношения», «пьянство», «наркомания».

Не представляется целесообразным трактовка образности как семантического компонента в структуре значения СОН.

Стилистические семы (эмотемы) рассматриваются как компонент семантики прагматического аспекта, обладающий интенсифицирующими / деинтенсифицирующими потенциями: предельная этическая сниженность способствует интенсификации пейоративных СОН и деинтенсифицирует мелиоративные лексические единицы.

Интенсивность рассматривается как мера прагматического аспекта, сигнализирующая градуальность.

Однозначное определение места прагматического аспекта в семантической структуре СОН не представляется возможным. Прагматический аспект может составлять семантическое ядро, заполняя собой содержательную структуру слова (в этически резко сниженной лексике), но может занимать и относительно периферийное положение, выражая дополнительную информацию.

Словообразовательных моделей табуированной лексики позволил сделать вывод о том, что данный слой лексики развивается и функционирует в полном соответствии с основными языковыми тенденциями, присущими германским языкам, а их продуктивность закономерна с точки зрения номинационных возможностей английского языка.

ГЛАВА III

СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ

Известно, что лексическое значение слова в языке выступает как глобальная семантическая компетенция, а в коммуникативном акте - как актуальный смысл, то есть совокупность коммуникативно-релевантных сем [Стернин, 1988:105]. В связи с этим представляется необходимым установить: а) насколько полно реализуется денотативный макрокомпонент значения СОН и выяснить, не подвергается ли он семантическим транспозициям под влиянием прагматической направленности текста; б) установить, реализуется ли объективно присущий СОН прагматический аспект значения в том виде, в каком он представлен в системе языка, или подвергается семантико-стилистическим транспозициям под влиянием прагматической направленности текста; в) описать специфику синтаксических функций СОН.

1. Тематическая классификация СОН

Характерные особенности плана содержания СОН не в последнюю очередь определяются их отнесенностью к специфическим участкам внеязыковой действительности, то есть той или иной тематикой. В этой связи представляется весьма перспективным анализ структуры семантического пространства СОН с последующей классификацией, отражающей семантический аспект дифференциации СОН.

Анализ референтной отнесенности СОН свидетельствует о значительном преобладании *дескриптивных* номинаций (характеристики внешнего и внутреннего облика человека) над *статусными* (характеристики социального статуса референта)¹.

В количественном отношении наиболее широко представлен синонимический ряд с референтным значением «физическая привлекательность», который представлен 394 единицами. Этот тематический ряд может быть подвергнут дальнейшему членению по половому признаку:

а) *физически привлекательная женщина* - 352 единицы:

bomb-shell, buttercup, curvacious cutie, eating stuff, fabulous drop, fair charmer, hotsy-hipped cutie, lamb, man slayer, neat dish, plum, stone fox, striker, toothsome morsel, wow.

Компонентный анализ слов этой группы показывает, что, наряду с

¹ См. аналогичные выводы: Земскова, 1991:41.

архисемой «физическая привлекательность» лексические единицы могут также содержать семы, дифференцирующие значение:

- *по расовой принадлежности:*

velvet - физически привлекательная чернокожая девушка;

sweet chocolate - физически привлекательная негритянка;

slopie gal, segoony - физически привлекательная китаянка;

sexu Mex - физически привлекательная сексапильная мексиканка; pinkie - физически привлекательная светлокожая мексиканка.

- *по характерным особенностям фигуры:*

vixen with fixin's, heat chassis - физически привлекательная девушка с хорошей фигурой;

legs - физически привлекательная девушка с красивыми ногами;

coke frame - физически привлекательная девушка, форма тела которой напоминает бутылку из-под кока-колы;

bit of cump - физически привлекательная пухлая девушка.

- *по возрасту:*

winkie - физически привлекательная девушка-подросток, «нимфетка».

- *по манере поведения:*

wench - физически привлекательная подвижная девушка;

head - физически привлекательная доступная женщина;

grouse - физически привлекательная девушка, допускающая вольности со стороны мужчин.

- *по цвету волос:*

silver tip, stack of hay - физически привлекательная, блондинка.

- *по росту:*

short and stweet, packade, little but oh my - физически привлекательная девушка невысокого роста;

- *по признаку интеллектуальной ущербности:*

dumb belle, stupid cupid, frame dame, feather doll - физически привлекательная девушка недалекого ума;

- *по наличию сексапильности:*

beddable, bully baby, catch, drape shape, fetcher, heart crusher, hot job, lovable - физически привлекательная сексапильная девушка;

б) синонимический ряд «*физически привлекательный мужчина*» составляют 22 единицы: boy beautiful, collar ad, glamor boy, Good Lookin', handsome, pin up boy, stud.

Некоторые лексические единицы в этой группе также могут быть подвергнуты дальнейшей дифференциации:

- *по возрасту:*

swoony, spunk (3), drooly - физически привлекательный юноша;

- по поведению;

hard on the ladies - физически привлекательный мужчина, не поддающийся женским чарам;

- по признаку интеллектуальной ущербности:

brainless brawn - физически привлекательный мужчина недалекого ума.

- по признаку наличия силы:

caveman (1), honk - физически привлекательный сильный мужчина;

в) В семантический круг «*физически привлекательный человек*» (половая дифференциация отсутствует) входят 20 единиц:

hell on wheels, trob, smooth article, sexy dog, pin up, looker (1), good looker, good sort, dream.

Обращает на себя внимание явное преобладание в этой группе оценочных номинаций, референтом которых является физически привлекательная женщина, что может подтверждаться традиционным отношением к женщине в обществе: если о мужчинах судят, прежде всего, по тому, что они делают, то о женщинах - по тому, как они выглядят [Trudgill, 1972:179].

Синонимический ряд со значением «*красивый*» шире, чем антонимический ему ряд со значением «*некрасивый, уродливый*», что отражает процесс восприятия человеком окружающей его действительности: “A Beloved child has many names”: красота, физическая привлекательность находит разнообразные формы воплощения, тогда как непривлекательность, некрасивость в основном только внутренне фиксируется, но не дифференцируется.

В синонимический ряд со значением «*физическая непривлекательность*» входит 81 единица. По половому признаку оценочные номинации распределяются следующим образом:

а) *физически непривлекательная женщина* - 53 единицы:

bad job, crock, garbage can, hay bag (2), potato, sad sack, snag, sunkissed lemon, washolette.

В пяти субколлоквиальных оценочных номинациях могут быть выделены дополнительные семы:

dame (4) - *старая*, физически непривлекательная женщина;

hag - *необщительная*, физически непривлекательная женщина;

slag - *распутная*, физически непривлекательная женщина;

cow, pig - *толстая*, физически непривлекательная женщина.

б) СОН со значением «*физически непривлекательный мужчина*» представлены лексическими единицами stomagnon, greaser.

в) *не дифференцируется по полу* - 27 СОН:

bumlooker, cold buiscuit, cold cookie, cuntface, goon, blimp, lard ass.

В этом синонимическом ряду также отмечается преобладания СОН для обозначения лиц женского пола.

Вторым в количественном отношении является тематический ряд со значением *умственной ущербности* референта 159 единиц:

ass, boob, dipshit, fathead, gonso, jake, mental midget, rattlebrain, yaboo, wise guy.

Из них для номинации лиц женского пола используются 4 единицы: dumb Dora, dippy dame, dizzy, gaga girlie.

Лица *мужского пола* составляют 9 единиц: musclehead, putz, schmo, tomfool, lug, dumb ox. *Безотносительно к полу* референта функционируют 146 единиц: sucker, crackbrain, deadneck, gleep, mental minget, low-brow, stupid ass.

Некоторые единицы могут быть подвергнуты дальнейшему семантическому развертыванию:

clever Dick - глупый + самодовольный;

dead-ass - глупый + скучный, бесполезный;

bonehead - глупый + угрюмый;

bozo - глупый + клоун, кривляка;

bubblehead - глупый + легкомысленный;

chump - глупый + легковерный, доверчивый;

dim bulb, dimwit - глупый + скучный;

ding-a-ling - глупый + легкомысленный;

dirty joke (2)
dorf
dork

} глупый + уродливый;

duffer - глупый + неумелый;

dumb ox - глупый + сильный;

hick - глупый + деревенский, неотесанный;

pig head - глупый + упрямый.

Следующую по численности группу составляют СОН с наиболее растяжимыми референционными границами, которые обозначают негативное субъективное отношение отправителя к субъекту или объекту речи. В синонимический ряд «*неприятный человек*» входят 124 единицы. Дифференциация по полу характерна лишь для девяти единиц этой группы: три употребляются в отношении женщин: comebucket, shagbag, bitch; и шесть в отношении мужчин: bastard (2), son of a bitch, slime bag, louse, scumbag, worm.

Наряду с архисемой «неприятный человек» в некоторых лексических

единицах выделяются дополнительные семы:

- а) молодой, выскочка - snot-nose (2), snotnosed;
- б) старый - buzzard;
- в) глупый - fart, schmuck, yo-yo;
- г) уродливый - geek, zart.

В этой группе СОН сконцентрировано максимальное количество табуированной лексики. Небезынтересно, что в тематическую группу *«приятный хороший человек»* входят всего три единицы: goodie, good joe, good-time Charley.

Однозначно отрицательную оценку получают в субколлоквиальной лексике такие качества, как отсутствие мужественности у мужчин и наличие мужских черт у женщин. Причем семантическая группа *«женоподобный мужчина»* характеризуется значительным количественным преобладанием над семантической группой *«мужеподобная женщина»*. Эти синонимические ряды представлены, соответственно, 97 и 12 лексическими единицами:

- 1) angel (2), buttercup (1), capon, duckie, flutt (4), geranium (2), goody (1), jelly-bean, lemon-sucker, moll, neuter-gender, pantsy twink, weak sister;
- 2) bait (2), nola (3), pelican, works.

Подобное количественное распределение СОН может свидетельствовать о том, что женоподобность в мужчинах рассматривается как более серьезный недостаток, нежели мужеподобность в женщинах.

Анализ СОН показывает, что эмоциональной оценке в фамильярном общении подвергаются не только люди, но и некоторые продукты их деятельности. Например, распространенный синонимический ряд имеют лексические единицы со значением «чушь», «ерунда», «белиберда», «ложь»: bullshit, crock, hen-piss, flimflam, garbage, hu-ha, rubbich, cock, load of ball, pile of shit, shit - всего 35 единиц.

Кроме того, в массиве СОН достаточно широко представлены единицы, характеризующие телосложение и отдельные части тела, то есть признаки, привлекающие внимание и получающие положительную или отрицательную оценку.

В семантическую группу *«привлекательные части тела»* входят 16 единиц, из них 7 употребляются в отношении женщин: curvaciousness - красивая женская фигура; exclamation marks - стройные женские ноги; heavenly body - хорошая женская фигура. Другие же не дифференцируются по полу: nice portrait, fancy face - красивое лицо; bod, well-upholstered article, million-dollar figure - красивая фигура.

Синонимический ряд *«психически ненормальный человек»*

составляют 28 СОН: blithering idiot, loony, wierd, odd ball, stitch, creep, fruit (1).

Для характеристики самых неприятных, презираемых в обществе негативных черт характера человека имеется широкий выбор СОН, как правило, не имеющих адекватных по силе воздействия прагматических синонимов среди нейтральных лексем. Подсчеты показывают, что центрами синонимической аттракции в этой лексической группе являются следующие понятия:

Подхалим - ass-crawler, ass-worm, brown nose, kiss-ass (1), bootlick.

Болтун - big-mouthed son of a bitch, bullshitter (2), blabbermouth, flap jaw, motor-mouth.

Хвастун - bullshit artist (3), cock, clapped (2), crap-shooter, bullshit artist (3).

Леун - bad shit (2), bullshit artist (1), bullshitter (1), crock of shit (2), shit heel (1).

Упрямец – horse's ass (2), shit-head (2), rockhead.

Раздражительный, сварливый - sobersides, sorehead, sourpuss, battle-axe.

Жадный - tight ass (2), scrooge, tight wag.

Трусливый - candy-ass, rubber sock, yellow-belly.

Скучный, неинтересный - coldfish, gloomy Gas, killjoy, sad sack, stick in the mud, joe Cunt, tight ass (3), iceberg.

Ленивый - goldbrick, goldbricker.

Другие СОН, входящие в структуру семантического пространства «*негативные черты характера человека*», представлены отдельными единицами - всего 8 единиц:

door-mat - безвольный;

long streak of piss (1) - преувеличивающий свое значение;

swell head - самодовольный;

shit-stick - бездарный;

smart ass (1) - всезнайка; smart ass (2) - нахальный; nervous Nellie - нервный; nosy parker - любопытный.

Некоторые положительные черты характера также находят свое отражение в СОН:

pistol }
go-getter } умный, быстрый, энергичный;

straight arrow }
straight shooter } честный;

whiz - талантливый.

Существенным представляется тот факт, что субколлоквиализмы располагают широкими номинационными возможностями при характеристике негативных черт характера и имеют довольно ограниченный репертуар для номинации положительных качеств человека (соответственно 75 и 5 лексических единиц).

В сфере субколлоквиальной лексики отрицательную оценку получают не только общественно порицаемые и одобряемые внутренние качества человека, но и сами явления:

лесть, подхалимаж - ass-crawling, ass-wiping, brown finger, bum-sucking, kiss-ass (2);

ложь - chicken shit (4), crap shooting, bullshit (1);

хамство, наглость - ass (8);

смелость, мужество - balls (2);

глупость - chicken shit (7).

Другие тематические ряды СОН представлены следующими референтами:

Плохая пища, напитки: glop, greasy spoon, shoe polish, tiger sweat.

Маленький унылый городишко, район, местность: burg, dullsville, ass-hole (4).

Социальные институты: booby-hatch, nuthouse, nuttery, shit-house (4).

Общественные учреждения: flophouse, gutbucket, fleabag.

Распределение некоторых СОН по тематическим группам представляет определенные трудности в силу специфики их семантического содержания - эти субколлоквиальные единицы могут соотноситься с несколькими референтами:

а) они одинаково приложимы как к одушевленным, так и к неодушевленным предметам:

darb - отличный, замечательный человек, отличная вещь; daisy - замечательный человек, отличная вещь;

б) их семантическая многоплановость проявляется в неопределенности границ референционных рамок:

ball-breaker (1) - очень трудная работа, задача и т. п.;

bad shit (1) - опасное задание, ситуация и т. п.;

bitch (8) - трудная работа, задача и т. п.

Поэтому за основу для выделения тематических полиреферентных групп берутся несколько ведущих семантических признаков, что делает границы этих групп достаточно аморфными:

Что-либо трудное, тяжелое, невыполнимое - ball-breaker (1), bastard (3),

bitch (8), shit (2), rat-race.

Что-либо опасное, неприятное, страшное - bad shit (1), double trouble, chicken shit (1), pain in the ass (1), shit (2), bad shit (3), shower of shit (2), shit ass luck.

Что-либо первоклассное, отличное - daisy, darb.

Статусные СОН представлены двумя синонимическими рядами. В первый ряд вошли субколлоквиализмы, номинирующие лицо по профессии и имеющие в словаре оценочную помету. Все шесть единиц этой группы содержат пейоративную оценку референта:

- butch / butcher (derog) - врач;
- gimpy (2) (rude) - полицейский;
- ham - *плохой* актер;
- horse doctor (derog) - ветеринар;
- quack (derog) - врач;
- roach (derog) - полицейский.

Второй синонимический ряд статусных СОН составляют единицы, характеризующие отношения с другими людьми (друг, приятель) и репрезентирующие мелиоративную оценку: ass-hole (5), ass-hole buddy, pissy pal (2), bucko, buddy, hoser, pal (10 единиц).

Картина охвата субколлоквиальной оценочной лексикой экстралингвистических реалий может быть наглядно представлена на схеме:



2. Основные виды актуализации денотативных сем

Совершенно очевидно, что в процессе речевой реализации субколлоквиальные оценочные номинации в основном сохраняют денотативный макрокомпонент. Однако в том случае, если денотативный макрокомпонент имеет сложный семный состав, в процессе актуализации отдельные семы могут интенсифицироваться, или наоборот, десемантизироваться при одновременном выдвигении других, более значимых в конкретном коммуникативном акте. В следующем примере оценочная номинация “buzzard” употребляется не только адекватно словарному значению “an old mean man”, но и одна из сем дополнительно интенсифицируется за счет употребления прилагательного “old” в атрибутивной функции: “All right, you old buzzard,” he said to the desk as if it were Peter, “someday I’ll do it.” [The Adventurers, p. 91].

В другом примере уже содержащейся в СОН “shit” семы “obnoxious” и “contemptible” также подвергаются дополнительной актуализации за счет атрибутивных прилагательных:

“I have to confess I always thought of Kissinger as a greasy, vulgar, pertuant, obnoxious, contemptible, self-serving, social-climbing Jewish little shit.” [Good, p. 286].

Наряду со случаями адекватной реализации всех денотативных сем, возможны случаи частичной реализации денотативного макрокомпонента. Наблюдения показывают, что наиболее частой десемантизации подвергаются семы «лицо мужского / женского пола», «лицо / нелицо» и некоторые характеризующие семы.

В следующем примере из многих сем денотативного макрокомпонента в слове “pig” актуализируется только гиперсема «человек», все другие: «безобразная» + «неопрятная» + «толстая» + «женщина» нейтрализуются при выдвигении прагматического аспекта, который выражает резко отрицательное отношение к объекту номинации:

“What about Biott and Broun?”

“They were pigs,” Irving said contemptuously.

“One side wasn’t enough for them. They were trying to take it from both.” [A Stone, p. 424].

В иллюстративных примерах не были отмечены многочисленные случаи девальвации сем «лицо мужского / женского пола» в традиционных оценочных номинациях для мужчин и женщин: “You’re a cunt too,” I heard her throwing back at him.” [Sophie’s, p. 55].

Вероятно, это скорее свидетельствует о традиционности авторов художественных произведений, нежели отражает современные языковые

тенденции. Результаты наблюдений свидетельствуют о том, что сема «пол» теряет свое дифференцирующее значение в подсистеме дерогативных субколлоквиальных оценочных номинаций: лица мужского пола могут номинироваться традиционно «женскими» СОН: bitch, whore, slut, и наоборот - dick, animal и т. д. [Rich, 1987; de Klerk, 1992].

3. Средства контекстуальной объективации системного прагматического аспекта СОН

(интенсификация и деинтенсификация узуального прагматического аспекта в структуре значения СОН)

Под актуализацией значения слова в речи понимается коммуникативное варьирование значения, семантическое варьирование значения по составу компонентов [Стернин, 1988:107]. В результате актуализации любое слово выступает как актуальный смысл, семный вариант лексического значения, один из возможных вариантов представления системного значения в коммуникативном акте.

Задача данного этапа исследования, таким образом, заключается в выявлении текстовых маркеров актуализации прагматического аспекта в значении СОН. Эта задача в значительной мере облегчается тем, что к настоящему времени выявлены и систематизированы маркеры системной оценки для некоторых групп коллоквиализмов [Гриценко, 1986; Земскова, 1991].

В диссертационном исследовании не рассматриваются факультативные факторы, сопутствующие объективации узуальной оценки лексических единиц, поскольку они способствуют не столько собственно актуализации оценочной направленности рассматриваемых единиц в речи, «сколько выявлению общей эмоциональной заряженности высказывания безотносительно к оценочному знаку контекста и, таким образом, не могут рассматриваться как единственное средство, обеспечивающее правильную дополнительную экспликацию контекстом оценки, уже максимально выраженную в узусе лексической единицы» [Гриценко, 1986:112].

Интенсификация прагматического аспекта может осуществляться на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях. В работе не рассматриваются фонетические средства интенсификации [см. Туранский, 1990:42-47; Земскова, 1991:75]. В качестве семантических интенсификаторов прагматического аспекта СОН выступают как отдельные слова, так и целые сегменты текста.

В частности, прагматический аспект может эксплицироваться и, соответственно, интенсифицироваться за счет семантически близких слов:

“Bastard! Filthy pig! Animal!” [The Greek, p. 154].

Все три СОН теряют предметную отнесенность и направлены исключительно на эмоциональное воздействие и выражение крайней степени неприязни героини по отношению к ее мужу - жестокому и несправедливому человеку с садистскими наклонностями. Прагматический аспект в двух последних номинациях интенсифицируется и за счет метафорического переноса.

Важную роль в экспликации и интенсификации прагматического аспекта СОН играют а) прилагательные различной субъязыковой отнесенности; б) этически сниженные существительные, употребленные в атрибутивной позиции.

Употребление перед СОН этически сниженных прилагательных продиктовано желанием усилить прагматический эффект высказывания за счет более резкой уничижительной характеристики, уже данной адресату в результате употребления пейоративной СОН:

“Now those goddam bastards outside want twenty thousand dollars or they'll call for the police.” [The Carpet, p. 20].

“He is a lousy little shit,” I said. [The Carpet, p. 175].

В этих примерах обе СОН представлены существительными максимально широкой семантики (*bastard*, *shit*), ядерное положение в семантической структуре которых занимает прагматический аспект, поэтому стилистически сниженные прилагательные интенсифицируют прежде всего прагматический аспект, давая крайне резкую негативную оценку предмету номинации.

В других субколлоквиализмах, имеющих более четко очерченные референционные рамки, прагматический аспект находится на периферии семной структуры слова. В таких СОН интенсифицируются обе части. Например, появление интенсификатора “*fuckin*g” перед оценочной номинацией *crackpot* (психически ненормальный человек + негативное отношение к объекту номинации) оказывает усиливающее воздействие на обе части: “*fuckin*g *crackpot*” - *очень* психически ненормальный человек + очень негативное отношение к объекту номинации:

And then his *fuckin*g *crackpot* of a father, Gold recalled with a surge of nostalgic grief that oozed from his heart to form, a lump in his throat, at last was proud of him. [Good, p. 277].

Кроме того, в приведенном примере сама синтаксическая конструкция также служит интенсификатором. “*Crackpot of a father*” является аппозитивным словосочетанием, относящихся к классу бессоюзных сочинительных словосочетаний, в которых первый элемент выступает в синтаксической функции определения, передавая индивидуальные характеристики

определяемого. Примерами подобных словосочетаний могут служить следующие распространенные синтаксические единицы: *the city of Rome, the little box of a room, monster of a dog, brute of a man, bitch of a weather*. Характерной особенностью словосочетаний этого типа является их высокая степень идиоматичности. Тот факт, что герой произведения в момент эмоциональной напряженности создает свою собственную коллокацию по существующей модели, безусловно, усиливает экспрессивность всего высказывания. Помимо этого, в отличие от альтернативно возможного атрибутивного словосочетания *nutty / cranky father*, аппозитивные словосочетания характеризуются большей целостностью восприятия за счет равноправия составляющих частей. Обе части могут быть представлены отдельно (пример 1) и далее трансформированы в предложения тождества (пример 2):

Пример 1. *He is his father. He is a crackpot.*

Пример 2. *His father is a crackpot. The crackpot is his father.*

Таким образом, ни одно из значений не занимает периферийного положения по отношению к другому. “Crackpot” – это не просто характеристика, это, по сути, часть значения “father”.

Употребление нейтральных прилагательных перед СОН наряду с интенсификацией прагматического аспекта одновременно выполняет характеризующую функцию - поскольку максимально сниженные оценочные номинации имеют чрезвычайно размытые семантические рамки, иногда в процессе коммуникации возникает необходимость спецификации значения:

“Now, you do this one more time, Sid, one more time, you fat, vegetating, overfed, lazy, smirking son of a bitch...”

“Victor! Kill him! He’s ruining my party!”

“... and this family –”

“Leave him alone!” shrieked Belle – “and this family, you imbecilic old prick, may never get together for dinner again, you slimy, sneaky, invidious bastard.” [Good, p. 306].

Небезынтересно, что в этом фрагменте текста, описывающем семейную ссору, в качестве модификаторов используются прилагательные четкой семантики - члены семьи хорошо знают друг друга, знают слабые и болезненные места каждого и поэтому такие словесные выпады, подкрепленные объективными знаниями о получателе речи, должны быть наиболее эффективными: Гоулд знает о том, что его старший брат болезненно воспринимает тот факт, что он очень пополнил за последнее время (*fat, overfed*), он не достиг многого в жизни (*vegetating, lazy*), завершается тирада характеристикой Сиды на момент речи (*smirking*). Сестра Белл огорчена тем,

что при таком повороте событий ее вечеринка обречена на провал. Она, в свою очередь, знает, что Гоулда ранит отсутствие признания семьей его достижений, репутация «ненормального» (*imbecilic*); эпитеты «*sneaky*» и «*slimy*» - аллюзии на его одержимость занять место в аппарате президента любым доступным способом, последнее прилагательное характеризует поведение Гоулда в текущем инциденте (*invidious*), он несправедливо, на ее взгляд, обидел Сиду.

При меньшей степени знакомства коммуникантов с предметом речи на первый план могут выдвигаться прилагательные более широкой семантики, цель которых - интенсификация прагматического аспекта слова. В следующем примере этой целью является передача максимального презрительного отношения говорящего к предмету речи со спецификацией денотата «жадный, непорядочный человек»:

“It was that Jew Morris Fink that stole the money from my medicine cabinet. I’m certain. Money-mad, money-greedy Jewish bastard.” [Sophie’s, p. 431].

Употребление одной СОН перед другой в качестве определения, как правило, не несет дополнительной предметной информации и служит для интенсификации прагматического аспекта значения слова:

“You – bastard”, she was going to say, “you bastard son of a bitch,” except she lost control before she could get it out. [Boys, p. 522].

“Pig bastard!” she spat, realizing he was serious. [Hollywood, p. 96].

Интенсификация прагматического аспекта СОН может достигаться и за счет противопоставления *функционально-стилистических синонимов*:

“You are stupid. You are a silly ridiculous ass.” [The Greek, p. 226].

В приведенном примере наблюдается реализация кореферентных лексических единиц, принадлежащих к разным функциональным стилям. Характерно, что единица, расположенная на шкале стилистических значимостей ниже, чем ее контекстуальный синоним, употребляется в постпозиции. В этом случае сниженность используется как «средство особо сильного усиления признака, подчеркнутой суперлативности» [Девкин, 1979:245]. Стремление говорящего более полно и точно выразить свои чувства и свое негативное отношение к собеседнику стимулируют поиски более «сильного» выражения – “silly ridiculous ass”.

Интенсификация прагматического аспекта семантики СОН может осуществляться путем противопоставления оценочной номинации и антонимического словосочетания:

“Why couldn’t such talents have been given to a nice girl? It doesn’t seem right that a bitch like that should have so much.” [The Adventures, p. 354].

Весьма распространенным средством эксплицитной интенсификации прагматического аспекта семантики СОН являются местоимения *you*, *that* +

СОН:¹

а) с узуальными СОН:

“That old bitch!” Irene fumed. [The Greek, p. 340].

“Pay up, you lousy bastard”. [Good, p. 453].

б) с окказиональными СОН:

“Oh, oh! I must have my medicine. Quick you gaping fool! You Jew nincompoop – can’t you get me my medicine?” [Good, p. 258].

Еще более усиливающее впечатление производит удваивание местоимения you (а), или его обрамляющая позиция (б):

а) I’d blow my brains out. But first I’d kill you, you little cocksucker. [The New Centurions, p. 249];

б) “You’re fired, you dumb bastard, you!” Norman whispered. [The Carpet, p. 314].

Указанные местоимения также способствуют интенсификации окказиональной оценки, которая возникает в речи в результате сочетаемости узуально неоценочных существительных с эмотивно-оценочными прилагательными:

“For the past month and a half, all you been doin’ is spending time at that goddam studio. While you’re jerking off with that lousy picture, we got to find ourselves a plane to build.” [The Carpet, p. 324].

Использование в речи этих местоимений наряду с СОН позволяет коммуникантам максимально полно реализовать содержание прагматического аспекта - в случае с пейоративными СОН - выразить пренебрежение, неудовольствие, раздражение, крайнюю степень неприязненного отношения к собеседнику или объекту оценки; в случае с мелиоративными СОН конструкции с местоимениями you, that позволяют максимально полно выразить весь спектр положительных эмоций - удовольствие, одобрение восхищение и т. д.

К синтаксическим средствам усиления оценки относят:

- *риторический вопрос*: “Why,” the man continued, “have I been such an asshole?” [The Greek, p. 169].

“How was it possible to honor a father who was so abrasive and married now such a fucking nag?” [Good, p. 39].

- *эмоционально-оценочные предложения с усилительными интродукторами how и what*: “What a pisser of a day!” he exclaimed exhaustedly. [A Stone, p. 246].

- *отклонение от прямого порядка слов*.

Not only was this pompous German ass humiliating him, but he was also

¹ В приведенных примерах лексическая интенсификация сочетается с синтаксической.

lecturing him on the use of capital. [The Greek, p. 273].

- *назывные предложения*: “That louse!” [A Stone, p. 535].

Как показывает анализ материала, чаще всего интенсификация прагматического аспекта семантики СОН достигается благодаря комбинации нескольких разнотипных средств усиления, что позволяет максимально полно реализовать в речи коммуникативные интенции: “What have you done to my daughter, you filthy, money-grubbing son of a bitch!” [The Greek, p. 291].

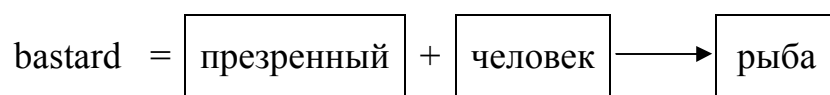
Вызываемая прагматическими факторами частичная деинтенсификация пейоративных и мелиоративных сем, которая имеет место в случае употребления СОН с деинтенсификаторами-даунтонерами [Туранский, 1990:84], подробно рассмотрена в диссертационном исследовании Т.В. Земсковой [Земскова, 1991:84 и далее], поэтому имеет смысл проанализировать случаи деинтенсификации эмотивно-оценочных сем, обусловленные «природой номинируемого объекта, свойствами «объекта переживания», способного вызвать больший или меньший «накал страстей», то есть разную интенсивность эмоционального восприятия и соответствующей реакции» [Графова, 1991:98].

В частности, отмечалось, что «отношение к лицу всегда сильнее, чем к артефакту» [ibid].

О полном отсутствии оценки в системно-оценочном СОН “bastard” свидетельствует неэмоциональный контекст, а также знания читателя о том, что референтом СОН является рыба, а подобный референт, поскольку в данной ситуации он не представляет опасности для человека, не может вызывать сильные эмоции и ярко выраженное негативное отношение.

Everything was right. The water, the flickering shadows from the trees lining the bank, the bottle-blue, green and red tail of the thing at the end of the line. Another moment and the bastard would strike. [The Carpet, p. 162].

В результате подобного окказионального употребления не только нивелируется прагматический аспект, но и десемантизируется денотативный макрокомпонент:



Выступая в качестве определения к словам “зима” и “день”, СОН bitch / bitcheroo также теряет системно присущую этой номинации резкую степень пейоративной уничижительной оценки:

“We had it coming after the bitch of a winter.” [Bread, p. 11].

“It’d been a real bitcheroo of a day.” [The Carpet, p. 628].

4. Контекстуальная модификация прагматического аспекта значения СОН

Контекстуальной модификацией прагматического аспекта семантики СОН является дерогативация мелиоративной оценки и мелиорация пейоративной оценки. Это явление получило название эмоционально оценочной энантиосемии. Выделяют речевую энантиосемию – «способность слова выражать противоречивые значения в процессе функционирования», и языковую энантиосемию – «способность слова сохранять противоречивые значения в своей семантической структуре на уровне системы» [Саликова, 1989:85].

Для исследования функциональной специфики СОН особый интерес представляет речевая эмоционально-оценочная энантиосемия, так как пейорация СОН-мелиоративов¹ и мелиорация СОН-пейоративов свидетельствует об окказиональных изменениях в прагматическом аспекте семантической структуры слова.

Речевая энантиосемия бранных слов (какофемизмов) имеет целью увеличение эффективности речевого воздействия и является довольно распространенным явлением во многих языках.

Этически резко сниженная лексика не характеризуется количественным многообразием - этот факт даже нашел свое отражение в одном из терминов для обозначения этой группы слов: “dirty dozen”. Большинство слов, принадлежащих к низшим слоям вокабуляра, имеют в словаре помету «табу». Их первичная функция в языке – вызывать катарсис, который «наступает в результате взламывания табу, причем, для того, чтобы произвести желаемый шокирующий эффект, необходимо и обычно достаточно обнаружить намерение то или иное табу нарушить» [Жельвис, 1990:19]. Этим объясняется относительная немногочисленность табуированных слов в языке.

Субколлоквиальная лексика является одним из действенных средств повышения эффективности речевого воздействия не только потому, что она «успешней любой другой способна отразить личностную сторону эмоций» [Жельвис, 1990:19], но и в силу присущей ей амбивалентности, способности менять аксиологический знак в зависимости от ситуации общения и в этом качестве входит в некоторые клишированные фразы в условиях фамильярного общения. Как писал Л.П. Якубинский, «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [Якубинский, 1986:19].

Это положение справедливо и в отношении этически сниженной лексики, с той оговоркой, что, несмотря на широкую распространенность этого пласта вокабуляра во всех социальных, возрастных, профессиональных и т. д. группах, в каждом социуме существует определенный процент людей, для которых субколлоквиальная лексика в принципе неприемлема в качестве средства выражения по этическим соображениям. Для многих же носителей американского варианта английского языка субколлоквиальная и даже табуированная лексика является неотъемлемой частью идиолекта².

Уже отмечалась способность этически сниженной лексики выражать самый широкий спектр чувств, что позволяет ей быть средством достижения разнообразных коммуникативных целей. Энантисемиа в значительной мере способствует расширению смыслового и эмоционального диапазона субколлоквиальных единиц.

Номенклатура единиц этически резко сниженной лексики, выступающих в речи в фатической функции, для каждой группы общающихся отбирается в процессе коммуникации в соответствии с теми границами этически допустимого, которые устанавливают для себя коммуниканты. Как это может происходить, мы можем проследить на следующем примере:

Летний лагерь в окрестностях озера Эри. Смена закончилась. В лагере почти никого не осталось. Коллин, учительница литературы, Табата - студентка учительского колледжа и Дейв - студент-историк коротают время за разговором, ожидая, когда за ними приедет машина. Табата и Коллин сидят, Дейв стоит к ним спиной, смотрит на озеро.

Коллин: People out here are complete nosy idiotic morons. They say I had sex with Paul.

Табата: Paul who?

- Young staff. But after we had two beers yesterday, - he was trying to pinch me on my bubs... All men are pigs.

- No, it's because you look promiscuous.

- Fuck you! I don't.

- Fuck you! You do.

- (громко) Dave, do I look promiscuous? This woman says I look promiscuous.

- (медленно) I don't know. I don't think so.

- Hear? You, bitch, he says I'm not promiscuous.

- You, cunt, I know what your problem is.

¹ См. Гриценко, 1986.

² "A taboo word now seldom refers to a word which a person would never utter - today a taboo word is simply not used in a polite conversation" [Preface, p. 6].

Коллин перестает смеяться. У нее обиженное выражение лица:

- It's nearly a year when somebody called me like this last time.

Табата заметила перемену настроения:

- I'm sorry. I didn't know. I didn't really mean it.¹

В приведенном примере один из коммуникантов нарушил границы этически допустимого в речи и реципиент этически некорректной речи продемонстрировал свое негативное отношение к одному из субколлоквиальных слов, вполне принимая другие, обладающие, на наш взгляд, не меньшей глубиной этической сниженности. Этот инцидент чуть было не привел к разрыву коммуникации. Можно предположить, что в дальнейшем Табата, ведя с Коллин даже самую непринужденную беседу, желая создать атмосферу доверительной интимности, фамильярности, доброжелательности, не будет включать в свою речь субколлоквиальное слово, которое не прошло тест на этическую приемлемость. Приведенный пример может служить иллюстрацией для следующего наблюдения, сделанного Бриджит Харрисон: "For the most part, we are really not conscious of the rules that guide how, when, where, and with whom we communicate about various things. We may not realize we have rules until one is broken, and we become aware that we had an expectation" [Harrison, 2011:77]

Можно предположить, что в сознании членов языкового коллектива существует микросистема субколлоквиальных единиц различной степени этической сниженности, которая способствует эффективной реализации контактоустанавливающей и эмотивной функций в сфере фамильярного общения. С помощью этих лексических единиц коммуниканты устанавливают контакт и поддерживают доброжелательную тональность общения, тональность сотрудничества и солидарности. Номенклатура этих единиц устанавливается коммуникантами в результате деятельности общения. В процессе частого повторения в типичных ситуациях общения они откладываются и хранятся в сознании в виде типизированных фраз, составляющих особую группу стереотипов, устойчивых формул для обслуживания речевого взаимодействия людей в процессе их деятельности. Эта своеобразная микросистема речевых средств, обслуживающих сферу непринужденного, фамильярного общения, выполняет социально-регулятивную функцию в процессе коммуникации.

Протекая в различных сферах, речевое общение регулируется конкретной коммуникативной ситуацией, и выбор языковых средств в каждом отдельном случае обуславливается намерениями, интенциями говорящих, отношениями между ними, их индивидуальными речевыми привычками, обстановкой общения.

О широких возможностях в реализации различных прагматических интенций энантиосемичных СОН в сфере фамиллярного общения свидетельствуют следующие факты:

а) употребление СОН “son of a bitch” сигнализирует о желании отправителя речи преодолеть скованность одного из коммуникантов при первом знакомстве, форсировать его включение в круг близких людей²:

“Thank you, sir. I appreciate it. Really I do. And you know how I feel about your daughter, sir. And you, sir.”

“Oliver, Jenny interrupted,” will you stop babbling like a stupid, goddamn preppie, and – “Jennifer, Mr. Caviller interrupted, “can you avoid the profanity? The sonovabitch is a guest!”

б) искреннее сожаление конструктора по поводу разбитого образца самолета, а также его желание не выглядеть сентиментальным передается при помощи энантиосемичного употребления СОН “bastard”: “The poor bastard jumped”, he said bitterly. [The Adventurers, p. 202].

в) употребление СОН в общении близких людей может также служить сигналом интимности, доверительности отношений, положительного эмоционального отношения к собеседнику:

“How’s it going you old bat?”

She laughed hoarsely. “Not so bad frog-face.” [Hollywood, p. 272].

“Hey, listen, you, bitch!” I said. “What you bastard?” She replied. “I owe you a helluva lot,” I said sincerely. [Love, p. 93].

Роль энантиосемичных СОН в осуществлении прагматических интенций коммуникантов в условиях фамиллярного общения чрезвычайно велика, однако создание полной таксономии их функций осложняется тем, что они создаются всякий раз из коммуникативных потребностей и их функции варьируются от ситуации к ситуации.

Поскольку какофемизмы на письме являются полными графическими аналогами пейоративных СОН, то формальными индикаторами мелиоративности в художественной прозе является общая положительная тональность общения, авторские ремарки и/или положительная семантика контактных и дистантных языковых единиц: “Come on, you big-mouthed cow,” George said amiably, shoving her towards their limousine. “Move your fat ass.”

Marital bliss survived - with the help of an insult or two. [Hollywood, p. 520].

5. Основные синтаксические функции СОН в предложении

Задачей данного раздела является определение типичных синтаксических

¹ Приведенный пример - транскрипт реальных речевых актов.

² Подробнее об особенностях общения в малых группах см. Гл. IV настоящего исследования.

функции СОН и выявление наличия корреляции между синтаксическим употреблением и лексическим значением (в качестве ведущего признака рассматривается наличие в слове семы одушевленности / неодушевленности). Поскольку все СОН представлены в работе существительными, они выполняют разнообразные синтаксические функции, свойственные существительным: подлежащего, части составного именного сказуемого, дополнения, определения, приложения, обращения.

Анализ исследуемого материала показал, что СОН, в денотативном макрокомпоненте которых присутствует сема неодушевленности, демонстрируют ограниченное распределение по синтаксическим позициям. В примерах из словаря и выборке из произведений художественной прозы широко представлены две синтаксические функции неодушевленных СОН:

- 1) часть составного именного сказуемого;
- 2) дополнение;

Ограниченные синтаксические возможности этой группы СОН, вероятно, связаны с их известной семантической многоплановостью (полиреферентностью) - они одинаково приложимы как к одушевленным, так и неодушевленным предметам, дают яркую эмоциональную оценку лицу или событию, поэтому в предложении они выполняют такие функции, которые позволяют максимально полно раскрывать свое денотативное значение. Однако можно предположить, что эти свойства неодушевленных СОН, отмеченных на основе анализа лексикографических данных и примеров из художественных произведений, не являются достаточно полными и объективными, и обращение к анализу функционирования исследуемых единиц в условиях реального речевого общения, возможно, может продемонстрировать полную заполняемость этими СОН всех синтаксических позиций, характерных для существительных¹.

Подавляющее большинство неодушевленных СОН выступают в позиции, типичной для характеризующих существительных - в позиции предикатива:

“If it’s a stinker, your career is shot!” [The Greek, p. 355].

“This is just crud. Get rid of it!” [CAC, p. 88].

“It’s all crap”, I told her. [Love, p. 45].

Выступая в качестве дополнения, занимая идентифицирующую позицию, СОН этой группы указывают на предмет, одновременно давая ему положительную или отрицательную оценку:

“Screw Paris and music and all the crap you think you stole from me.” [Love, p. 127].

¹ Совершенно очевидно, что неодушевленные СОН в силу специфики референта не могут занимать в предложении позицию обращения.

“Haven’t you had enough of this bullshit, Marilyn?” Vic Taylor gripped, standing at the door. [Bishop’s, p. 96].

Важным моментом, касающимся функционирования неодушевленных СОН широкой пейоративной семантики, является обнаруживаемая ими тенденция к синтаксической изоляции. Употребляясь в односоставных именных предложениях, анализируемые СОН демонстрируют три семантических типа:

Подвергаясь полной десемантизации вследствие нейтрализации эмотивно-оценочных сем, они употребляются как слова несогласия: No, never, by no means:

“Yeah. We were supposed to play squash. I think I’ll cancel it.” “Bullshit.”

“What, Jen?”

“Don’t go cancelling squash games, Preppie. I don’t want a flabby husband, dammit.” [Love, p. 110].

Анализируемые СОН могут частично десемантизироваться, употребляясь как предложения несогласия, и одновременно частично сохраняя свое значение, давая оценочную характеристику предыдущему высказыванию:

“I’m studying.”

“Bullshit. You’re looking at my legs.” [Love, p. 33].

Наконец, неодушевленные пейоративные СОН могут выступать в качестве своеобразного предикатива к предыдущему высказыванию, давая ему негативную оценочную характеристику. Предметное значение единиц при этом полностью сохраняется (cf. bullshit - lies). “Bullshit, Fast said softly. “You don’t believe a word of what you’re saying.” [The Greek, p. 238].

Одушевленные СОН демонстрируют большее разнообразие синтаксических функции. Они употребляются:

- в функции предикатива, давая яркую эмоциональную оценку подлежащему:

“He is lousy little shit,” I said. [The Carpet, p. 175].

“God, you are a bitch.” [Boys, p. 481].

- в функции приложения СОН также имеет характеризующее, уточняющее значение:

“Now - or the whole world will know about Dr. Gant, the quack, the abortionist, the great lover.” [The Carpet, p. 551].

“Elain the nag. Elain the ballbreaker. Elain the shoplifter.” [Hollywood, p. 338].

- в идентифицирующей функции дополнения, указывая на лицо и его свойства:

“I ignored these crude and horny bastards as I untangled the phone and started

to take it into my bedroom.” [Love, p. 15].

- в функции обстоятельства: “She revealed herself as an unfeeling heartless bitch.” [Hollywood, p. 327].

- в функции субъекта предложения (подлежащего):

“If the old bastard thinks he’s going to buy me off he is crazy.” [Boys, p. 82].

“Those damn halfassed morons in Watergate made every known pol suspect.” [The Investigation, p. 245].

- в функции определения к нейтральным существительным (а) и к стилистически окрашенным словам (б):

а) употребление СОН в атрибутивной функции с узуально неоценочными словами распространяет оценку, заключенную в СОН, на все словосочетание:

“You’re a pimp, a gigolo, an asshole journalist, and a son of a bitch!” [The Greek, p. 454].

“It’s been one bitch of a week.” [Hollywood, p. 351]

“Man”, Jimmy said, whistling, “That’s some hunk of architecture.” [Bread, p. 83].

В последнем примере интенсивность мелиоративной оценки значительно увеличивается за счет употребления нетривиальной метафоры: *hunk* - a strong and sexually attractive male.

б) употребление СОН с характеризующе-оценочным типом значения в атрибутивной функции специфицирует значение последующего существительного:

“Cut the smart-ass cracks. This is serious.” [Hollywood, p. 447].

Если же в качестве определения к этически сниженной единице выступает СОН с ведущим оценочным типом значения, то его основная функция - интенсификация узуальной оценки определяемого слова:

“You - bastard” she was going to say, you bastard son of a bitch.” [Boys, p. 522].

Наиболее распространенной синтаксической позицией СОН является позиция обращения. Причем, в отличие от других групп лексики, характеризующихся меньшей глубиной этической сниженности, ведущей функцией для СОН в роли обращения является эмоционально-оценочная.

Оценка объекта в СОН-обращениях носит чисто субъективный характер и определяется прагматической интенцией говорящего - выразить в максимально сжатой форме положительное или отрицательное отношение к адресату. Здесь возможны два случая:

В случае эмоционально-оценочной энантиосемии пейоративные СОН в позиции обращения свидетельствуют о дружественном расположении

коммуникантов друг к другу:

“That’s right, pill pusher. I’m rich with character too.” [Boys, p. 127].

“All right, smart ass, what changes?” [Boys, p. 599].

При сохранении СОН в функции обращения узуальной пейоративной или мелиоративной оценки они способны выражать всю палитру отношений, существующих между коммуникантами: от любви до высшей степени неприязни:

“Hi, honey.” She waved and blew him a few kisses. [Lady, p. 115].

“Stupid? Hell, you’re just as dumb as he is, chick.” [Bishop’s, p. 189].

Неоднократно высказываемая мысль о том, что женщины для выражения дружеского расположения к адресату предпочитают пейоративные оценочные номинации, объединенные общностью признака «умственной неполноценности», а мужчины предпочитают более «сильные выражения», как правило, ругательства [Гриценко, 1986; Земскова, 1991], не нашла подтверждения на материале исследуемых единиц. Вероятно, это вызвано тем, что анализу подвергалась изображенная коммуникация (термин И.В. Арнольд) женщин, которые являются пользователями «реформированного» языка¹:

“Spotty, you bastard, I need you.” [Good, p. 342].

“Guess again, you optimistic bitch!” [Love, p. 93].

“Jonny, you old son of a bitch, you been holding out on us.” [The Adventurers, p. 317]

“You stinker!” She wispered. “You might have tipped me off.” [Where, p. 37].

Очевидно, однако, что система субколлоквиальных форм обращения является, наряду со многими другими факторами, одной из форм проявления социально значимых параметров: возраста, образования, профессии, степени знакомства и др.²

ВЫВОДЫ

Анализ системных и функциональных характеристик СОН позволил прийти к следующим выводам:

В субколлоквиальной оценочной лексике американского варианта английского языка преобладают единицы антропоцентрической направленности – из исследуемых единиц только 70 относятся к явлениям объективной действительности, номинируя значимые для человека объекты.

В тематическом пространстве СОН отмечается значительное преобладание дескриптивных оценочных единиц над статусными.

Прагматический аспект семантики СОН может интенсифицироваться:

¹ См. об этом подробнее в Гл. IV настоящего исследования.

² Эти факторы и параметры рассматриваются в четвертой главе монографии.

- за счет семантики близких слов;
- за счет метафорического переноса;
- за счет атрибутивного употребления а) прилагательных различной субъязыковой отнесенности и б) этически сниженных существительных;
- за счет реализации кореферентных лексических единиц, принадлежащих к различным функциональным стилям;
- за счет противопоставления СОН антонимичному словосочетанию.

На синтаксическом уровне в качестве интенсификаторов выделяются:

- конструкции с местоимениями *you, that*;
- риторический вопрос;
- эмоционально-оценочные предложения с интродукторами *now* и *what*;
- отклонение от прямого порядка слов;
- назывные предложения.

Чаще всего интенсификация прагматического аспекта СОН достигается благодаря комбинации нескольких средств усиления.

В работе рассматриваются случаи деинтенсификации прагматического аспекта, обусловленные природой номинируемого объекта. Отмечается группа референтов, имеющих нулевую или близкую к ней интенсивность эмоционально-оценочного восприятия.

Модификация узуального прагматического аспекта СОН проявляется в изменении передаваемого единицей отношения к объекту номинации: происходит окказиональная мелиорация субколлоквиальных пейоративов и окказиональная пейорация мелиоративных СОН.

Исследование установило, что при речевой мелиорации субколлоквиальных пейоративов их номенклатура для каждой группы общающихся отбирается в процессе коммуникации в соответствии с теми границами этической приемлемости, которые устанавливают для себя коммуниканты.

Наблюдается определенная корреляция между синтаксическим употреблением и лексическим значением исследуемых единиц. СОН, имеющие в своем семантическом составе сему «одушевленность», способны осуществлять все синтаксические функции, характерные для существительных, в то время как функционирование неодушевленных СОН имеет синтаксические ограничения. Неодушевленные СОН, семантическое ядро которых составляет прагматический аспект, обнаруживают тенденцию к синтаксической изоляции, регулярно употребляясь в качестве односоставных предложений.

Выбор СОН в функции обращения осуществляется коммуникантами в соответствии с прагматическими интенциями отправителя речи и определяется параметрами прагматической ситуации, а также рядом других факторов.

ГЛАВА IV

РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

ПРАГМАТИЧЕСКИ РЕЛЕВАНТНЫХ СОН С МАКСИМАЛЬНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЭТИЧЕСКОЙ СНИЖЕННОСТИ

На рубеже 60-70-х гг. в исследовании речевого общения был выработан новый подход к анализу речевых высказываний, в основу которого положен учет прагматического эффекта высказывания, степень достижения прагматической цели говорящим. Основоположниками этого подхода выступили Дж. Остин (Austin), Х. Грайс (Grice), Дж. Серль (Searle), а также ряд отечественных психолингвистов, развивающих теорию речевой деятельности: А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, А.М. Шахнарович и др.

Определяющим моментом в деятельности общения является цель, в соответствии с которой говорящим разрабатывается стратегический план, включающий выбор необходимых для достижения данной цели языковых средств из ряда допустимых вариантов, материализуемых в тексте. Для достижения коммуникативной цели говорящий выбирает то, что некоторые исследователи называют стиль текста / высказывания, а другие - тональность общения, регистр.¹

Будучи включенным в коммуникативную деятельность, отобранный в соответствии с целью коммуникации, языковой материал наделяется прагматической функцией, так как удачный выбор языкового средства повышает эффективность интеракции, облегчает разрешение коммуникативной задачи и, наоборот, неадекватный выбор тональности общения может осложнить и даже полностью прекратить естественное протекание коммуникативной деятельности. Поскольку известно, что субколлоквиальные единицы способны «иррадиировать» присущую им тональность общения на весь текст: "... an obscene word has its effect regardless of its location or grammar" [Skinner, 1957:344]), несомненный интерес для настоящего исследования представляет определение роли СОН в межличностной коммуникации, а именно рассматриваются такие вопросы, как а) место СОН в системе «сильных

¹ Стилиевой сдвиг как фактор, способствующий достижению прагматического эффекта, уже рассматривался в лингвистике:

- на примере фонетических изменений [Labov, 1966; Stubbs, 1983];
- на уровне системы обращений [Ervin - Tripp 1972];
- в применении к стратегии вежливости [Brown, Levinson, 1978];
- в приветствиях, прощаниях и других формах фатического поведения [Laver, 1981];
- на лексическом уровне в массовой коммуникации [Myers – Scotton, 1988].

языковых средств»; б) возможность включения СОН в номенклатуру социальных маркеров; в) роль СОН при выборе стратегии коммуникации и пр.

1. Язык как средство силового воздействия

Язык стали рассматривать как средство силового воздействия с тех пор, как было установлено, что язык может влиять на социальные отношения и трансформировать их [Bourdieu, 1991, Edelman, 1977, Harrison, 2011, O’Barr, 1984:26].¹ Результатом признания этого положения было включение в понятийный аппарат социолингвистики нового термина - сила (power): «способность одного лица влиять на поступки другого» [Lips, 1981:62], или доминирование: “Dominance is the exercise of power in a particular situation involving particular interlocutors” [Jorgensen, 2002:238]. При этом в качестве основного показателя рассматривается эффект, результат взаимодействия вне зависимости от того, был ли он преднамеренным или нет [Blakar, 1979:134]. Выделяют три различных уровня, на которых язык может проявляться как средство силового воздействия:

- 1) отдельный акт коммуникации, где отправитель выбором конкретных языковых форм воздействует на получателя речи;
- 2) сама система языка с ее способностью по-разному членить “реальность”;
- 3) использование различных языков и диалектов.

[Blakar, 1979:135]

Наибольший интерес для исследования может представлять первый уровень, потому что именно на этом уровне отправитель речи, используя наличный языковой репертуар, имеет возможность оказать "силовое воздействие" на получателя речи, при этом он располагает следующими инструментами силы:

- 1) выбор слов и выражений;
- 2) создание новых слов и выражений;
- 3) выбор грамматических форм;
- 4) выбор последовательности;
- 5) использование супraseгментных элементов.

[Rommeneit, Blakar, 1979:126]

При этом отмечалось, что лингвистическая форма становится «силовым инструментом» только в том случае, если пользователь языка находится в

¹ См. также по этому поводу “words have power to mould men’s thinking, to canalize their feeling, to direct their willing and acting. Conduct and character are largely determined by the nature of the words we currently use to discuss ourselves and the world around us.” [Huxley, 1940:9].

позиции силы [Rommeneit, Blakar, 1979:135]. Очевидно, что авторы этого высказывания не видят различия между статусной и интерактивной силой¹, объединяя их в одно интегральное понятие. Однако, несмотря на тесную связь, существующую между названными явлениями (всякое доминирование одновременно повышает коммуникативный статус говорящего, т. е. его интерактивную силу) – “one’s statuses are hard to ignore interactionally.” [Myers - Scotton, 1988:199], следует признать, что это явления разных порядков и их необходимо рассматривать отдельно. Дж. Н. Йоргенсен, проводя разделительную линию между статусной и интерактивной силой, пишет следующее: “In some specific situations the dominance of one party may be a given thing because of general societal patterns of power, for example in teacher-student dialogues or police interrogations. In other situations dominance is to a larger extent established by the linguistic strategies employed by the interlocutors” [Jorgensen, 2002: 237].

В результате активных исследований языка в последние годы с точки зрения его возможностей влиять на достижение говорящим определенного прагматического эффекта был выделен репертуар языковых и паралингвистических средств, наличие которых в высказывании характеризует его как сильное или слабое.

К признакам *сильной речи* относят:

- использование нестандартных вариантов² [Flexner, 1975; Lakoff, 1975];
- неоднократное переключение кода (с формального на неформальный и наоборот) в процессе интеракции [Scotton, 1988];
- выбор нетривиальных тем и их частая смена в ходе диалога;
- большие отрезки речи между интеррапциями [Palmer, 1989; Marche, Peterson, 1993; Coates, 1989:67].

Слабую речь характеризуют:

- частое употребление единиц, имеющих разное название в литературе: punctors, pragmatic expressions, linguistic hedging devices, которые придают

¹ Carol Myers - Scotton [1988:199] определяет статусную силу как “the extent to which someone has control over the actions and destiny of someone else”, а интерактивную силу как “the extent to which a speaker shows her / himself off to advantage in an interaction relative to other participants in any of these ways: in terms of controlling the sequential aspects of the interaction (e. g. controlling the floor) or the direction and / or outcome of the interaction (e. g. topics) and also in terms of attracting favourable attention to oneself (e. g. highlighting one’s expertise, one’s other interpersonal associations and experiences.”

² Выявляя определенную корреляцию между употреблением резко сниженной лексики и степенью доминантности личности, В.И. Жельвис [1990:27] пишет: «Свободное владение соответствующим вокабуляром характерно для социально доминирующих индивидов... Руководители, по определению, доминируют над подчиненными, отчего неудивительно движение инвективы «сверху вниз», а не наоборот.»

высказыванию оттенков неуверенности, делают его малоубедительным [Holmes, 1986; Vicent, Sankoff, 1992; Erman, 1992];

- «супервежливые» формы [Winefeld, 1989];

- мелодия повышения;

- частое использование интенсификаторов (so, very, too), «пустых» прилагательных (divine, charming, cute) [Lakoff, 1975] и т. д.

Перечисленные признаки прочно ассоциируются с их функционированием в некоторых социальных группах.

Рассмотрим оппозицию *мужчины VS женщины*, поскольку ролеполовые различия имеют прямое отношение к понятиям «сильная-слабая» речь: мужская речь обычно принимается за воплощение сильной речи, а женская речь характеризуется как отклонение от мужской речи, ее слабый вариант [Lakoff, 1985; Uchida, 1992].

Проблема ролеполовой дифференциации языка относится к одной из наиболее активно разрабатываемых в зарубежной социолингвистике и гендерологии (см., например, Bilous, Krauss 1988; Bresnahan, 1993; Cameron, 1992; Chaika, 1990; Chambers, 1992; Coates, 1989; Deuchar, 1989; Eckert, McConnell-Ginet, 1992; Eliasoph, 1987; Erman, 1992; Fedler, Semin, Finkenauer, 1993; Feminism... 1986; Heuton, 1989; Language, Sex and Society 1992; Javorsky, 1992; Lakoff, 1975, Lakoff, 1985, Tannen 1996, Tannen 2003, McConnell-Ginet 2011, и др.). Эти исследования осуществляются обычно на двух уровнях:

1. Исследуются возможности языка по членению и структурированию действительности, а именно: рассматриваются случаи «языкового сексизма» (то есть закрепление средствами языка социального неравенства полов в обществе). К наиболее ярким проявлениям «языкового сексизма» в английском языке относят превалирование в немногочисленной маркированной по роду английской лексике отрицательно окрашенных существительных женского рода, многие из которых выражают потребительское отношение к женщине. Сюда относятся употребление существительного *man*, местоимения третьего лица единственного числа мужского рода *he* в обобщенном значении, включающем референтов обоих полов. Эти и другие явления представляются феминистками не только как прямое отражение в языке мужского доминирования в обществе, но и как средство формирования общественного мнения и отношения к женщине (*dominance approach*).

2. Сторонники другого подхода исследуют различия в употреблении языка мужчинами и женщинами. В качестве главной причины для существующих отличий в вербальном и невербальном поведении мужчин и женщин называются разные способы социализации через воспитание мальчиков и девочек [The Handbook of Language Socialization, 2012, Shi,

Langman, 2012: 167-169 и др.]. Наряду с уже перечисленными чертами женской / слабой речи в качестве слагаемых «женского стиля» выделяют также группу лексических и грамматических явлений, связанных с передачей неуверенности, нерешительности как следствия социального дискомфорта, осознанием женщинами их подчиненного положения в обществе: наречия типа *probably, perhaps, possibly*, элементы дискурса *sort of, kind of, around, about*, глаголы *sound, seem*, и т. д. На уровне синтаксиса говорят о паратаксисе, в основе которого лежит координация или простое нанизывание простых предложений без союзов и который считается характерным для женщин, и гипотаксисе, строящемся на основе подчинительной связи и характеризующем речь мужчин. Последователи этого направления в основном занимаются констатацией речевых различий мужчин и женщин (*difference approach*).

Наиболее убедительным представляется мнение о необходимости объединения этих двух подходов и рассмотрения различий в речи и доминирования как компонентов, одновременно участвующих в построении ролеполового поведения [Uchida, 1992:563; Cameron, 1992:23].

Выходя на качественно новый уровень исследований, последователи феминистского направления в лингвистике расстаются со многими стереотипами, которые долгие годы препятствовали успешному разрешению многих проблем. Например, сама постановка проблемы «мужская VS женская речь» признается некорректной, поскольку при этом мужская речь считается неким принятым образцом, а особенности женской речи оцениваются как отклонения от него. Другой методологической ошибкой исследователей является игнорирование того факта, что мужская и женская речь - это явления далеко не однородные, а дифференцированы по целому ряду признаков: социально-ситуативному, территориальному, возрастному, образовательному, профессиональному, индивидуально-психологическому¹ и т. д. [Myers - Scotton, 1993:479; Smith, 1979:130].

Не удивительно, что различные исследователи, изучающие речь представителей нескольких языковых общностей и социальных групп в меняющихся ситуациях общения, могут прийти к противоположным выводам относительно того, представители какого пола чаще используют те или иные языковые единицы. В качестве примера приведем данные по разделительным вопросам, которые, согласно гипотезе Р. Лакофф (1975), рассматриваются как характеристика женской слабой речи, поскольку женщины употребляют

¹ “Gender is not a static concept based solely on one’s biological sex. Rather it is dynamic, multifaceted, and influenced by such factors as age, sexuality, culture, and more. ... Gender is neither something we are born with or acquire solely through socialization, but it is a continuous, dynamic social accomplishment” [Charlebois, 2012:198-199].

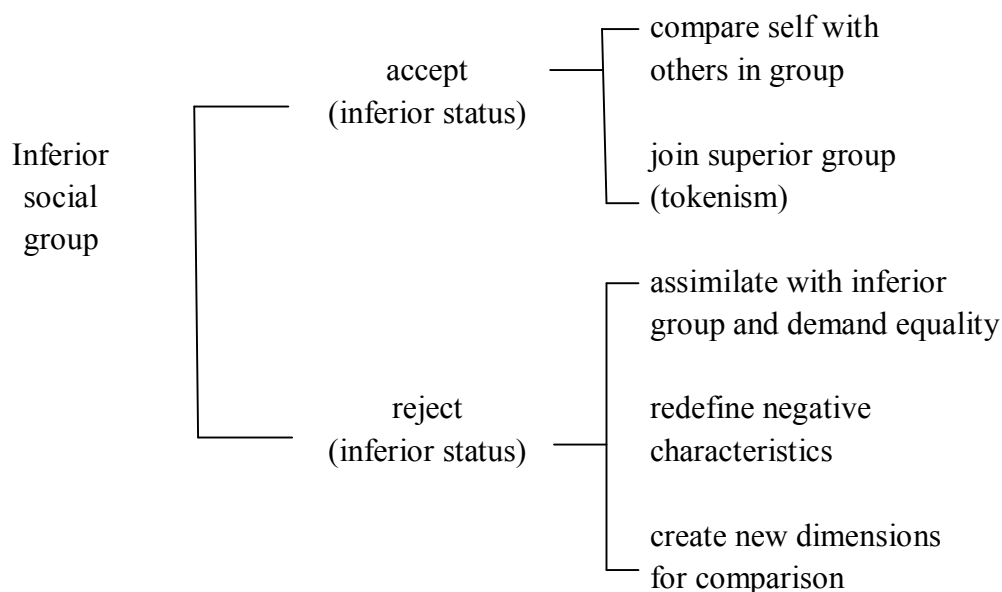
разделительные вопросы значительно чаще, чем мужчины. Отметим, что гипотеза Р. Лакоффа не нашла подтверждения уже в 1975 году, когда Б. Дюбуа и И. Кроуч констатировали, что мужчины-участники профессиональной конференции, употребили 33 разделительных вопроса, тогда как женщины - ни одного [Dubois, Crouch, 1975].

Позднее Д. Камерон пришла к выводу, что не каждый разделительный вопрос входит в репертуар слабой речи, т. к. выделяются, по крайней мере, два типа разделительных вопросов: аффективные и модальные. Основной функцией аффективных разделительных вопросов является запрос информации, и они составляют специфику сильной речи, в то время как модальные вопросы, действительно, содержат просьбу о поддержке, сигнализируют неуверенность отправителя речи и поэтому являются характеристикой слабого типа речи¹. Также последовавшие исследования развенчали распространенные до этого времени выводы о том, что женщины говорят гораздо больше, чем мужчины, и разговоры их носят несерьезный характер [Tannen, 1996:54-58].

Однако ошибочно было бы утверждать, что половые различия речи мужчин и женщин окончательно нивелированы. Причину, видимо, следует искать в «негомогенности» женских групп [Cameron, Coates, 1989:22]. Актуальным для целей исследования является различие по признаку, относится ли женщина к носителям «традиционного» или «реформированного» языка (“traditional-language women”; “reformed-language women”) [Khosroshani, 1989:508], что, в свою очередь, связано с тем, принимает ли женщина или отказывается принять более низкий статус, связанный с ее членством в малой группе (minority group). Имеются данные о том, что наиболее сильное влияние на подобное подразделение женщин оказала Вторая Мировая война, когда, резко изменив свой образ жизни, многие женщины были вовлечены в общественное производство [Atwater, 1986; Costello, 1985; Elshtain, 1987; Hawes, 1948]. Дж. Коутс видит следующие возможные стратегии речевого поведения женщин по отношению к мужчинам как доминирующей группе в

¹ Другой пример, когда разделительный вопрос может выступать в качестве примера сильной речи, содержится в исследовании Winefeld, 1989. Наряду с разделительными вопросами многие другие стереотипы относительно составляющих репертуара женской речи не находят в последние годы подтверждения: для женской речи не характерен выбор более тривиальных тем [Kimpers, 1987; Eckert, 1990], женщины не прибегают к стратегии аккомодации чаще, чем мужчины [Vilous, Krauss, 1988], прагматические выражения (you know, you see, I mean) употребляются в равной мере как мужчинами, так и женщинами. Более того, как и в случае с разделительными вопросами, прагматические выражения осуществляют в речи различные функции и не могут быть однозначно отнесены к характеристикам слабой речи [Erman, 1992], не было отмечено явных корреляций между полом коммуникантов и количеством интеррапций в речи [Marche, Murray, 1994; Peterson, 1993].

обществе.



[Coates, 1989:9]

Обнаружено, что в англоязычном обществе «традиционные» мужчины и женщины по-разному реализуют принципы вежливости и кооперации в общении. Утверждается, что для речевого поведения мужчин характерна тактика соперничества, тогда как женщины в групповой интеракции предпочитают тактику сотрудничества: женщины предпринимают больше шагов для поддержания разговора (задают больше вопросов, используют большее количество минимальных ответных реакций, сигнализирующих заинтересованность, внимание, чаще соглашаются с мнением собеседника, более вежливы, причем эти различия начинают проявляться в достаточно раннем возрасте [Eliasoph, 1987; Benenson, 1993; Becker; Smenner, 1986; Coates, 1989; Bresnahan, 1993]¹.

Другой характерной чертой «традиционной» женской речи является ориентация на «открытый социальный престиж» (overt prestige) - общепринятые нормы социального и речевого поведения; в мужской же речи, напротив, допускается ориентация на «скрытый социальный престиж» (covert prestige): в то время как определенные отклонения от нормы несовместимы со

¹ На настоящий момент имеются данные, опровергающие последний постулат. Салли Мак Коннел-Джинет опровергает это утверждение на том основании, что пол и язык вообще не могут рассматриваться как самодостаточные и независимые от других составляющих параметры, поскольку при этом не учитываются когнитивное и социальное значения их взаимодействия. Реальные мужчины и женщины – это не сумма определенных характеристик, приписываемых им. Обращаясь к исследователям в сфере гендерологии, Салли Мак Коннел-Джинет предупреждает их против увлечения слишком высокой степенью абстрагирования понятий, и призывает их “to take responsibility for connecting each such abstraction to a wide spectrum of social and linguistic practices in order to examine the specificities

стереотипом женственности, они вполне могут укладываться в стереотипы мужественности¹ [Trudgill, 1972:179; Lips, 1981:83].

Эти различия могут оказывать существенное влияние на протекание коммуникации в смешанных группах и могут даже привести к коммуникативному провалу в результате несовпадения неоправданных ролевых ожиданий [Coates, 1989:70].

Речевое поведение женщин, принадлежащих к первому типу, непротиворечиво укладывается в рамки традиционной феминистской теории.

Вторую группу женщин составляют, по терминологии П. Традгилла, «аномальные индивиды», - женщины, стремящиеся ассимилироваться в мужской группе, которые максимально приближают свое ролевое поведение к мужскому. В эту группу входят женщины, получившие хорошее образование и делающие карьеру в бизнесе или политике. В целях ассимиляции своего речевого поведения они прибегают к следующим приемам:

- 1) используют более низкий голосовой диапазон;
- 2) *употребляют грубые и табуированные выражения;*
- 3) в интеракциях используют более утверждающий стиль;
- 4) используют просодические характеристики, более типичные для мужчин (мелодию понижения тона и т. д.);
- 5) в официальной обстановке говорят на традиционно «мужские темы»: бизнес, политика, экономика;
- 6) используют нестандартное произношение.

[Coates, 1989:9]

Такое предварительное подразделение женщин на носителей «традиционного» и «реформированного» языка позволяет предположить, что оценочные и резкие высказывания не характерны для женщин первого типа, что даже нашло свое отражение в «народной» лингвистике: “A whistling sailor, a crowing hen and a swearing woman ought all three go to hell”, и могут присутствовать в речи женщин второго типа.

Тот факт, что во многих культурах женщины рассматриваются как коммуниканты, избегающие в своей речи употребления грубых и непристойных выражений [Lakoff, 1973; Smith, 1979; Trudgill, 1972 и др.], есть результат традиции, которая берет свое начало еще в средних веках: «галантная традиция

of its concrete realization in actual communities” [McConnell-Ginet, 2011: 94-95].

¹ М. Дейчар объясняет стремление женщин следовать стандарту желанием «сохранить свое лицо» и «лицо» собеседника: “In term of face, this could be seen as a strategy of positive politeness in so far as it pays attention to the positive face of the addressee. It also protects the speaker's face however, because of the prestige of the standard. So when women use standard speech, they are protecting their own faces, and are sometimes paying attention to the face of the addressee at the same time, but would rarely be threatening it” [Deuchar, 1989:32].

в средние века утвердила женщин на пьедестале, усилила лингвистические табу, осудила употребление вульгарных слов женщинами, а также их употребление мужчинами в присутствии женщин» [Hughes, 1992:292. Перевод наш - Э.М.]. Другим важным фактором объявленной большей языковой консервативности женщин является культурная миссия женщин по передаче лингвистических традиций последующим поколениям. Еще в 1531 году Элиот (Elyot) писал о том, что ребенок джентльмена должен быть воспитан женщиной, “who will not permit any wanton or unclene worde to be spoken” [Цит. по Hughes, 1992:292].

Однако не исключено, что утверждение о том, что женщины «более эвфемистичны» [Jespersen, 1922] в языковом выражении, на самом деле лишен основания, поскольку большинство подобных заявлений носят явно выраженный эвристический характер, а немногие имевшие место социолингвистические эксперименты вплоть до последних лет проводились исследователями-мужчинами. Поэтому неизбежно включался в работу механизм «парадокса наблюдателя» (observer’s paradox), в результате чего реальная женская речь заменялась представлением исследователей о том, какой должна быть женская речь с точки зрения социальных конвенций.

Обзор имеющейся литературы по этому вопросу¹, а также анализ собственных иллюстративных примеров показывают, что большинство языковых элементов, традиционно рассматриваемых как маркеры мужской и женской речи, на самом деле являются стереотипами и демонстрируют *представления* о нормах речи для мужчин и женщин в языковых коллективах, и на самом деле идут вразрез с наблюдаемой реальностью, поскольку основываются на памяти о речевых навыках, которые имели место много лет назад.

Однако важно отметить, что различия между мужской и женской речью не нивелированы окончательно, поскольку женщины по своему составу негомогенны и могут быть условно разделены на носителей «традиционного» и «реформированного» языка. Женщины, носители «реформированного» языка, теряют свою лингвистическую индивидуальность в результате ассимиляции своего речевого поведения; женщины, носители «традиционного» языка, сохраняют черты традиционной «слабой» речи. Можно также отметить, что, несмотря на имеющую место дисфемизацию многих сфер общения, в обществе в целом продолжает существовать запрет на употребление этически сниженных форм в присутствии женщин. Высказанную мысль подтверждает опыт Э. Чайки (1990), которая записала речь группы-мужчин при просмотре записи

¹ Ср. “Females do use derogatory language and appear to be doing so in increasing numbers” [de Klerk, 1992:278]. См. также Rich 1987:325.

футбольного матча. Оказалось, что тональность общения во время матча существенно отличалась от тональности во время аналогичного просмотра, но уже в присутствии женщин. Также было установлено, что воздействие алкоголя на участников коммуникации проявилось в том, что была существенно опущена планка, регулирующая этические нормы общения.

Употребление / неупотребление этически сниженных СОН в смешанной коммуникации во многом определяется установившимися в силу ряда причин речевыми привычками и традициями, характерными для той или иной микрогруппы. Эверет М. Роджерс и Томас М. Штайнфат [Everet, Steifatt, 2002:100-101] при интерпретации речевых актов предлагают закладывать в основу интерпретации «множественное членство» (multiple membership) членов языкового коллектива. Говорящий выбирает, какое из «множественных членств», и в каком объеме он предъявляет в каждой ситуации. Вместо более емкого по объему понятия «языковое сообщество», указанные авторы предлагают оперировать термином «сообщество людей, объединенных одной деятельностью» (community of practice) под которым понимается “an aggregate of people who come together around mutual engagement in some common endeavor. Ways of doing things, ways of talking, beliefs, values, power relations – in short, practices – emerge in the course of the members’ joint activity around that endeavor. A community of practice is different as a social construct from the traditional notion of community, primarily because it is defined simultaneously by its membership and by the practice in which that membership engages” [Everet, Steifatt, 2002:100]. В приводимом далее примере основные социальные характеристики участников коммуникации совпадают: молодые люди (послевоенное поколение), закончившие высшие учебные заведения, имеющие достаточно престижную работу. Однако в силу того, что один из общающихся новичок в этой группе, его шокирует как тема разговора, так и ее вербальное воплощение: “I am thunderstruck. I have never in my life heard those four-letter words spoken in a mixed gathering” [Sophie’s, p. 152].

Анализ выборки из литературных произведений художественной литературы также позволяет утверждать, что в экстремальных эмоциональных ситуациях субколлоквиальные оценочные номинации употребляются как лицами мужского, так и женского пола. Стремление коммуникантов выбирать слова с четкой позитивной или негативной оценочностью, крайняя поляризованность в оценках отмечается как «одна из самых ярких отличительных особенностей речи в состоянии эмоциональной напряженности» [Носенко, 1975:53].

Irene grabbed her husband's arm. “Herman”, she hissed, her face white with rage, “don’t be a fool. You’ll make an ass of yourself!” [The Greek, p. 225].

“You murdered my son, you bitch!” The high-pitched voice seemed to fill the

whole house. [A Stone, p. 307].

Предпринятая попытка выявить характерные «женские» и «мужские» СОН не дала положительного результата. Выборка из произведений художественной литературы показала, что как мужчины, так и женщины пользуются одним вокабуляром для выражения своего отрицательного или положительного отношения к объекту номинации. Выбор той или иной СОН, наряду со многими другими факторами, такими, как присутствие при разговоре третьего лица [Bell, 1984], эмоциональное состояние адресата в момент речи, степень его знакомства с реципиентом речи и т. д., как правило, определяется и полом лица, о котором идет речь¹:

“I like the old fart, but business is business.” [Bread, p. 400]

“Yes, you silly cow. Mustn't insult the producer, he's the one who pays us.” [Hollywood, p. 289]

Тот факт, что этически сниженная лексика рассматривается рядом исследователей как характерная черта (маркер) «сильной» речи, вызывает необходимость обращения к обзору литературы по этому вопросу, поскольку под социальным маркером в социалингвистике понимаются различные явления.

2. Социальный маркер

Лингвистическая форма рассматривается как социальный маркер, если ее присутствие обусловлено внутренним (internal) или внешним (external) контекстом [Brown, Fraser, 1979:37].²

Простым примером маркера в этом смысле может служить обращение Dr., которое сигнализирует об особых отношениях между коммуникантами. Отсутствие некоторой лингвистической формы также может трактоваться как маркер.

Зависимые от контекста маркеры, ассоциируемые с лингвистической компетенцией отправителя речи, получили название статических маркеров. Динамические маркеры зависят от конкретной ситуации общения, могут быть объяснены только в контексте ситуативных факторов и ассоциируются с коммуникативной компетенцией коммуникантов [Helfrich, 1979:64].

¹ Нами уже отмечалась наметившаяся тенденция нивелирования семы «пол» во многих СОН - см. Гл. III данного исследования.

² Браун и Фрейзер включают во внешний контекст такие социальные категории, как отправитель и получатель речи, обстановка, цель и пр. Понятие «внутренний контекст» включает в себя фонологическое окружение, значение, функцию. В. Лабов определяет маркеры как «наиболее высокоразвитые социалингвистические переменные, имеющие индексальное значение, которые не только демонстрируют социальную дистрибуцию, но и стилистическую дифференциацию» [Labov, 1966:22].

Отношения между маркером и маркируемой величиной могут носить инвариантный (*invariant*) или вероятностный (*probabilistic*) характер.

Инвариантный маркер - это лингвистическая величина, идеально коррелирующая с социальным контекстом. Инвариантные маркеры не характерны для американского варианта английского языка. Большинство маркеров носят вероятностный характер. Это означает, что, имея некоторый маркер, мы можем лишь предполагать присутствие каких-то элементов внешнего контекста с известной долей вероятности, и, наоборот, имея некоторый элемент контекста, мы можем прогнозировать соответствующий ему маркер.

Характерной особенностью социальных маркеров является то, что Браун и Левинсон назвали множественной двусмысленностью социальных маркеров (*the multiple ambiguity of social markers*). Эти авторы отмечают, что один маркер при различных обстоятельствах общения может указывать на разные элементы внешнего контекста. Случаи, когда отдельный маркер недвусмысленно коррелирует только с одним аспектом социальных категорий, практически отсутствуют в американском варианте английского языка. Поэтому Браун и Фрейзер [Brown, Fraser, 1979:37] называют слово, где каждый маркер недвусмысленно бы коррелировал с различными аспектами контекста «мечтой социолингвиста» (и «кошмарным сном» поэта).

В настоящее время существуют две теории, по-разному трактующие проблему маркера в процессе социального взаимодействия. В отличие от концепции социального маркера, которая представлена в работах Лабова, Робинсона, Шерера и основывается на простой корреляции между социальными и лингвистическими переменными, концепция Браун и Левинсон включает в себя понятие структуры. Следовательно, социальные маркеры не являются набором простых сигналов, а представляют собой сложную сеть взаимодействующих и взаимозависимых переменных.

Модель социального взаимодействия, представленная в трудах Браун и Левинсон, дает объяснение сложным взаимоотношениям между социальными и интерактивными структурами таким образом, что участники коммуникации, располагая знаниями об этих структурах и об их взаимодействии, могут извлекать из ситуативной речи социально значимую информацию. Наличие лингвистического и социального соответствия и маркера как результата этого соответствия не является достаточным условием для извлечения из речи социальной информации. Для получения достоверной информации необходимо использовать структурную информацию об интерактивной и лингвистической

системах, с одной стороны, и социальных системах, с другой¹.

Принимая основные положения этой теории, отметим, что только в идеале точная спецификация характеристик некоторого говорящего должна вполне коррелировать с осуществляемым им выбором. В дальнейшем в работе будет иметь место генерализация общего речевого обихода той или иной социальной группы как совокупности индивидов, демонстрирующих сходные формы. Допускаем, что вследствие такого подхода результаты исследования могут приобретать еще более выраженный вероятностный характер. В соответствии с концепцией социального маркера Браун и Левинсон, субколлоквиальная оценочная лексика рассматривается не только как традиционный маркер неофициальности ситуации [Азнаурова, 19-73; Арнольд, 1973; Хомяков, 1974; Девкин, 1979; Казаева, 1980 и др.], но и как маркер сильной позиции коммуниканта. Доминирующее или зависимое положение одного коммуниканта по отношению к другому часто определяется его местом в системе социальной иерархии. Это вызывает необходимость обратиться к проблеме социальной дифференциации американского общества.

3. К проблеме речевого общения социально стратифицированного американского общества

Анализируя социально-психологические факторы речевого общения по функции и цели, А.А. Леонтьев выделяет два круга проблем - речевое общение внутри социальной группы и речевое общение в межгрупповых отношениях [Леонтьев, 1974]. Речевое общение на внутригрупповом уровне выступает как орудие контакта между членами социальной группы, и как орудие контроля за деятельностью каждого члена в отдельности. Речевое общение в условиях межгрупповых отношений включает использование речи как орудия идентификации группы и индивида как орудия социального обособления и межгрупповой коммуникации.

Индивид заявляет о своей принадлежности к данной социальной группе с помощью выбранных, нередко кодифицированных языковых помет. В случае использования речи для обособления и противопоставления социальной группы находят применение различные социальные диалекты (тайные языки, жаргоны, аргю).

¹ Под интерактивной информацией в работе понимаются знание о межличностных речевых и текстовых взаимодействиях [Сусов, 1989], которые включают в себя правила коммуникативного обмена, выражающиеся в чередовании интерактивных ходов и обусловленной им смены ролей в диалоге; правила сопровождения интерактивных ходов иллокутивными актами [Edmondson, 1981:80-86], правила, связанные, с принципом кооперации, вежливости, интереса, иронии и т. д., которые определяют стратегию речевого поведения, а также правила текстового обмена [Nystrand, 1986].

Различают два рода социальных групп [Новиков, 1970]. Группы первого рода включают совокупности людей, выделяемых по какому-либо существенному признаку (признакам) - отношению к средствам производства (социально-экономические), возрасту (возрастные), профессии (профессиональные) и т. п. Члены этих групп могут быть разъединены в пространстве и во времени; они не составляют локализованного единства, что не исключает, однако, возможности их внутригруппового общения, и тогда говорят, например, о профессиональных языках, жаргонах - военном, студенческом, школьном и т. д.

Группы второго рода характеризуются системой связей и отношений, образующих структуру. Группа с официально фиксированной структурой - это формальная группа. Порядок социального взаимодействия членов формальной группы официально регламентирован. Типичный пример формальной группы - воинское подразделение, где отношения между членами группы и язык этих отношений закреплены в соответствующих уставах. В неформальной группе структура зафиксирована в социальном опыте членов группы. Примером неформальной группы могут служить описанные В. Лабовым (1966) группировки подростков в Нью-Йорке, межличностные отношения которых не оговорены каким-либо набором формальных правил, однако имеют свою структуру и складываются стихийно в процессе совместной деятельности по санкционированным в данной сфере образцам (эти образцы не всегда укладываются в рамки общественной морали).

Классификация социальных групп Д.С. Айтцена [Eitzen, 1988:42] основывается на размере группы и характере взаимоотношений между ее членами. В первичных группах (primary groups) участники общения вовлечены в близкое («лицом к лицу») взаимодействие, которое характеризуется высокой степенью эмоциональности. Отношения между членами таких групп неформальные, носят долгосрочный характер, каждый член группы важен сам по себе.

Вторичные группы (secondary groups) большие по размеру, формально организованы, и взаимоотношения между членами не носят личностного характера. Роль отдельных членов в таких группах относительно невелика.

Однако любая группа и все общество в целом представляют собой иерархически организованную систему, когда каждый член группы занимает определенное положение в системе рангов. Принадлежность к определенной социальной группе может гарантировать индивиду высокий (или низкий) статус. Относительно разными статусами могут обладать и члены одной социальной группы, в зависимости от того, какие критерии положены в основу определения статуса.

Под *статусом* обычно имеется в виду социальное положение индивида

по отношению к другим членам общества. Если в обществе имеется определенная система статусов, то не представляет труда определение статуса конкретного индивида. Например, четкую систему статусов демонстрируют кастовые общества и близкие к ним по социальной структуре.

Значительно сложнее выявить статус коммуникантов, анализируя современные эгалитарные культуры. Не в силу того, что исчезают различия между социальными группами. Напротив, современные общества достаточно четко структурированы. Как отмечает, Бриджит Харрисон: «Хотя многие общества декларируют равенство для своих членов, ни в одном из них нет равенства для всех» [Harrison, 2011:99]. Прежде всего определение статуса сложно потому, что в современных культурах нет общепризнанной системы критериев выделения статусов, применимой ко всем обстоятельствам общения. Различные группы и отдельные индивиды имеют собственные воззрения относительно того, какие люди и группы людей заслуживают наибольшего уважения. Приходской священник может иметь высокий статус в глазах своих прихожан, но относительно низкий статус в глазах других членов общества. Молодые люди могут приписывать высокий статус поп-звезде, который совсем неизвестен старшему поколению. Поэтому предлагается выработать критерии определения высокого / низкого социального статуса относительно какой-либо одной референтной группы [Giles, Powesland, 1975:142].

В американской социологии и социолингвистике в качестве такой референтной группы обычно выступают представители среднего класса. Поскольку выбор критериев в этом случае в известной мере произволен, такие критерии получили название конвенциональных, или консенсусных. Таким образом, по консенсусным стандартам архиепископы, профессора, премьер-министры и т. д. имеют высокий статус. Но каждый из них может иметь низкий статус в оценке другой референтной группы [Giles, Powesland, 1975:143]. С учетом ценностной системы представителей высшего и среднего класса при определении статуса члена общества используют такой критерий, как род занятий¹. П. Традгилл [1974:34] считает этот критерий ведущим, поскольку он в известной мере определяет два других - связанные с ним материальное благосостояние и уровень образования. Поскольку эти же критерии служат

¹ П.К. Николс также считает, что “occupation plays a central role in the way we stratify ourselves and others into social groups” [Nickols, 1984:41], также F. Gregertsen, 1979:172, Macaulay, 1976:173; Trudgill, 1974.

Rich (1987:325) выделяет в структуре общества 3 класса в зависимости от размера годового дохода:

- высший класс (получают больше 50 тыс. долларов);
- средний класс (получают меньше 50 тыс. долларов);
- рабочий класс (получают меньше 20 тыс. долларов).

основой для выделения социальных классов, можно представить в общем виде структуру статусных позиций американского общества как иерархию пяти разрядов. В основу положена классификация, приведенная в книге У. Лабова [Labov, 1966:217], дополненная некоторыми положениями классификации Д.С. Айтцена [Eitzen, 1988:272-273] (см. таблицу на стр. 140 настоящего исследования).

Название	Характеристики		
	образованные	по роду занятий	дохода
V Высший класс Upper class	Выпускники престижных учебных заведений	Престижная работа, требующая высокого уровня формального образования, высокая степень ответственности, независимости, уверенность в завтрашнем дне. Владельцы большого бизнеса, официальные представители, крупные менеджеры и т.д.	Доход столь велик, что нет нужды его считать (“Don’t bother to count”)
IV Средн. высший класс Upper Middle Class	Выпускники колледжей	"Белые воротники". Различные бюрократические должности, клерки, технические работники, владельцы небольшого бизнеса, менеджеры. Их работа не требует столь же высоких навыков, меньше ответственности, меньше необходимости принимать решения	Доход почти столь же велик, но они «считают деньги».
III Средн. низший класс Lower Middle Class	Выпускники средних школ с професс-ой подготовкой. Невысокий уровень формального образования.	Представители мелкого бизнеса (магазины, мастерские), квалифицированные рабочие и мастера на производстве: электрики, механики, водопроводчики и т.д.	Доход может быть выше, чем у некоторых представителей IV класса. Имеют весь набор материальных ценностей ср. американца. Способны дать детям университетское образование
II Рабочий класс Working Class	Средняя школа	«Синие воротники». Работают в промышленности. Работа монотонная, не требует творчества. Зависимость от многих факторов. Наименьшие возможности для продвижения вверх (upward mobility) .	Достаточно для того, чтобы иметь жилье, бытовую технику и т. д.
I Низший класс Lower Class	Неоконченная средняя школа	Неквалифицированные рабочие. Последними принимаются на работу и первыми увольняются. Большой процент живущих на социальные пособия. Непропорционально много представителей национальных меньшинств.	Борьба за выживание

Наряду с описанными классами Д.С. Айтцен выделяет немногочисленную по составу группу людей, статусные параметры которых во многом остаются несбалансированными, и поэтому ее представители не

вписываются в названную классификацию. Эта группа получила название «новые богатые» (new rich). В нее входят, прежде всего, представители разных отраслей шоу-бизнеса, спорта и некоторых других сфер деятельности, которые внезапно получили доступ к большим материальным ценностям в силу уникальности отдельных сторон их индивидуальности.

Анализ приведенной таблицы показывает, что она не вполне отражает социальную структуру американского общества - отсутствуют слои населения, находящиеся на экстремальных полюсах социальной иерархии, а именно: пауперизированный и люмпенизированный слои (бездомные, бродяги и другие деклассированные элементы) и те немногочисленные представители высшего класса, которые могут реально влиять (и влияют) на ход событий в обществе. Н. Хомский [Chomsky, 1988:760] называет таких людей «элита». Представители элиты принимают решения, определяющие ход развития общества во всех сферах: политике, производстве, распределении, идеологии. «Это группы людей, которые не только взаимосвязаны и переплетены между собой, но и разделяют общий набор ценностей и представлений, принадлежат к высоко привилегированному классу и, как правило, очень богаты» [ibid]. Бриджит Харрисон также выделяет группу power elite, к которой относит “top business executives, media moguls, and government and military leader who dominate decision making in this country” [Harrison, 2011:105].

Таким образом, статусные позиции американского общества в самом общем виде могут быть представлены как семь рангов, расположенные по нисходящей линии: элита, высший класс, средний класс, средний низший класс, рабочий класс, низший класс, люмпенизированный слой населения. Необходимо отметить, что основной процент населения Америки распределяется по трем основным рангам: средний высший класс (9%), средний низший класс (40%), рабочий класс (40%). Интересно отметить, что в опросе 2008 года, отвечая на вопрос: «Если бы вас попросили определить, к какому из 5 классов вы принадлежите, как бы вы ответили?» Большинство респондентов, предпочли выбрать позицию «средний класс». Принадлежность к «низшему классу» характеризовалась, как «унизительная», а к высшему, как «снобистская». Процентное распределение в результате самооценки было следующим: Upper Class -2; Upper Middle - 19; Middle - 53; Lower Middle -19; Lower Class – 6 [Harrison, 2011:107].

Анализ изображенной коммуникации лиц, относящихся к различным социальным классам, показывает, что лица с более высоким социальным статусом чаще всего используют резкую оценочную лексику по отношению к зависимым от них коммуникантам и это, как правило, не вызывает ответных аффективных реакций:

“Listen to me,” Satrapoulos rasped, “You’re a pimp, a gigolo, an asshole journalist, and a son of a bitch!” [The Greek, p. 454].

При коммуникации представителей высших и средних слоев общества резкая оценочная лексика, как правило, относится к третьему лицу, не участвующему в данном речевом акте. Если же оценочная номинация направлена на присутствующее лицо, она вызывает гневную ответную реакцию¹.

“What have you done to my daughter, you filthy, money-grubbing son of a bitch!”

“What did you call me?” Socrates’ voice quivered with mounting fury...

“Get fuck off my boat! Get off, you old cunt!” [The Greek, p.298].

Небезынтересно, что для этих групп коммуникантов также характерно энантиосемичное употребление СОН с целью:

а) соответствующей само характеристики: “If someone wants to show that he can afford to drive a Mercedes and that he is a tough guy, then he should learn now to switch between the language varieties connected with prestige and covert prestige” [Andersson, Trudgill, 1992:9];

б) в случае, когда возникает необходимость подчеркнуть социальную близость, высокую степень интимности, характеризующую взаимоотношения коммуникантов:

“Well, keep on living and I’ll call you next week with more plans. Okay, bait?”

“Okay, dirty old man.” [Lady Boss, p. 33].

Имеется ряд исследований [Andersson, Trudgill, 1992; Chaika, 1990; Flexner, 1975; Labov, 1966; Trudgill, 1972 и др.], результаты которых позволяют утверждать, что инвективное общение больше распространено в низших и периферийных стратах общества - а именно среди представителей низшего класса и рабочего класса, что, как правило, объясняется низким образовательным уровнем, а также распространенностью в этой среде «антиморали» и ориентацией носителей языка в этих группах на «скрытый престиж».

Концепция Л. и Дж. Милрой [1992], выделяющая три типа социальных групп в зависимости от типа связи (тесная / свободная), существующей в обществе, объясняет сохранение и поддержание таких нестандартных образцов самим характером отношений, существующим между членами этих сообществ. Принадлежность к тому или иному типу социальной группы авторы выводят из того образа жизни (Life Mode), которого придерживается индивид.

Life Mode I.

Образ жизни владельцев мелкого семейного бизнеса в сельском хозяйстве

и сфере обслуживания. Работают и отдыхают вместе. Для этого типа особенно характерна идеология солидарности. При этом типе жизни социальные отношения в форме семейных уз или кооперативные отношения между коллегами связывают производителей в четко выделенную производственную единицу.

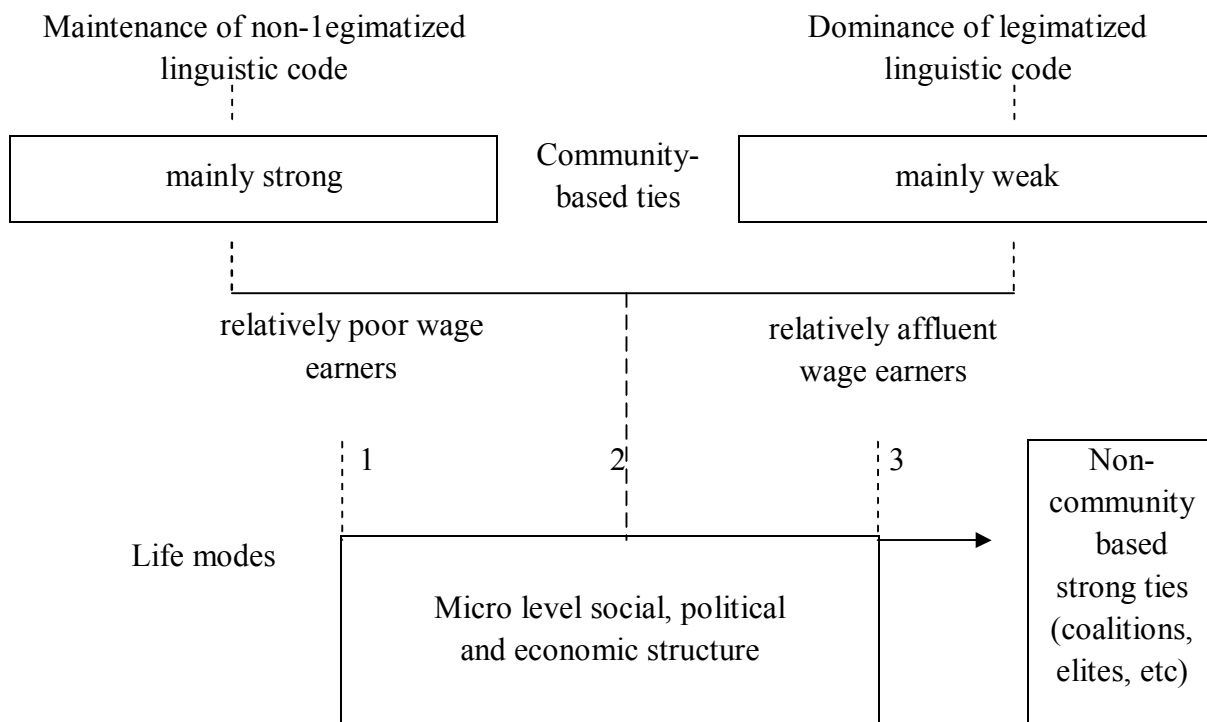
Life Mode II.

Образ жизни наемных рабочих и служащих. Их цель - обеспечить такой доход, чтобы иметь возможность «со смыслом» (meaningfully) проводить свободное время. Семьи отличает то, что они не участвуют вместе в процессе производства и не проводят досуг на рабочем месте (в отличие от L.M. I) ,

Life Mode III.

Образ жизни профессионалов высокого класса, которые участвуют в организации, контроле и управлении процессом производства. Их цель - занять наиболее высокое место в существующей иерархии, чтобы в результате управлять своим собственным производством. Это требует большой поглощенности работой, отношения с коллегами носят конкурентный характер. Граница между свободным временем и работой часто сливается.

Эта модель представляет для настоящего исследования определенный интерес, так как авторы прослеживают четкую корреляцию между типом связи между индивидами в группе и их стремлением придерживаться стандартного / нестандартного языкового кода [Milroy J., Milroy L., 1992:22].



¹ Об индикаторах аффективной речи см. Синеокова Т.Н. 1989.

Открытая Л. И Дж. Милрой зависимость между характером взаимоотношений в группе и стремлением членов этой группы придерживаться стандартного / нестандартного кода будет в дальнейшем использована в работе для объяснения функционирования СОН в некоторых ситуациях общения. Однако не всегда представляется возможным определение типа образа жизни коммуникантов (и, соответственно, характера связи между ними). Из схемы также не следует, какое поведение можно прогнозировать у индивидов, находящихся в переходной стадии из одного образа жизни к другому, а также еще несколько необъясненных в концепции моментов вызывают необходимость вернуться к традиционной классификации социальных групп.

Приведенная таблица социального состава американского общества представляет статус как набор социальных и экономических факторов, имеющих континуальную структуру - каждый последующий класс граничит с предыдущим [Labov, 1966:325]. Поэтому естественно, что в реальной действительности достаточно большой процент популяции составляют маргинальные индивиды, обладающие так называемым смешанным набором статусных параметров, позволяющим отнести их сразу к двум классам.

Наряду с подобными объективными трудностями отнесения отдельных членов языкового коллектива к определенному классу, существуют исключительно важные с лингвистической точки зрения случаи, когда отдельные представители какого-либо класса предпринимают попытки перенять (или продемонстрировать) статусные характеристики другого (обычно более высокого) класса. П. Традгилл [Trudgill, 1974:33] называет таких представителей языкового коллектива «аномальные индивиды» (anomalous individuals), а их попытки социализироваться в группе с более высоким социальным статусом – «желаемая социализация» (anticipatory socialization).

С понятием "статус" тесно связано понятие "роль" (настолько тесно, что они нередко рассматриваются как одно интегральное понятие (см., например, Kemper, 1978:377-378). В теории социальных ролей, разработанной в социологии, социолингвистике и социопсихологии, роль определяется как нормативно одобренный образ поведения, определенный набор взаимных прав и обязанностей, которые формируются на основе повторяемости роли, на основе общественного опыта, это «поведение, ожидаемое от лица, занимающего определенное общественное положение в структуре социальной организации» [Eitzen, 1988:42. Перевод наш - Э.М.].

Таким образом, можно отметить, что термин «статус» входит в понятийный ряд, связанный со стратификационной вариативностью языка, а термин «роль» - в ряд, связанный с вариативностью ситуативной. Иными словами, статус определяется совокупностью *постоянных* социальных

характеристик информантов, их местом в социальной структуре, а роль - способом поведения, детерминированным социальной ситуацией [Швейцер, Никольский, 1978:76-78; Швейцер, 1983:100]. Рассмотренные выше социологические понятия «статус» и «роль» находятся в инклюзивных отношениях еще с одним, получившим название «структура социальности» [Дешериев, 1977:1981]. Под структурой социальности понимается совокупность признаков, обусловленных особенностями социальной характеристики (общественная группа, возраст, пол, уровень образования и т. д.). Различные сочетания признаков социальности и их качественных особенностей формируют типологию социальности. Если одни параметры социальной характеристики у двух собеседников одинаковы, а другие - различны, то такие собеседники считаются «собеседниками со смешанными параметрами» [Дешериев, 1981:217].

Эквивалентная социальность наблюдается при совпадении всех основных параметров социальной характеристики. Равный социальный статус коммуникантов и выполнение ими аналогичных ролей не гарантирует наличия эквивалентной социальности.

Существенное влияние на выбор речевого средства, наряду с социальными параметрами непосредственных участников общения, оказывают также обстановка, предмет, цель коммуникации, т. е. все остальные компоненты прагматической ситуации. Такие прагматические конвенции, как власть, авторитет, ролевые отношения, отношения вежливости и др., релевантны тогда, когда участники коммуникации знают эти правила и способны их использовать. Иногда желание усилить иллокутивную силу высказывания, стремление достичь определенного прагматического результата приводят к нарушению коммуникантами этих правил.

Весьма часто характер высказывания в той или иной мере не соответствует параметрам прагматической ситуации. Примерами могут служить субколлоквиальные словоупотребления в речи образованных людей, которым хорошо известны прагматические правила уместности/неуместности употребления того или иного выражения в каждой конкретной ситуации общения:

“Where’ve you been all day?” She asked, gathering her papers into a neat stack. Rid sipped noisily at his coffee “Where do you think? Out looking for that lousy little fag.”

“She may be an important artist but she's also a real bitch.” [Where, p. 234, p. 246].

В приведенных примерах помимо нейтрализации параметра «пол» происходит нейтрализация таких параметров, как «обстановка и место

коммуникативного акта» и «предмет коммуникации». В беседе принимают участие коммуниканты со смешанными параметрами социальности (мужчины - женщины, начальник - подчиненные); предмет коммуникации составляет обсуждение хода следствия; место действия - рабочий кабинет начальника одного из отделов полиции. Участники коммуникации считают возможным игнорировать указанные параметры прагматической ситуации, поскольку на первый план выдвигаются такие релевантные для этой ситуации характеристики, как социальные отношения коммуникантов, их индивидуально-психологические характеристики, а также следование укоренившейся в этом профессиональном кругу традиции, установившей сниженную тональность общения даже в достаточно официальных ситуациях.

Следование некоторой традиции тесно связано с понятием экспектаций (ожиданий, требований), предъявляемых обществом к исполнителю соответствующей роли. В этой связи определенный интерес представляет замечание Дж Ферса о том, что «разговор гораздо больше похож на заранее (в общих чертах) заданный ритуал. Когда кто-то говорит с вами, вы находитесь в определенном контексте и не можете говорить просто все, что хочется» [Ферс, 1962:90-91].

В русле исследуемых в монографии проблем определенный интерес представляет тот факт, что существуют целые области жизни, где наличие субстандартной лексики в речевом репертуаре коммуникантов стало почти облигаторным - это армия, спорт, полиция, шоу-бизнес, азартные игры и некоторые другие. Хорошо известен пример, приведенный во многих работах, когда команда сержанта американской армии "Get your rifles!", произнесенная без известного интенсификатора, свидетельствует о неординарности и даже опасности ситуации. Это одно из свидетельств того, что распространенность инвектив в некоторых сферах жизни столь велика, что можно констатировать значимое отсутствие этически резко сниженной лексики в некоторых контекстах, когда неупотребление коммуникантами субстандартных слов имеет прагматическую значимость.

Анализ фактического материала свидетельствует о том, что сниженная лексика в этой сфере представляет собой своего рода экспрессивно-профессиональный жаргон и часто используется не столько для выражения положительного / отрицательного отношения отправителя сообщения к описываемому факту, сколько принимает форму "lazy swearing" [Mencken]. В этих случаях даже максимально этически сниженные СОН частично или полностью десемантизируются и употребляются в неэмоциональных контекстах:

"This motherfucker up there is really putting the screws in." [The

Investigation, p. 181].

В приведенном примере этически сниженная оценочная номинация употребляется в профессиональном разговоре двух полицейских о потерпевшем.

Несмотря на универсальный характер инвективного вокабуляра, отдельные речевые коллективы-пользователи СОН имеют ограниченный репертуар слов, которым отдается предпочтение в какой-то отрезок времени:

“Then let the asshole beat,” said Matthews, and Gus realized that they used “asshole” as much here in the divisions as the instructors did in the academy and he guessed it was the favourite epithet of policemen, at last Los Angeles policemen.” [The New, p. 55].

Анализ изображенной коммуникации в артистической среде показал, что этически сниженные СОН выполняют здесь преимущественно свою основную функцию - выражение мелиоративного / пейоративного отношения к предмету номинации. Речь представителей артистических профессий характеризуется широкой репертуарной представленностью и большим разнообразием средств интенсификации прагматического аспекта СОН:

“Hot damm!” he exclaimed. “Am I glad to be out of that pisshole!” [Hollywood, p. 69].

Pisshole - окказиональная субколлоквиальная оценочная номинация, которой герой книги, кинозвезда, выражает свое презрительно-пренебрежительное отношение к тому месту, где происходят съемки очередного фильма. Интенсификация прагматического аспекта в этом случае достигается как за счет необычности метафоры, и, как следствие, меньшей аморфности денотата, так и за счет того, что этот окказионализм достаточно прочно ассоциируется с другой известной СОН (обе оценочные номинации построены по одной словообразовательной модели и имеют общий лексический элемент).

В следующем примере неодобрительное отношение и раздражение героя передается за счет неординарной синтаксической позиции СОН “hot shit” в атрибутивной функции:

“All Elain seemed to want to talk about was her goddamn party, and Bibi - Hot - Shit - Sutton.” [Hollywood, p. 180].

Другой характерной особенностью речи представителей творческих профессий является частое употребление энантиосемичных СОН для демонстрации дружеского расположения к партнеру по коммуникации:

The back door closed and a moment later, Charely was standing in the living room doorway. “Who’s the fathead moron who left her stupid car blocking the driveway? Hello, Penelope.” [Boys, p. 424].

В этом, как и других аналогичных примерах, энантиосемичное употребление СОН сигнализирует адресату речи, что он относится к тем немногим избранным лицам, которые допускаются в интимное пространство адресанта.

4. Прагматические конвенции и ролевые экспектации как фактор, определяющий стратегию коммуникации

Содержание речевого ролевого репертуара определяется не только представлением о данной роли, сложившимся у членов общества в целом, но и пониманием, трактовкой этой роли ее непосредственным исполнителем, реальными речевыми и неречевыми действиями.

Имеются данные о том, что конформность в общении и, напротив, отклонение от коммуникативных конвенций (в частности, нарушение ролевых экспектаций) оказывают различное влияние на уровень привлекательности и взаимопонимания в зависимости от стадии развития взаимоотношений коммуникантов [Berger, 1979:130-133]. Например, когда двое людей встречаются впервые, близкая конформность к социально предписанным коммуникативным правилам существенна для установления позитивных отношений, необходимых для продолжения интеракции. Если же отклонение от конвенций происходит в начале интеракции, негативные последствия могут вызвать неучастие сторон в дальнейшем взаимодействии. Например, известно, что, обращаясь к незнакомым людям на улице, мы строим свое высказывание таким образом, чтобы получить адекватный ответ на свой вопрос (обычно это вопрос «Который час?» и «Как пройти?»), т. е. мы выбираем нейтральную лексику и стараемся, чтобы наш вопрос звучал вежливо. Поэтому обращение мужчины к женщине на улице: “Hey, baby, love those threads. How about doin’ the town tonight?” («Привет, детка. Классные на тебе тряпки. Не прошвырнуться ли нам вечером?») звучит шокирующе, тем более, если эти слова звучат в устах образованного молодого человека, представителя высших или средних слоев общества, хорошо знакомого с правилами речевого этикета. В этом случае отбор слов произведен очень тщательно, каждое несет свою прагматическую нагрузку, и все вместе они служат для демонстрации партнерской сути коммуниканта, а также являются знаком того, что он не хотел бы считать эту встречу формальной и рассчитывает на более близкое знакомство.

Если адресат считает, что подобное обращение не соответствует ее статусу и это не та степень интимности, которую она предпочитает в общении с незнакомыми людьми, вряд ли ее реакция будет следующей: «Я не хотела бы включать вас в круг своих знакомых. Я не считаю себя настолько доступной женщиной, и уж речи быть не может о завязывания более близкого

знакомства». Этот длинный монолог вполне может заменить одна фраза, выдержанная в формальном тоне:

“I'm busy tonight, thank you”

“Were you talking to me, sir?”

Коммуникативная компетенция адресата первого сообщения подсказывает, что в данной ситуации это именно те слова, которые способствуют достижению прагматического результата, хотя их эквивалентом, соответствующим сообщению, должно было быть: “Back off, Jack” или что-то в этом роде. Приняв предложенную тональность общения, адресат неизбежно продемонстрировал бы готовность к включению адресанта в свой интимный круг. Несмотря на формально отрицательный ответ, это могло бы служить сигналом к продолжению интеракции.

Недостатком конформности является отсутствие коммуникативно значимой информации в процессе интеракции. Поэтому по мере развития отношений отклонения от социально одобряемых норм не только приемлемы для коммуникантов, но и даже ожидаемы. Если не происходит движения в сторону неконформности, можно сделать вывод о том, что у сторон нет намерения развивать отношения в сторону неформальных и интимных. За счет отклонения от коммуникативных конвенций коммуниканты становятся уникальными индивидуальностями в глазах друг друга, распространяя отношения за пределы официальных. Причем, экспериментальные данные [Giles, 1975:144] показывают, что первые шаги в направлении большей интимности в отношениях (intimacy acquisition) всегда предпринимает лицо, обладающее более высоким социальным статусом.

Примером несовпадения ролевых ожиданий может служить диалог между жителем американского Юга и нью-йоркским таксистом, описанный в книге В. Стайрона. Причиной конфликта между коммуникантами послужило то, что приезжий дал чаевые таксисту в десять центов. Такая незначительная сумма воспринялась последним как оскорбление, реакцией на которое была интенсифицированная оценочная номинация “fucking asshole”. По словам автора книги, “such words are the common coin of the streets and of taxi drivers, and most of New-York denizens would have swallowed their gal and likewise kept their mouths shut”. Реакция же южанина, несмотря на то, что он не был ни снобом, ни пуританином (в свое время служил на флоте, работал сезонным рабочим), оказалась, как следует ниже, очень бурной именно потому, что реплика таксиста грубо нарушала его представление о «правильном ролевом поведении», «его нерушимую веру в хорошие манеры и общественную мораль»: “And I think, you must be part of the bottomless dregs of this loathsome city that sprawled you and all your foulmouthed breed!” he declaimed, shifting like

lightening into the timeless rhetorical mode of his ancestors. “Detestable scum that you are, you are no more civilized than a sewer rat! In any decent place in the United States a person like you disgorging your disgusting filth would be taken in a public square and horsewhipped...” Эта тирада продолжалась до тех пор, пока таксист не убрался с места происшествия.

В описанном эпизоде имеют место не только неоправданные ролевые ожидания, но и столкновение двух типов культур: эгалитарной культуры быстроразвивающегося Севера (в книге описаны события 50-х годов) и статусной культуры традиционного Юга или, другими словами, проявилось “multiple group memberships resulting in conflicting demands” [Eitzen, 1988:42]. В качестве других причин, не позволяющих сделать ролевое поведение коммуникантов абсолютно прогнозируемым, Айтцен называет: а) личностные особенности коммуникантов; б) отсутствие четких правил относительно того, какое ролевое поведение можно ожидать в той или иной ситуации.

Наряду с ролевыми ожиданиями важную роль в выборе стратегии речевого поведения имеют интенции коммуникантов, направленные на речевую конформность «response matching» [Giles, 1975:142] или на речевое расхождение.

5. Теория речевой аккомодации (ТРА)

Отмечаемая многими исследователями высокая степень прогнозируемости речевого поведения позволяет коммуникантам в зависимости от мотивов и целей общения (например, желание выглядеть компетентным, желание получить социальное одобрение речи, необходимость акцентировать свою принадлежность к социальной группе и т. д.) выбирать стратегию, основанную на принципе «схождения» или «расхождения» с речевым поведением получателя речи.

Группе ученых [Coupland J., Coupland N., Giles, Henwood, 1988] удалось создать социально-психологическую модель, которая объясняет и позволяет предвидеть социолингвистическое поведение и его последствия для общающихся. Эта модель получила название «Теория речевой аккомодации (ТРА)». В соответствии с основными положениями ТРА, участники коммуникации имеют в своем распоряжении одну из трех возможных стратегий:

- 1) речевое схождение (speech convergence);
- 2) речевое расхождение (speech divergence);
- 3) поддержание речи (speech maintenance).

- Речевое схождение предполагает адаптацию речевого поведения общающихся индивидов на всех языковых уровнях.

- При речевом расхождении коммуниканты подчеркивают лингвистические различия.

- Поддержание речи не сигнализирует ни о намеренном речевом схождении, ни о намеренном речевом расхождении. Однако выбор этой стратегии имеет важное интерперсональное значение.

Очевидно, что, выбрав какую-либо стратегию, коммуниканты могут ее осуществлять с разной степенью интенсивности - от минимального движения в направлении речи собеседника, до практически полного схождения речевых образцов, поэтому стратегии речевой аккомодации могут рассматриваться как стратегии, приближения (аппроксимации).

В качестве главной стратегии аппроксимации авторы ТРА называют речевую дополнительность (speech complementarity) - множество модификаций, которые подчеркивают значимые социолингвистические различия между коммуникантами, имеющими различные социальные роли.

В теории речевой аккомодации делается вывод о том, что стратегии схождения оцениваются коммуникантами как положительные, если имеется в виду психологическое схождение: быть на оптимальном социолингвистическом расстоянии от речевых образцов получателя речи, придерживаться доминирующих социолингвистических норм и т. д. для данной ситуации.

Поддержание речи и речевое расхождение будут вызывать негативные оценки и отклики участников коммуникации, особенно если получатель речи приписывает эти стратегии нежеланию отправителя сделать коммуникативное усилие или его недоброжелательному отношению к собеседнику.

ТРА, определяющая основные возможные стратегии коммуникации, а также указывающая на вероятные последствия той или иной стратегии для коммуникантов (уровень привлекательности отправителя для получателя речи и для наблюдателей процесса коммуникации), однако, не дает разъяснения по поводу того, как те или иные социальные характеристики индивида влияют на его выбор той или иной стратегии.

Наблюдения показали, что к стратегии схождения будут стремиться обе общающиеся стороны, если их отношения не носят конфронтационного характера. При этом условия менеджер на производстве (владеющий стандартным языковым кодом) в разговоре с рабочими сделает свою речь менее официальной за счет понижения тональности общения¹. В конфликтных же ситуациях обе стороны будут акцентировать свои различия, придерживаясь языкового кода своей группы.

¹ Этот пример подтверждается и выводами П. Джайлза, который отмечал, что первые шаги в отношении большей неофициальности, интимности (intimacy acquisition) всегда предпринимает лицо, обладающее более высоким статусом [Giles, 1975:144].

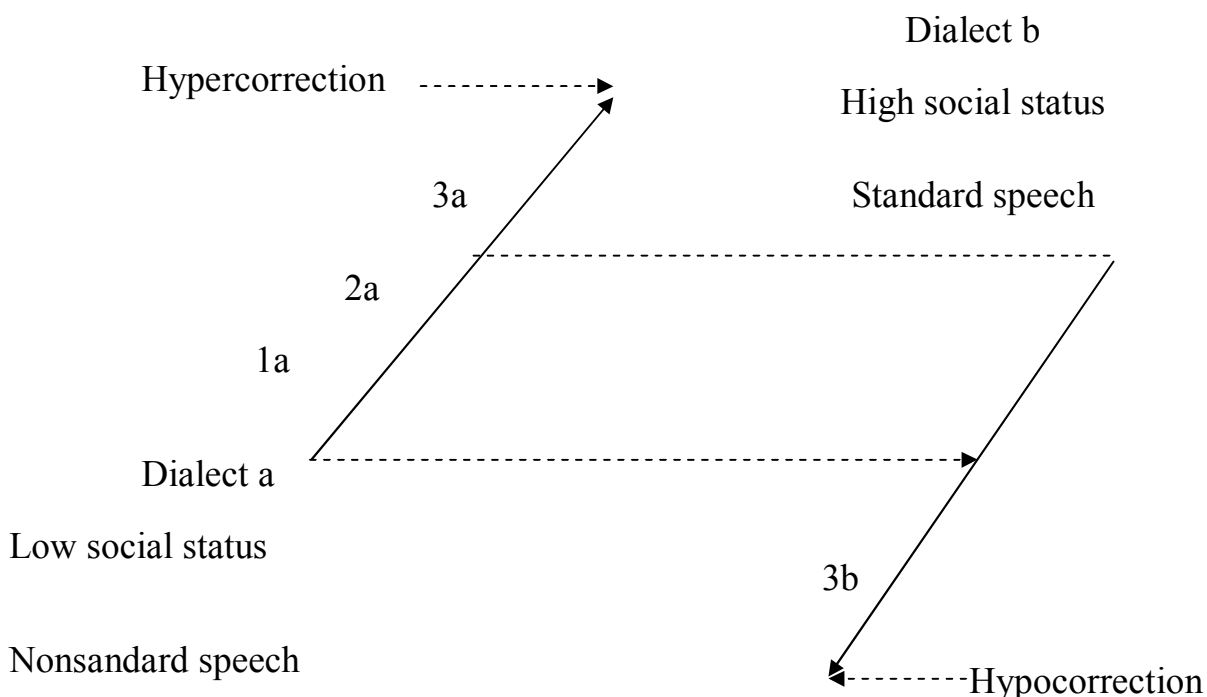
В этом случае язык выступает не только как средство коммуникации и регуляции, но и как символическое средство - через систему символов устанавливаются социальные дистанции по отношению к не членам группы (“other group”, “outsiders”) и демонстрируется принадлежность к собственной группе (“we-group”, “in-group”) [Calder, 1976:128].

Также существует мнение, согласно которому, «невзирая на все социальные сдвиги в обществе и их отражение в языке и речи, "стремление приспособиться" чаще направлено от социального или территориального диалекта к литературному языку, от вульгарной или фамильярной стилевой окрасок к нейтральной и т. д., чем наоборот.» [Аврасин, 1988:96].

Действительно, «стремление приспособиться» к более стандартному (престижному) варианту характерно для некоторых групп индивидов и некоторых типов ролеполового поведения [Labov, 1979:193], что находит свое крайнее проявление в явлении гиперкоррекции¹.

Однако для других индивидов в определенных ситуации более значимым оказывается «стремление приспособиться» к какому-либо нестандартному варианту, что может привести к явлению гипокоррекции².

Различие между гиперкоррекцией и гипокоррекцией демонстрирует приведенная схема³:



¹ Таким образом, “hypercorrection may be defined as an incorrect analogy with a form in a prestige dialect which the speaker has imperfectly mastered” [Decamp, 1972:87].

² Гипокоррекция определяется как “utterances of linguistic overcompensation beyond the nonstandard target” [Baugh, 1992:318].

³ Baugh, 1992:319.

Кодируя сообщение, отправитель речи, как правило, осознанно использует обратную связь (предвидя оценку сказанного реципиентом), меняя в ходе общения свои стратегии аппроксимации. Стратегии речевой аккомодации обусловлены психологическим состоянием, конкретными коммуникативными действиями участников интеракции, параметрами прагматической ситуации и пр.

Явление речевой аккомодации наблюдается также и в других языках: «Элементы социальных (реже территориальных) диалектов встречаются в речи людей, которые к носителям данного языка не принадлежат... Элементы социального диалекта нередко возникают в речи носителя литературной нормы, когда он общается с носителем данного диалекта, «человеком из народа», равно как и «человек из народа», общаясь с интеллигентом, часто стремится говорить «культурно», т. е. следовать нормам литературной, а порой даже и книжной речи» [Долинин, 1978:25].

В заключение отметим, что, хотя лексический уровень (словарный запас носителя языка и степень владения им) представляется одной из очевидных областей, где речь может выступать в качестве маркера различных социальных параметров коммуникантов. Это такая сфера, которая «вероятно, является одной из наиболее сложных и приносящих наименьшие результаты в изучении, область, где лингвистические понятия и приемы могут дать сравнительно мало» [Laver, Trudgill, 1979:25]. Поэтому наиболее плодотворным представляется проведение дальнейшего исследования в рамках наук социального и психологического циклов с привлечением большого массива экспериментальных данных.

ВЫВОДЫ

Этически сниженные СОН могут рассматриваться как динамический вероятностный маркер, сигнализирующий предпочтительное использование:

- лицами в состоянии аффекта;
- лицами, между которыми установились неофициальные интимные отношения;
- лицами, принадлежащими к низшим стратам общества, или же лицами, имеющим более высокий статус, чем их собеседник;
- мужчинами или женщинами - носителями реформированного языка.

Статусные позиции современного американского общества могут быть представлены как семь рангов, расположенных по нисходящей линии: элита, высший класс, средний класс, средний низший класс, рабочий класс, низший класс, люмпенизированный и деклассированный слой населения.

Выбирая из наличного языкового репертуара субколлоквиальные

оценочные номинации (особенно имеющие максимальную глубину этической сниженности), индивид заявляет о своей принадлежности к макро- (например, рабочий класс) или микро- (компания друзей, где распространено инвективное общение) социальной группе. В этом случае СОН используются для обособления и противопоставления другим - не членам группы и для идентификации «своей» социальной группы.

Для носителей этически сниженной лексики (представители низших страт общества) характерно стремление к сохранению и поддержанию внутригрупповых языковых особенностей, что находит свое объяснение в концепции социальной группы Л. и Дж. Милрой.

Присутствие в каждой социальной группе «аномальных» индивидов, стремящихся социализироваться в группе с более высоким социальным статусом, а также наличие маргинальных групп (занимающие переходное положение от одного социального статуса к другому), объясняет присутствие в речи таких коммуникантов смешанных языковых характеристик.

Речевое поведение индивида определяется не только совокупностью его постоянных социальных характеристик, его местом в социальной структуре общества, но и способом поведения, детерминированным социальной ситуацией, а также всей структурой социальности. Можно прогнозировать употребление СОН в речи коммуникантов, имеющих эквивалентную структуру социальности, если это не противоречит их этическим принципам. При неэквивалентной социальности каждый случай употребления СОН в речи имеет дополнительную психологическую или прагматическую обусловленность.

Следование ролевым ожиданиям или нарушение прагматических конвенций оказывает различное влияние на уровень привлекательности и взаимопонимания в зависимости от стадии развития взаимоотношений коммуникантов: официальные отношения требуют высокой степени речевой конформности; неофициальные, интимные отношения допускают нарушение прагматических конвенций.

Причем при развитии отношений между коммуникантами в сторону неофициальности первыми «неконформное» поведение демонстрируют лица с более высоким социальным статусом.

Предъявление ролевых ожиданий является важной формой социального контроля, под которым понимается набор санкций, регулирующих взаимоотношения членов социальных групп, корректирующих исполнение каждым членом предписанной ему собственной позиции, в группе (этот набор санкций охватывает как вербальное, так и невербальное поведение членов группы).

Установлено, что в процессе индивидуальной коммуникации

собеседники выбирают стратегию, основанную на принципе «схождения» или «расхождения» с речевыми образцами получателя речи.

Осуществление этих стратегий может производиться с разной степенью интенсивности. Стремление приспособиться к речи реципиента получает свое максимальное выражение в явлениях гиперкоррекции и гипокоррекции.

Анализ языковых элементов, участвующих в осуществлении регулятивной функции, позволил выделить на уровне отдельного акта коммуникации репертуар средств, которые характеризуют высказывание в целом как «сильное». Наряду с другими, к таким языковым средствам относятся СОН.

Традиционное выделение в лингвистической литературе образцов «мужской» и «женской» речи одновременно представляет их как примеры «слабой» и «сильной» речи, поэтому этически сниженная лексика (в частности, СОН) может рассматриваться как вероятностный маркер половой принадлежности коммуникантов, который, однако, не связан напрямую с полом, а обусловлен культурными взглядами на роль мужчин и женщин в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании рассмотрены системные и функциональные особенности субколлоквиальных оценочных номинаций, располагающихся на шкале этической ценности ниже коллоквиальных лексических единиц и выделяемых на основании признака престижности слова. Целесообразность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения единиц низкого и низшего страта, характеризующихся уже в системе языка высокими регулятивными потенциями.

Представляется, что выбранный в качестве операционного термин «субколлоквиализм» наиболее адекватно отражает сущность исследуемых единиц. Принадлежность этих слов к субнейтральной лексике определяется их пониженной, по сравнению с нейтральной и супернейтральной лексикой, этической ценностью. Не противоречит содержанию термина и включение в исследуемый материал слов, обладающих минимальной этической ценностью.

Расширение границ объекта исследования за счет лексических единиц, обладающих предельной глубиной этической сниженности, обусловлено:

а) отсутствием в отечественной англистике работ, фронтально исследующих табуированную лексику с лингвистической, социальной и психологической сторон.

б) самим семантическим содержанием этой группы лексики, которое обеспечивает ее прагматическую заряженность в любом контексте.

Другими аргументами в пользу включения табуированной лексики в материал исследования послужили: универсальность вульгарного словаря, высокая подвижность лексических единиц этого слоя, являющаяся результатом активной дисфемизации сфер общения, общность осуществляемых функций со словами, занимающими более высокое положение на шкале этической значимости лексики, а также относительность понятия «глубина этической сниженности», невозможность ее определения на парадигматическом уровне для единиц, обладающих максимальной и абсолютной экспрессией. Реальная глубина этической сниженности может быть определена только в контексте в результате сопоставления всех параметров прагматической ситуации.

При выделении СОН из словарного массива учитывалась также тематическая отнесенность лексической единицы, т. к. выяснилось, что большую группу СОН составляют слова, определение аксиологического знака которых представляется затруднительным в силу существующей в сфере неофициального общения «антиморали». В исследовании не рассматриваются лексические единицы с социально-опосредованной ориентированностью оценки, которая может значительно колебаться (до контраста) в различных

социальных группах. Ориентированность оценки в этом случае определяется широким экстралингвистическим контекстом, и оценка практически сводится к морально-этически-идеологической ориентации субъекта. В эту группу лексики входят, помимо прочих, лексические единицы, относящиеся к семантическим полям «несанкционированные сексуальные отношения», «пьянство», «наркомания» - эти единицы исключались из материала исследования, поскольку прагматическая направленность этих слов на уровне системы не определяется. Из исследуемого корпуса по этой же причине исключались амбивалентные СОН.

Проведенное исследование на уровне парадигматики с последующим дефиниционным анализом, а также анализ функционирования указанных единиц в речи дают основание утверждать, что в большой группе СОН содержится информация, которая выражает закрепленное в языковой единице отношение говорящего к соотнесенному со словом понятию, предмету или ситуации общения в целом. Такая информация рассматривается в работе как узуальный прагматический аспект СОН.

Известная близость понятий «коннотация» и «прагматический аспект» сделали актуальной для исследования задачу их разграничения. Под коннотацией в работе понимается дополнительная (но актуальная для говорящего) информация, которая не находит отражения в семантической структуре слова и формируется на основе постоянных ассоциативных связей, возникающих у носителей языка в одном языковом коллективе. Прагматический аспект семантики слова - это вся лексикализируемая и, соответственно, лексикографируемая информация, отражающая отношение (в широком смысле слова) говорящего к субъекту или объекту высказывания.

Разноплановость факторов, формирующих прагматическую информацию, обуславливает комплексный характер прагматического аспекта слова. Поэтому многокомпонентность рассматривается как онтологическое свойство прагматического аспекта семантики СОН. В качестве системных параметров прагматического аспекта выделяются эмотивность, оценочность, интенсивность и эвокативная отнесенность.

Поскольку прагматический аспект является элементом семантической структуры слова, следовательно, он должен найти отражение в его лексикографическом толковании. Поэтому выявление прагматически заряженного субколлоквиального фонда американского варианта английского языка проводилось посредством анализа словарных дефиниций и словарных помет (всего было выявлено 967 субколлоквиальных оценочных номинаций).

Анализ семантической структуры СОН показал, что ведущий компонент прагматического аспекта - эмотивно-оценочные семы могут составлять

семантическое ядро слова или занимать относительно периферийное положение, выражая дополнительную информацию. При этом была выявлена следующая закономерность - в семантике большинства СОН эмотивная оценка референта обусловлена самим смысловым содержанием наименования. Поэтому ведущий компонент прагматического аспекта рассматривается в работе как часть денотативно-кваликативной области семантики обладающий тематической прагматической потенцией.

Стилистические семы (эмотемы) рассматриваются в работе как компонент семантики прагматического аспекта, обладающий интенсифицирующими / деинтенсифицирующими потенциями: предельная глубина этической сниженности способствует интенсификации пейоративных СОН и деинтенсифицирует мелиоративные лексические единицы.

Тематическая отнесенность СОН, определяющая набор актуальных для данной области словаря смыслов, свидетельствует об определяющей роли тех сфер в некодифицированной части культуры, которые формируют сущностные характеристики исследуемого лексического пласта: большая часть материала представлена единицами антропоцентрической направленности, обозначающими характеристики внешнего облика человека и его внутренних качеств. Из 967 единиц только 70 не относятся к семантической сфере «человек», номинируя другие значимые для носителей языка объекты. В тематическом пространстве СОН, как и в коллоквиализмах, отмечается значительное преобладание дескриптивных оценочных единиц над статусными.

Проведенное исследование позволило установить следующие виды реализации предметных сем:

- адекватная реализация всех сем денотативного макрокомпонента с возможной интенсификацией прагматически значимых для данной ситуации сем;
- девальвация некоторых предметных сем;
- модификация денотативного макрокомпонента, проявляющаяся в полной десемантизации дерогативной оценочной номинации и приобретении ею окказионального значения.

В зависимости от коммуникативных интенций отправителя речи узуальный прагматический аспект в речи может интенсифицироваться, деинтенсифицироваться, модифицироваться.

Прагматический аспект семантики СОН может интенсифицироваться на лексическом уровне:

- за счет семантики близких слов;
- за счет метафорического переноса;
- за счет атрибутивного употребления а) прилагательных различной

субъязыковой отнесенности и б) этически сниженных существительных;

- за счет реализации кореферентных лексических единиц, принадлежащих к различным функциональным стилям;

- за счет противопоставления СОН антонимичному словосочетанию.

На синтаксическом уровне в качестве интенсификаторов выделяются:

- конструкции с местоимениями *you, that*;

- риторический вопрос;

- эмоционально-оценочные предложения с интродукторами *how* и *what*;

- отклонение от прямого порядка слов;

- назывные предложения.

Чаще всего интенсификация прагматического аспекта СОН достигается благодаря комбинации нескольких средств усиления.

Исследование также установило, что при речевой мелиорации субколлоквиальных пейоративов их номенклатура для каждой группы общающихся отбирается в процессе коммуникации в соответствии с теми границами этической приемлемости, которые устанавливаются для себя коммуниканты.

Синтаксические позиции, занимаемые СОН в структуре предложения, определяются не только их частеречной принадлежностью (все СОН - существительные), но и их семантической спецификой.

Социолингвистический анализ СОН позволяет утверждать, что этически сниженные оценочные номинации могут рассматриваться как динамический вероятностный маркер, сигнализирующий предпочтительное использование:

- лицами в состоянии аффекта;

- лицами, между которыми установились неофициальные интимные отношения;

- лицами, принадлежащими к низшим стратам общества, или же лицами, имеющими более высокий статус, чем их собеседник;

- мужчинами или женщинами - носителями реформированного языка.

Можно прогнозировать употребление СОН в речи коммуникантов, имеющих эквивалентную структуру социальности, если это не противоречит их этическим принципам. При неэквивалентной социальности каждый случай употребления СОН в речи имеет дополнительную психологическую или прагматическую обусловленность.

Проведенное исследование позволило выявить ряд проблем, которые могут быть решены в рамках намеченной темы. Очень внимательного отношения, например, заслуживает проблема интерэтнической энантиосемии в сфере СОН, так как решение этого вопроса может иметь не только теоретическое значение в плане получения дополнительных

культурологических знаний о стране изучаемого языка, но и имело бы практическое значение при переводе: буквальный перевод определенной СОН может привести к другому, более сильному или слабому прагматическому эффекту. Несомненный интерес представляет сравнительное лексикографическое исследование табуированной лексики как в синхроническом, так и диахроническом аспектах. Поскольку отмечалось, что словари «на самом деле являются глоссариями с идеологизированным содержанием, направленным на пробуждение сознания их читателей» [Words and Social Change, p. 244. Перевод наш - Э.М.], то можно предположить, что подобный анализ может дать весьма достоверную картину изменений в общественном сознании того или иного языкового коллектива. Также представляется плодотворным исследование прагматической функции, прагматического воздействия и значения субколлоквиальных оценочных единиц в «макрокоммуникативном акте» - целом речевом произведении, целом тексте, где «конечными» участниками коммуникации являются адресант - писатель и адресат - массовый читатель.

Представляется, что даже немногие намеченные проблемы, ждущие своего освещения, позволяют судить о СОН как о перспективной исследовательской сфере.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. Л.: Просвещение, 1975.
2. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент: ФАН, 1973. – 401 с.
3. Азнаурова Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. М., 1974. – 36 с.
4. Азнаурова Э.С. Аспекты прагматического содержания слова // Семантика и типология разносистемных языков: Сб. науч. тр. Ташкент, 1983. Вып. 709. С. 83-96.
5. Азнаурова Э.С. Роль слова в создании прагматической направленности высказывания // Семантика и типология разносистемных языков: Сб. науч. тр. Ташкент, 1984. С. 118-132.
6. Азнаурова Э.С., Рабинович Ц.А. Роль слова в создании прагматики художественного текста // Семантика и типология разносистемных языков: Сб. науч. тр. Ташкент, 1986. С. 95-102.
7. Алексеев А.Я. Стилистическая информация языкового знака // Филологические науки. 1982. № 1. С. 50-55.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. – 367 с.
9. Апресян Ю.Д. Значение и оттенок значения // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1974. Т. 40. № 4. С. 320-330.
10. Апресян Ю.Д. Английские синонимы и синонимический словарь // Англо-русский синонимический словарь. М.: Русский язык, 1979. С. 500-542.
11. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
12. Арнольд И.В. О контекстуальном значении и семантическом статусе слова // Английская филология: Ученые записки. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1965. Т. 272. С. 18-41.
13. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования (на материале имени существительного). Л.: Просвещение, 1966. – 192 с.
14. Арнольд И.В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблема экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка: Сб. науч. р. Л., 1975. С. 11-20.
15. Арнольд И.В. Метаязык и концептуальный аппарат компонентного анализа // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте. Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии: Сб. науч. тр. Л., 1985. Вып 5. С. 710-116.

16. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. Л.: Просвещение. Ленинградское отделение, 1973. – 303 с.
17. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова // Филологические науки. 1973. № 3.
18. Арутюнова Н.Д. Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М.: 1976(а). С. 92-146.
19. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976(б). – 382 с.
20. Арутюнова Н.Д. К проблеме функционирования типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 355.
21. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-11.
22. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – 341 с.
23. Аспекты семантических исследований лексикологии. М.: Наука, 1980. – 355 с.
24. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Гос. Учебно-педагогическое издательство мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 296 с.
25. Ахманова О.С. Лингвистическое значение и его разновидности // Проблема знака и значения. М.: Издательство МГУ, 1969. С. 110-113.
26. Ахманова О.С., Манерова И.М. Прагматическая лингвистика, прагмалингвистика и лингвистическая прагматика // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 43-48.
27. Банникова И.А. Актуализация. Выдвижение – Стилистический аспект // Вопросы стилистики. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. Вып. 15. С. 67-75.
28. Белл Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. – 318 с.
29. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – 135 с.
30. Беляевская Е.Г. Семантика слова: Учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
31. Бельчиков Ю.А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. 2002. № 4. С. 66-74.
32. Берлизон С.Б. Сочетаемость слов как формальный критерий выделения эмоционального значения и как средство его раскрытия и уточнения //

- Проблемы семасиологии и лингвостилистики: Сб. науч. тр. Рязань, 1973. Вып. 1. Ч. 2. С. 259-305.
33. Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. – 607 с.
 34. Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, дискурс и личность: Межвуз. сб. науч. тр. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1990. С. 26-31.
 35. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва; Воронеж: ИЯ РАН Воронежский государственный университет, 2002. С. 103-114.
 36. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40. № 4. С. 333-342.
 37. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Наука, 1990.
 38. Васильева И.Б. К вопросу о соотносительности биологического пола, грамматического рода и гендера // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10(28). С. 39-44.
 39. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. – 613 с.
 40. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. – 237 с.
 41. Винокур Т.Г. К характеристике говорящего: интенция и реакция // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 11-22.
 42. Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1978. – 200 с.
 43. Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1978. – 200 с.
 44. Вольф Е.М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 273-294.
 45. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 288 с.
 46. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 50-55.
 47. Гак Е.Г. Беседы о французском слове. М.: Наука, 1966.
 48. Гак Е.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. М.: Наука, 1971. С. 78-96.
 49. Гак Е.Г. К проблеме семантики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 367-395.
 50. Гак Е.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения. 1977. – 264 с.

51. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию: Профессору Московского ун-та акад. Виноградову. М., 1958. С. 103-124.
52. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974. – 175 с.
53. Говердовский В.И Диалектика коннотации и денотации (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания. 1976, № 3. С. 20-31.
54. Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. М., 1976. № 3. С. 20-31.
55. Головин Б.Н. Язык и стилистика. М.: Просвещение, 1971. – 191 с.
56. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.
57. Графова Т.А. роль эмотивной коннотации в семантике слова: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. – 250 с.
58. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 67-98.
59. Гриценко Е.С. Мелиоративная лексика в английской разговорной речи: Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986. – 208 с.
60. Девкин В.Д. немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
61. ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
62. Дешериев В.Д. Социальная лингвистика: К основам общей теории. М.: Наука, 1977. – 382 с.
63. Дешериев Ю.Д. Теория языка и речевая практика // теоретические проблемы социальной лингвистики. М.: Наука, 1981. С. 210-220.
64. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л.: Просвещение, 1978. – 343 с.
65. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
66. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа. 1980. – 224 с.
67. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // новое в лингвистике. М.: прогресс, 1960. Вып. 1. С. 264-390.
68. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1962. Вып. 2. С. 117-136.

69. Жельвис В.И. Жанры речи. Обзывания как национально-специфическая характеристика. *Англо-русские бранные предпочтения*. 2011. № 7. С. 12-26.
70. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: Психологическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Яр. ГУ, 1990. – 81 с.
71. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. – 349 с.
72. Замашкин Ю.А. Личность в современной Америке. М.: Мысль, 1980. – 216 с.
73. Звегинцев В.А. Семасиология. М.: Издательство МГУ, 1957. – 321 с.
74. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во МГУ, 1976. – 307 с.
75. Земскова Т.В. Коллоквиальные наименования лица в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1991. – 160 с.
76. Казаева Н.Н. К проблеме ограничения субколлоквиальной лексики от других лексических пластов английского языка // *Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Респ. сб. Горький, 1980. Вып. 11. С. 107-115.*
77. Казаева Н.Н. Английская субколлоквиальная лексика: Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1982. – 185 с.
78. Караулов Ю.М. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Науки, 1981. – 336 с.
79. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л.: наука, 1965. – 110 с.
80. Кацнельсон С.Д. типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. – 216 с.
81. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
82. Киселева Л.А. К проблеме языковой детерминации речевого воздействия // *Материалы 8-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: 1985. С.8-9.*
83. Клаус Г. Сила слова. М.: Прогресс, 1967. – 209 с.
84. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. – 149 с.
85. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. – 231 с.
86. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. – 175 с.

87. Комлев Н.Г. Компоненты содержания слова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. – 22 с.
88. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.
89. Копанадзе Л.А. Способы выражения оценки в устной речи // Разновидности городской устной речи. М.: Наука, 1988. С. 151-156.
90. Королева О.П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002. – 22 с.
91. Крушельницкая Г.К. Проблемы взаимосвязи языка и мышления // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. М., 1970.
92. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: наука, 1991. – 200 с.
93. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. – 200 с.
94. Кувинова Н.Б. Проблемы научного описания английской лексики положительной оценки // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1988. Вып. 310. С. 259-305.
95. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике. М.: Наука, 1991. – 154 с.
96. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2004. – 27 с.
97. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
98. Левковская К.А. теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М.: Высшая школа, 1962. – 296 с.
99. Леонтьев А.А. Языкознание и психология. М.: Наука, 1966. – 80 с.
100. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983. С. 5-20.
101. Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1974.
102. Леонтьев А.А. Психологические единицы порождения речевого высказывания. М.: Наука, 1969. – 307 с.
103. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
104. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой (логический, языковой и прагматический аспекты): Монография. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1992. – 160 с.
105. Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике // Уч. записки Тартунского университета. Тарту, 1964. Вып. 160. – 195 с.

106. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семиотики. Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.
107. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе словаря и речи // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Ин-т языкознания. М.: Наука. С. 157-178.
108. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
109. Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск, 1989.
110. Мальцев В.А. К вопросу о выявлении эмоциональной лексики в английском языке // Вопросы лексикологии и грамматики иностранных языков. Минск: Высшая школа, 1963. С. 3-29.
111. Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 179-204.
112. Медведева С.Ю. Эмоциональность и экспрессивность в содержании слова // Лексическая и стилистическая семантика. Барнаул, 1980. С. 18-127.
113. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М.: Высшая школа, 1974. – 202 с.
114. Миллер А.А. Стилистически сниженная лексика и ее отражение в двуязычных словарях: Дис. ... докт. филол. наук. Алма-Ата, 1972. –343 с.
115. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 281-309.
116. Михайловская В.И. О лексических средствах выражения эмоциональности // Вопросы теории английского языка: Ученые записки ЛГПИ, 1965. Т. 261. С. 93-106.
117. Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm>, свободный. – Загл. с экрана. Дата обращения: 10.10.2013.
118. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 106 с.
119. Мягкова Е.Ю. Эмотивность и эмоциональность – две научные парадигмы // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин, 1988. С. 73-78.
120. Никитин М.В. Лексическое значение слова (Структура и комбинаторика). М.: Высшая школа, 1983. – 127 с.
121. Никитин М.В. О структуре лексического значения // Слово и предложение в структурно-семантическом аспекте // Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. Вып. 5. С. 116-125.

122. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М.: Наука, 1988. – 165 с.
123. Новиков Н. Социальная группа. – Философская энциклопедия. М.: Наука, 1970. Т. 5.
124. Носенко Э.Л. Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975. – 130 с.
125. Общечная лексика // Электронная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/свободный>. – Загл. с экрана. Дата обращения: 10.10.2013).
126. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984, – 222 с.
127. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. Минск: Вышэйшая школа, 1989. – 236 с.
128. Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен (на материале немецкого языка). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2005. – 128 с.
129. Потебня А.А. Мысль и язык // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. С. 134-142.
130. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев: Вища школа, 1987. – 129 с.
131. Прошин А.В. О выделении стилистического значения в качестве самостоятельной лингвистической категории // Проблемы семасиологии и стилистики. Рязань, 1973. Вып. I. Ч. 4. С. 73-100.
132. Рейнковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс 1979. – 392 с.
133. Ретунская М.С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речевой деятельности // Вестник Харьковского университета: Сб. науч. тр. 1988. Вып. 322. С. 81-87.
134. Ретунская М.С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речевой деятельности // Вестник Харьковского университета: Сб. науч. тр. 1989. Вып. 339. С. 81-85.
135. Ретунская М.С. Взаимосвязь стилистического и аксиологического и аксиологического параметра слова // Вестник Харьковского университета: Сб. науч. тр. 1988. Вып. 322. С. 82-87.
136. Ретунская М.С. Прагматические характеристики эмоционально-оценочной лексики в речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сб. науч. тр. Горький, 1989. С. 99-108.
137. Рябова К.М. Коллоквиальная лексика современного английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1979. Т. 1, 2.

138. Сакиева Р.С. Немецкий язык: Эмоциональная разговорная речь. М., 1991.
139. Саликова Н.К. Энантисемия в языке и в речи // Исследование языковых единиц в функциональном аспекте: Сб. науч. тр. Ташкент, 1989. С. 85-90.
140. Сапожникова О.С. Коннотативные значения французских лингвистических единиц // Иностранные языки в школе, 1985. № 6. С. 14-18.
141. Сдобников В.В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. – 196 с.
142. Синеокова Т.Н. Экспликационная специфика английских коллоквиальных конструкций, реализуемых в состоянии аффекта: Дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1989. – 180 с.
143. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Астрель, 2003.
144. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Уч. пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.
145. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985.
146. Скребнев Ю.М. Некоторые вопросы лингвистического использования данных коллоквиалистики // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1989. С. 128-137.
147. Скребнев Ю.М. Аксиомы, псевдопроблемы и проблематика стилистики // Вопросы языкознания. М., 1991. № 1. С. 128-137.
148. Славина М.Н. Этически сниженная лексика в современной английской драматургии: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. – 197 с.
149. Степанов Ю.С. В поисках прагматики // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1981. Т. 40. № 4. С. 325-332.
150. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиология // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 294-358.
151. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965. – 345 с.
152. Стерлигов С.Г. Коммуникативно-прагматический аспект немецкой символики и структура ее оценочной семантики // Морфологические и семантические проблемы слова как номинативной единицы. Горький, 1988. С. 134-140.
153. Стернин И.А. Проблема сквернословия. Туапсе: ГУП «Туапсинская типография», 2000. – 30 с.

154. Стернин И.А. Коммуникативный подход к слову и обучение лексике // Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988. С. 103-109.
155. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. – 156 с.
156. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 171 с.
157. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. С. 129-154.
158. Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989. С. 9-16.
159. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. – 143 с.
160. Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 5-35.
161. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36-66.
162. Травничек Ф. Некоторые замечания о значении слова и понятии // Вопросы языкознания. 1956. № 1. С. 74-76.
163. Туранский И.И. Средства интенсификации высказывания в английском языке. Куйбышев, 1987. – 78 с.
164. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990. – 173 с.
165. Уфимцева А.А. Типы словестных знаков. М.: Наука, 1974. – 205 с.
166. Уфимцева А.А. Лексическое значение слова. Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука. 1986. – 239 с.
167. Ферс Дж. Техника семантики // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 78-98.
168. Фефилов А.И. Прагматические компоненты языковых единиц // Коммуникативно-прагматические функции языковых единиц: Межвуз. сб. Куйбышев, 1990. С. 7-13.
169. Фоменко Ю. Сибирские огни. Вирус, разъедающий совесть человека. Новосибирск: 2010, № 2. С. 181-185
170. Хидекель С.С., Кошель Г.Г. Природа и характер языковых оценок (лексические и прагматические компоненты в семантике языкового знака). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 11-16.

171. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. Вологда, 1971. – 102 с.
172. Хомяков В.А. Структурно-семантические и социально-стилистические особенности английского экспрессивного просторечия. Вологда, 1974. – 103 с.
173. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. – 192 с.
174. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. С. 29-33.
175. Шаховский В.И. Лексикография и коннотативная семантика // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж, 1983(а).
176. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983(б). – 91 с.
177. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1977. – 176 с.
178. Швейцер А.Д., Никольский Л.В. Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа, 1978.
179. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США. М.: Наука, 1983. – 216 с.
180. Шепелева П.М. Ненормативная лексика и проблемы ее перевода в телесериалах США и Великобритании // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Электронный ресурс], 2012. № 2. Дата обращения 4.10.2013.
181. Шипицина Г.М. Структура значения слова и отношения между образующими ее компонентами // Филологические науки. 1993. № 3. С. 67-77.
182. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М.: Просвещение, 1964. – 240 с.
183. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Просвещение, 1964. – 240 с.
184. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, – 167 с.
185. Щерба Л.В. избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л., 1968.
186. Abercrombie N. et al. Sovereign Individuals of Capitalism / Nicholas Abercrombie, Stephen Hill, Bryan S. Turner. London etc.: Allen and Unwin, 1986. – 211 p.
187. Adams P.M. Bad Mouth: Fugitive Papers on the Dark Side. Berkeley: Univ. of California Press, 1977. – 138 p.

188. Adams Jon-K. *Pragmatics and Fiction*. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1985. – 78 p.
189. *Aggression and Violence* / Ed. by Peter March and Anne Campbell. New York: St. Martin's Press, 1982. – 242 p.
190. Alexander Th. *Human Development in an Urban Age*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice Hall, 1973. – 336 p.
191. Anderson L.G., Trudgill P. *Bad Language*. London: Penguin Books, 1992.
192. Anderson R.E., Carter J. *Human Behavior in the Social Environment: A Social Systems Approach*. 2-nd edition. Chicago: Aldine, 1978. V. VII. – 199 p.
193. *Apocalypse Culture* / Ed. by Adam Parfrey. New York; Amok Press, 1987. – 272 p.
194. Appelt D.E. *Planning English Sentences*. Cambridge etc: Cambridge University Press, 1985. – 171 p.
195. Ashnorth P.D. *Social Interaction and Consciousness*. Chichester etc.: Wiley, 1979. – 227 p.
196. Atwarter E. *Human Relations*. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986. – 617 p.
197. Bandura A. *Social Foundations of thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs (N.Y.): Prentice Hall, 1986. – 617 p.
198. Baron R.A. *Human Aggression*. New York; London: Plenum Press, 1977. – 298 p.
199. O'Barr W. *Asking Right Questions about Language and Power*. Beverly Hills etc.: Sage, 1984. P. 260-280.
200. Bartish R. *Norms of Language: Theoretical and Practical Aspects*. London; New York, 1987. – 348 p.
201. Battistella E.L. *Bad Language: Are Some Words better than Others?: Oxford University Press, 2005.- 230p.*
202. Baugh J. *Hypercorrection: Mistakes and Production of Vernacular African English as a Second Dialect // Language and Communication*. 1992. Vol. 12. № 3 / 4. P. 317-326.
203. Becker J.A. and Smenner P.S. *The Spontaneous Use of Thank You by Preschoolers as a Function of Sex, Socioeconomic Status, and Listener's Status // Language in Society*. 1986. Vol. 15, № 4. P. 537-546.
204. *Being Human in a Techological Age* / Coll. and ed. by Donald m. Borchert and David Stewart. Athens; OH: Ohio University Press, 1979. – 168 p.
205. Bell A. *Language Style as Audience Design // Language in Society*. 1984. Vol. 13. № 2. P. 145-204.
206. Benenson J.F. *Greater Preference among Females than Males for Dyadic Interaction in Early Childhood // Child Development*. 1993. Vol. 64. № 2. P. 554-555.

207. Berger Ch. R. Beyond Initial Interaction: Uncertainty, Understanding and the Development of Interpersonal Relationship // *Language and Social Psychology*: Oxford: Basil Blackwell, 1979. P. 122-144.
208. Billings D.K. Expressive Style and Culture: Individualism and Group Orientation Contrasted // *Language in Society*. 1987. Vol. 16. № 4. P. 475-498.
209. Bilous F.R. and Krauss R.M. Dominance and Accommodation in the Conversational Behaviours of Same and Mixed Gender Dyads // *Language and Communication*. 1988. Vol. 8. № 3 / 4. P. 183-194.
210. Blackar R.M. Language as a Means of Social Power // *Pragmatics. Theory and Practice*. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. P. 131-162.
211. Bosmajian H. *The Language of Oppression*. Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1974. – 263 p.
212. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power* / Ed. and introd. By J. B. Thompson. Transl. by G. Raymond and M. Adamson. Polity Press, 1991. – 291 p.
213. Bradac J.J., Mulac A. and House A. Lexical Diversity and Magnitude of Convergent versus Divergent Style Shifting: Perceptual and Evaluative Consequences // *Language and Communication*. 1988. Vol. 8. № 3 / 4. P. 213-228.
214. Bresnahan M.J. Gender Differences in Initiating Requests for Help // *Text. An Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1993. Vol. 13. № 1. P. 7-28.
215. Brown P., Fraser C. *Speech as a Marker of Situation // Social Markers of Speech*. Cambridge: Cambridge university Press, 1979. P. 33-62.
216. Brownlow S. Seeing and Believing: Facial Appearance, Credibility and attitude Change // *Journal of Nonverbal Behavior*. 1992. Vol. 16. № 2. P. 101-115.
217. Mc. Cabe A., Lipcomb T. Sex Differences in Children's Verbal Aggression // *Child development*. 1988. Vol. 34. № 4. P. 389-401.
218. Calder N. *The Human Conspiracy*. New York: Viking, 1976. – 141 p.
219. Cameron D. "Not Gender Difference but the Difference Gender Makes" – Explanation in Research on Sex and Language // *International Journal of the Sociology of Language*. 1992. Vol. 94. P. 13-26.
220. Chaika E. *Language the Social Mirror*. Second Edition. London; New York: Newbury House Publishers, 1990. – 359 p.
221. Chaise S. *Roads to Agreement-Successful Methods in the Science of Human Relations*. New York: Harper, 1951.
222. Chambers J.K. Linguistic Correlates of Gender and Sex // *English World-Wide*. 1992. Vol. 13. № 2. P. 173-218.

223. Charlebois J. Ladylike Men and Guyland: Cross-Cultural Accomplishments of Masculinities // *Intercultural Communication: A Reader* / Ed. by L.A.Samovar, R.E.Porter, E.R.McDaniel. Wadsworth Sengage Learning, 2012. P. 198-205.
224. Chomsky N. Language and politics / Ed. by C. Potero. Montreal; New York: Black Rose Books, 1988. – 779 p.
225. Clarke D.D. Language and Action: A Structural Model of Behaviour. Oxford, etc.: Pergamon Press, 1983. – 318 p.
226. Coates J. Women, Men and Language Studies in Language and Linguistics. London; New York: Longman, 1989. – 175 p.
227. Coates J. Introduction to Chapter 6 // *Women in Their Speech Communities*. London; New York: Longman, 1989. P. 63-73.
228. Coates J. Problems of Sex Differences // *Women in Their Speech Communities*. London; New York: Longman, 1989. P. 13-26
229. Cohen B.P. and Lee H. Conflict: Conformity and Social Status. Amsterdam (a.o.): Elsevier, 1975. – 203 p.
230. Corson D. Social Dialect, the semantic Barrier, and Access to Curricular Knowledge // *Language in Society*. 1983. Vol. 12. № 2. P 213-222.
231. Costello J. love, Sex and War: Changing Values, 1939-1945. London: Collins, 1985. – 384 p.
232. Coupland J., Coupland N., Giles H., Henwood K. and Wiemann J. Elderly Self-Disclosure: Interactional and Intergroup Issues / *Language and Communication*. 1988. Vol. 2. № 2. P. 109-134.
233. Coupland N. and Giles H. introduction: The Communicative Contexts of Accommodation // *Language and Communication*. 1988. Vol. 8. № 3 / 4. P. 175-182.
234. Coupland J., Coupland N., Giles H. and Henwood K. Accomodating the Elderly: Invoking and Extending a Theory // *Language in Society*. 1988. Vol. 17. № 1. P. 1-42.
235. Coupland N., Coupland J. “How are you?” Negotiating Phatic Communication // *Language in Society*. 1992. Vol. 21. № 2. P. 207-230.
236. Decamp D. Hypercorrection and Rule Generalization // *Language in Society*. 1972. Vol. 1. № 1. P. 87-90.
237. Dellar H., Walkley A. Innovations Advanced: Coursebook. Thomson, 2007. – 176 p.
238. Deuchar M.A. Pragmatic account of Women’s Use of Standard Speech // *Women in Their speech Communities*. London; New York: Longman, 1989. P. 27-32.

239. Dubois B. and Crouch J. The Question of Tag Questions in Women's Speech: They don't really Use More of Them, Do They? // *Language in Society*. 1975. Vol. 4. № 3. P. 289-294.
240. Eckert P. Cooperative Competition in Adolescent "Girl Talk" // *Discourse Progress*. 1990. Vol. 13. № 1. P. 91-122.
241. Eckert P., Mc. Connell-Ginet S. Think Practically and Look Locally // *Language and Gender as Community Based Practice; Annual Review of Anthropology*. 1992. Vol. 21. P. 461-490.
242. Edelman M. *Political Language. Words That Succeed and Policies That Fail*. New York; San Francisco; London: A Subsidiary of Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 1977. – 164 p.
243. Edmondson W. *Spoken Discourse: A Model for Analysis*. London, New York, 1981. – 214 p.
244. Eitzen D. Stanley. In *Conflict and Order: Understanding Society*. Boston, etc.: Allyn and Bacon, 1988. – 637 p.
245. Elgin S.H. *The Language Imperative*. Cambridge; Massachusetts: Perseus Publishing, 2000. – 206 p.
246. Eliasoph N. Politeness, Power and Women's Language: Rethinking Study in *Language and Gender* // *Berkeley Journal of Sociology*. 1987. Vol. 32. P. 79-103.
247. Ellenson A. *Human Relations*. 2-nd ed. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1982. – 319 p.
248. Elshtain J.B. *Women and War*. New York: Basic Books, 1987. – 288 p.
249. Eminovich C. Argument as Status Assertion: Contextual Variations in *Children's Disputes* // *Language in Society*. 1986. Vol. 15. № 4. P. 485-500.
250. Ernan B. Female and Male usage of Pragmatic Expressions in Same-Sex Interactions // *Language Variation and Change*. 1992. Vol. 4, № 2. P. 217-234.
251. Ervin-Tripp S.M. *Sociolinguistic Rules of Address* // *Sociolinguistics*. London: Penguin Books, 1979. P.255-240.
252. Evans D.A. *Situations and Speech Acts: Toward a Formal Semantics of Discourse*. New York; London: Garland, 1985. – 211 p.
253. Farb P. *Words Play. What Happens when People Talk*. London: Longman, 1973.
254. Fedler K., Semin G. and Finkenauer C. The Battle of Words between Gender Groups: A Language-Based Approach to Intergroup Process // *Human Communication Research*. 1993. Vol. 19. № 3. P. 409-441.
255. Feldman S.S. *Mannerism of Speech and Gestures in Everyday Life*. New York: International University Press, 1969. – 301 p.

256. "Femininity", "Masculinity", and "Androgyny" / A Modern Philosophical Discussion. Ed. by Mary Vetterling. Braggin: Totowa, 1982. – 326 p.
257. Feminism and Political Theory / Judith Evans, Jill Hills, Karen Hunt et all. London etc.: Sage, 1986. – 155 p.
258. Foster B. The Changing English Language. London; New York, 1969.
259. Frank J., Heu J. Malediktologie. Trier: Max Niemeyer Verlag, 2001. – 23 s.
260. Gallois G. and Callan V.J. Communication, Accommodation and the Prototypical Speaker: Predicting Evaluation of Status and Solidarity // Language and Communication. 1988. Vol. 8, № 3 / 4. P. 271-284.
261. Geertz C. Linguistic Etiquette // Sociolinguistics. New York; London: Penguin Books, 1979. P. 167-179.
262. Giles H. and Powesland P.F. Speech Style and Social Evaluation. London: Academic Press, 1975. – 218 p.
263. Giles H. Sociolinguistics and Social Psychology. An Introductory Essay // Language and Psychology. Oxford: Basil Blackwell, 1979. P 1-20.
264. Goffman E. Forms of Talk. Oxford: Blackwell, 1981. – 355 p.
265. Goldberg H. The hazards of being male: Surviving the Myth of Masculine Privilege. New York: New American Library, 1977. – 195 p.
266. Graves R. Lars Porsena (or The Future of Swearing and Importer Language). London: Martin Brion and O'Keefe, 1972. – 68 p.
267. Gregersen F. Relationship Between Social Class and Language Usage // Pragmatics. Theory and Practice. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. P. 171-192.
268. Grimshaw A.D. Language as Social Resource: Essays by Allen D. Grimshaw. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1981. – 373 p.
269. Gumperz J.J. Sociolinguistics and Communication in Small Groups // Sociolinguistics. London: Penguin Books, 1979. P. 203-224.
270. Hadar U. Gestural Modification of Speech Production: the Role of Head Movement // Language and Communication. 1989. Vol. 9. № 4. P. 245-258.
271. Haiman F. S. "Speech Acts" and the First Amendment / With a Foreword by A.J. Mikva. Southern Illinois University Press, 1993. – 104 p.
272. Halberstadt A.G. and Hayles C.W. Gender Role Differences in Smiling and Communication Consistency // Sex Roles. 1988. Vol. 19. № 9 / 10. P. 589-604.
273. Hall E.W. Our Knowledge of Fact and Value. Chapel Hill, 1961.
274. Harris W.V. Interpretive Acts: in Search of Meaning. Oxford: Clarendon Press, 1988. – 192 p.
275. Harrison B.C. Power and Society: An Introduction to the Social Sciences. Wadsworth Cengage Learning, 2011. Twelfth Edition. – 434 p.

276. Hasse Liz. Violent Acts and Prurient thoughts // The State of Language. London: Boston Farber and Farber, 1990. P. 424-432.
277. Hawes E. Anything but Love. A Complete Digest of the Rules for Feminine Behavior from Birth to Death. New York; Toronto: Rinehart, 1948. – 277 p.
278. Hayley D. What Makes Bad Language Bad? // Language and Communication. 1989. Vol. 9. № 1. P. 1-9.
279. Hazen N. and Black B. Preschool Peer Communication Skills: The Role of Social Status and Interaction Context // Child Development. 1989. Vol. 60. № 4. P. 867-876.
280. Heelas P. Anthropology, Violence and Catharsis // Aggression and Violence. New York: St. Martin's Press. 1982. P. 48-62.
281. Heise D.R. Understanding Events: Affect and the Construction of Social Action. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1979. – 197 p.
282. The Handbook of Language Socialization / Ed. By A. Duranti, E. Ochs, B. B. Schieffelin. A John Wiley & Sons Ltd., Publication. 2012/
283. Hepburn J. Conversational Competence // Australian Journal of Reading. 1991. Vol. 14. № 3. P. 227-232.
284. Heuton C.G. Fact and Fiction in the Description of Female and Male Pitch // Language and Communication. 1989. Vol. 9. № 4. P. 299-312.
285. Holmes J. Functions of “you know” in women's and men's speech // Language in Society. 1986. Vol. 15. № 1. P. 1-22.
286. Housndorf H. and Quasthoff U.M. Patterns of Adult-Child Interaction as a Mechanism of Discourse Acquisition // Journal of Pragmatics. 1992. Vol. 17. № 3. P. 241-259.
287. Hughes S.E. Expletives of Lower-Working Class Women // Language in Society. 1992. Vol. 21. № 2. P. 291-304.
288. Huxley A. Words and Their Meanings. Los Angeles: The Ward Ritchie Press, 1940.
289. Hymes D.H. On Communicative Competence // Sociolinguistics. London; New York: Penguin Books, 1979. P. 269-293.
290. Infante D.A., Riddle B.L. Hogvarth C.L. and Tumlin S.A. Verbal Aggressiveness: Messages and Reasons // Communication Quarterly. 1992. Vol. № 2. P. 116-126.
291. Intercultural Communication: A Reader / Ed. by L.A.Samovar, R.E.Porter, E.R.McDaniel. Wadsworth Sengage Learning, 2012. – 518 p.
292. International Journal of the Sociology of Language: Language, Sex and Society / Ed. by Tove Bull, Torel Swan and Joshua A. Fishman. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992. Vol. 94.

293. Jackson J.E. *Words and Their Meaning*. London; New York: Longman, 1988. – 279 p.
294. Javorski A. How to Silence a Minority: the Case of Women // *International Journal of the Sociology of Language*. 1992. Vol. 94. P. 27-42.
295. Jorgensen J.N. *Code-Switching in Conversation // Language, Interaction and Identity / Ed. by P.Auer*. London and New York Routledge, 2002. – 355 p.
296. Jespersen O. *Language: It's Nature, Development and Origin*. New York: Longman, 1988. – 279 p.
297. Jewson J., Sachs J. and Rohner R.P. The Effect of Narrative Context on the Verbal Style of Middle-Class and Lower-Class Children // *Language in Society*. 1981. Vol. 10. № 2. P. 201-216.
298. Josef J.E. *Eloquence and Power: the Rise of language Standards and Standard Languages*. London: Pinter, 1987. – 199 p.
299. Kemper T.D. *A Social interactional Theory of Emotions*. Now York, etc., 1978. – 459 p.
300. Kenneth R.R. Speech Acts and Questionnaires: the Effect of Hearer Response // *Journal of Pragmatics*. 1992. Vol. 17. № 1. P. 4-62.
301. Khosroshahi F. Penguins don't Care, but Women do: a Social Identity Analysis of a Whorfian Problem // *Language in Society*. 1989. Vol. 18. № 4. P. 505-526.
302. Kimberly J. A Question of Context: Directive Use at a Morris Team Meeting // *Language in Society*. 1992. Vol. 21, № 3. P. 427-445.
303. Kipers P.S. Gender and Topic // *Language in Society*. 1987. Vol. 16. № 4. P. 543-558.
304. Kitto J. Gender Reference Terms: Separating the Women from Girls // *The British Journal of Social Psychology*. 1989. Vol. 21, № 2. P 185-187.
305. De Klerk V. How Taboo are Taboo Words for Girls // *Language in Society*. 1992. Vol. 21. № 2. P. 277-289.
306. Labov W. *The Social Stratification of English in New York City*. Washington: A Publication of the Center for Applied Linguistics, 1966.
307. Labov W. *Language in the Inner City. Studies on the Black English Vernacular*. Oxford: Basil Blackwell, 1972. – 396 p.
308. Labov W. The Linguistic Consequence of Being a Lame // *Language in Society*. 1973. Vol. 2. № 1. P. 81-116.
309. Labov W. *The Study of Language in its Social Context // Sociolinguistics*. London; New York: Penguin Books, 1979. P. 180-202.
310. Lakoff R. Language and Women's Place // *Language in Society*. 1973. Vol. 2. № 1. P. 45-80.
311. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chikago; London: The University of Chicago Press, 1985. – 614 p.

312. Language Ideologies, Policies and Practices // Language and the Future of Europe / Ed. By C. Mar-Molinero and P. Stevenson. Palgrave Macmillan, 2006. – 267 p.
313. Language and Social Psychology / Ed. by Howard Gills and Robert N. St. Clair. Oxford: Blackwell, 1979. – 261 p.
314. Language, Society and Power. An Introduction / Ed. By Ishtla Singh, J.S. Peccei. Second edition. London; New York: Routledge; Taylor & Francis Group, 2004. – 239 p.
315. Laver J., Trudgill P. Social Markers of Speech // Social Markers of Speech. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P 1-26.
316. Lee G.N. Principles of Pragmatics. London; New York, 1983. – 250 p.
317. Lee H. Power: Women and the World // The State of Language. London; Boston: Farber and Farber, 1990. P. 110-117.
318. Levet W.J.M. Speaking: from Intention to Articulation. Cambridge (Mass.); London: The MIT Press, 1989. – 566 p.
319. Lips H. Women, Men and the Psychology of Power. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1981. – 238 p.
320. Lubfind K. The Identity of a Minority // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1989. Vol. 10. № 1. P. 47-57.
321. Macaulay R.K. Social Class and Language in Glasgow // Language in Society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 173-177.
322. Marche T.A., Peterson C. The Development and Sex-Related Use of Interruption Behavior // Human Communication Research. 1993. Vol. 19. № 3. P. 388-408.
323. May J.D. Questions and Suggestions: The Pragmatics of Interrogative Speech // Language and Communication. Vol. 9. № 4. P. 227-244.
324. Menchen A.L. The American Language. New York: Alfred A. Knopf, Inc., 1938. – 769 p.
325. Mey J.L. Whose Language? A Study in Linguistic Pragmatics. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1985. – 412 p.
326. McConnell-Ginet S. Gender, Sexuality, and Meaning // Linguistic Practice and Politics. Oxford University Press, 2011. – 297 p.
327. Mills S. Do Men and Women Talk Differently? // Language and Communication. 1988. Vol. 2. № 2. P. 155-158.
328. Mills S. Discourse Competence: Or How to Theorize Strong Women Speakers // Hypathia. 1993. Vol. 7. № 2. P. 4-17.
329. Milroy L. Observing and Analysing Natural Languages: A Critical Account of Sociolinguistic Method. Oxford; New York; Blackwell, 1987. – 230 p.
330. Milroy L., Milroy J. // Language in Society. 1992. Vol.2. № 1. P. 1-26.

331. Morean N.B. Education, Ideology and Class / Sex Identity // Language and Power. Beverly Hills etc.: Sage, 1984. P. 43-61.
332. Murray S.O. Sex and the Economy of Speaking Turns // Journal of Pragmatics. North-Holland, Amsterdam. 1994. Vol. 21. № 2. P. 215-224.
333. Myers-Scotton C. Self-Enchancing Codeswitching as Interactional Power // Language and Communication. 1988. Vol. 8. № 3 / 4. P. 199-211.
334. Myers-Scotton C. Common and Uncommon Ground: Social and Structural Factors in Codeswitching // Language in Society. 1993. Vol. 22. № 4. P. 475-504.
335. Nemrow L. Dirty Words // The State of Language. London; Boston: Farber and Farber, 1990. P. 433-442.
336. Nickols P.C. Networks and Hierarchies. Language and Social Stratification // Language and Power. Beverly Hills etc.: Sage, 1984. P. 23-42.
337. Nilsen D.L., Nilsen A.P. Language Play: An Introduction to Linguistics. Rowley (Mass.): Newbury House, 1978. – 249 p.
338. Nothdurft W. Conversational Analysis of Complex Interactional Patterns // Sprache und Gesellschaft in deutschsprachigen Landern. Munchen, 1987. S. 57-93.
339. Nystrand M. The Structure of Written Communication. Studies in Reciprocity Between Writers and Readers. Orlando; San Diego etc., 1986. – 234 p.
340. The Nature of the Right: A Feminist Analysis of the Order Patterns / Ed. By Gill Sidel. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1988. – 185 p.
341. Palmer M. Controlling Conversation: Turns, Topics and Interpersonal Control // Communication Monograph. 1989. Vol. 56. № 1. P. 1-18.
342. Parret H. Context of Understanding. Amsterdam: Benjamins, 1980. – 109 p.
343. Partridge E. Slang Today and Yesterday. London, 1979. – 476 p.
344. Partridge E. Eric Partridge in His Own Words / With Tribunes by Anthony Burgess et al. Ed. By David Cristal. London: Deutsch, 1980.
345. Pear T.H. Personality Appearance and Speech. London: Allen and Unwin, 1957. – 167 p.
346. Pride J.B. The Social Meaning of Language. London: Oxford University Press, 1971.
347. Quirk R. Style and Communication in the English Language. London: Edv. Arnold Publishers, 1982. – 136 p.
348. Prucha J. Pragmalinguistics: East European Approaches. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983. – 103 p.
349. Rich B. Women's Derogatory Terms for Men: That's Right, "Dirty" Words // Language in Society. – 1987. – Vol. 16. № 3. P. 353-358.

350. Robinson W.P. Language and Social Behaviour. Harmonds-Worth (Midd'x.); etc.: Penguin Educ., 1974. – 223 p.
351. Rogers E.M., Steinfatt Th.M. Intercultural Communication. Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, Inc., 2002. – 292 p.
352. Rommetveit R, Blakar R.M. Studies of Language, Thought and Verbal Communication. Oslo: Academic Press, 1979.
353. Rubin J. Acquisition and Proficiency // Sociolinguistics. London; New York: Penguin Books, 1979. P. 350-366.
354. Ryan Why do low prestige varieties persist? // Language and Social Psychology. Baltimore: University Park Press, 1979. P. 145-157.
355. Schiffman H.F. “Resisting Arrest” in Status Planning: Structural and Covert Impediments to Status Change // Language and Communication. 1992. Vol. 12. № 1. P. 1-16.
356. Scruton R. Ideologically Speaking // The State of Language. London; Boston: Farber and Farber, 1990. P. 118-129.
357. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Mind. London, New York: Cambridge University Press, 1970. – 278 p.
358. Searle J.R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. London, New York: Cambridge University Press, 1970. – 203 p.
359. Searle J. The Classification of Illocutionary Acts // Language in Society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1-24.
360. Searle J.R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1981. – 187 p.
361. Shibles W. Verbal Abuse: An Analysis // Papiere zur Linguistik. 1992. Vol. 46. № 1. P. 29-48.
362. Skinner B.F. Verbal Behavior. New York: Appleton-Century-Crofts, Inc., 1957. – 478 p.
363. Social Markers of Speech / Ed. By Klaus R. Shrerer and Howand Giles. Cambridge, etc.: Cambridge University Press, 1979. – 395 p.
364. Soudek L. Structure of Substandard Words in British and American English. Bratislava, 1967. – 288 p.
365. Spender D. Man Made Language. London: Routlege and Kenan, 1980.
366. Stern G. Meaning and Change of Meaning. Bloomington: Indiana University Press, 1964. – 456 p.
367. Stricant K.S., Slembrouk S. Non-cooperation in Communication: A Reassessment of Gricean Pragmatics // Journal of Pragmatics. 1992. Vol. 17. № 2. P. 117-154.
368. Styles W.B. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society. 1981. Vol. 10. № 2. P. 227-250.

369. Swain J. What do We do about Gender? // *Language and Education*. 1992. Vol. 6. № 2 / 4. P. 249-258.
370. Smith P.M. Sex Markers of Speech // *Social Markers of Speech*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 108-139.
371. Tannen D. *Conversational Style: Analyzing Talk among Friends*. Norwood (N.J.): Ablex Publ., 1984. – 188 p.
372. Tannen D. *Communication Matters: He said / She Said: Women, Men and Language*. Recorded books LLC, 2003. – 79 p.
373. Tannen D. *Gender and Discourse*. New York; Oxford: Oxford University Press, 1996. – 221 p.
374. Trudgill P. Sex, Covert Prestige and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich // *Language in Society*. 1972. Vol. 1. № 2. P. 179-196.
375. Trudgill P. *The Social Differentiation of English in Norwich*. Cambridge Studies in Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
376. Turner G.W. *Stylistics*. London: Penguin Books, 1973. – 256 p.
377. Uchida A. When “difference” is “dominance”: A Critique of the “Anti-Power-Based” Cultural Approach to Sex Differences // *Language in Society*. 1992. Vol. 21. №.4. P. 547-568.
378. Ullman S. *The Principles of Semantics: A Linguistic Approach to Meaning*. Clagow, 1951. – 314p.
379. Ullman S. *Semantics: An Introduction to the Science of Meaning*. Oxford: Blackwell, 1983. – 278 p.
380. *Uncensored English* <http://uncensored.betteratenglish.com/>
381. Vincent D., Sankoff D. Punctors: A Pragmatic Variable // *Language Variation and Change*. 1992. Vol. 4. № 2. P. 205-216.
382. Warner A. *A Short Guide to English Style*. Oxford University Press, 1961. – 192 p.
383. Warner M. *Fighting Talk // The State of Language*. London; Boston: Farber and Farber, 1990. P. 100-109.
384. Warner S. *The Urge to Mass Destruction*. New York: Grune and Stratton, 1957. – 188 p.
385. Winefield H.R., Chander M.A., Bassett D.L. Tag Questions and Powerfulness: Quantitative and Qualitative Analyses of a Course of Psychotherapy // *Language in Society*. 1989. Vol. 18. № 1. P. 77-86.
386. Wood J. *Communication Mosaics: An Introduction to the Field of Communication*. Wadsworth Cengage Learning. Sixth Edition. 2011. – 396 p.
387. Wooton A. *Dilemmas of Discourse. Controversies about the Sociological Interpretation of Language*. London: Allen and Unwin, 1975. – 125 p.

388. Xingsong Shi and Langman J. Gender, Language, Identity, and Intercultural Communication // The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication / Ed. By J. Jackson. 2012. – 605 p.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ

389. Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь-справочник табуированной лексики и эвфемизмов: Около 10000 слов и выражений. М.: «Комт», 1993. – 304 с.
390. Краткий словарь американского сленга / Под ред. А.В. Бушуева и Т.С. Бушуевой. Смоленск: Редакционно-издательский центр «Ток», 1993.
391. Спирерс Р.А. Словарь американского сленга. М.: Рус. яз., 1991. - 258 с.
392. Kramarae Ch., Treichler P.A. A Feminist Dictionary / With ass. from A. Russo. Boston; etc.: Pandora Press, 1985. – 587 p.
393. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Published by G. and C. Merriam Co. Springfield, Mass, 1961.
394. Webster's Dictionary of Synonyms. American Language. Springfield, Massachussets: A. and C. Merriam Co., 1973. – 910 p.
395. Webster's New World Dictionary of American Language. Second Colledge Edition / David B. Guralnic, William Collins and World Publishing Co. Inc. Cleveland; New York, 1974.
396. Webster's School Dictionary. Springfield: Merriam - Webster, 1986. – 1167 p.
397. Webster's Dictionary and Thesaurus: Over 500 000 Words and Meanings. New Revised and Expanded Edition. Ashland: Landoll's, 1993. – 224 p.
398. Wentworth H. and Flexner S.B. Dictionary of American Slang. Second Supplemented Edition. New York: Thomas V. Crowell, 1975.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ПРИМЕРОВ

399. Collins J. Hollywood Wives. London: Pan Books, 1983. – 522 p.
400. Collins J. Lady Boss. New York; London; Toronto etc.: Pocket Books, 1990. – 630 p.
401. Forsythe R. Bishop's Landing. New York: Dorchester Publishing Co., Inc., 1980. – 368 p.
402. Goldman W. Boys and Girls Together. New York: Bantam Books, 1964. – 692 p.
403. Heller J. Good as Gold. New York: Pocket Books, 1980. – 488 p.

404. Mc. Millan T. *Waiting to Exhale*. New York; London; Toronto etc.: Pocket Star Books, 1992. – 400 p.
405. Norman H. *Shattered Stars*. London; New York: Coronet Books, 1991. - 447 p.
406. Rey P. *The Greek*. Berkley: Medallion Edition, 1975. – 474 p.
407. Robbins H. *The Carpet Baggers*. New York: A Four Square Book, 1966. – 633 p.
408. Robbins H. *A Stone for Danny Fisher*. New York: Pocket Books, Inc., 1966. – 431 p.
409. Robbins H. *Where Love Has Gone*. New York: Pocket Books, Inc., 1970. – 310p.
410. Segal E. *Love Story*. New York: Times Mirror, 1970.
411. Shaw J. *Bread Upon the Waters*. London: New English Library, 1981. – 596 p.
412. Styron W. *Sophie's Choice*. Toronto; New York; London, etc.: Bantam Books, 1982. – 626 p.
413. Uhnak D. *The Investigation*. New York: Pocket Books, Inc., 1988. – 410 p.
414. Wambaugh J. *The New Centurions*. New York: Dell Publishing Co., 1984. – 358 p.

Меркулова Эдита Николаевна

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СУБКОЛЛОКВИАЛЬНЫХ
ОЦЕНОЧНЫХ НОМИНАЦИЙ
(АМЕРИКАНСКИЙ ВАРИАНТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Монография

*Редактор О.В. Пугина
Компьютерный набор и верстка автора*

Подписано в печать 11.11.2013. Формат 60 x 84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9.
Уч.-изд. л. 8. Тираж 500 экз. Заказ №1075

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ННГУ им.Н.И.Лобачевского
603000,г.Нижний Новгород, ул.Б.Покровская, 37
Тел. (831) 433-83-25, 433-53-02